

282136

[Faint, illegible text on a yellowed label]

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

ТОМЪ ХС.

1905 г.

СЕНТЯВРЬ.

ИБ ПНУС

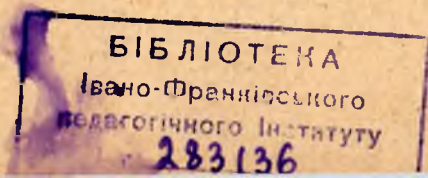
283136

К І Е В Ъ .

Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра Акціон. О-ва
печ. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.

1905.

Дозволено Цензурою. Кієвъ, 11 августа 1905 г.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 90-го:

Юль-августъ, сентябрь, 1905 г.

Книга первая и вторая — июль-августъ.

О т д ѣ л ь I.

- I В. Н. КАРАЗИНЪ. Его жизнь и общественная дѣятельность. *Н. Тихого.* 1—58
- II ОСКОЛКИ СТАРИНЫ ВЪ ЗЪНЬКОВСКОМЪ УЪЗДѢ. *А. Твердохлѣбова.* 59—74
- III НЮБА. (Новеля). Гл. VIII—XIV. *О. Кобылянської* 75—107
- IV КЪ ВОПРОСУ О НАРОДНЫХЪ РЕАКЦІЯХЪ ВЪ УКРАИНѢ ВЪ XVIII ВѢКѢ. *Вл. П—ко.* 108—116
- V СБОРНИКЪ МАЛУРУССКИХЪ СКАЗОКЪ. *Гавриіла Стрижевскаго.* 117—165
- VI КІЕВСКІЙ СОБОРЪ ВЪ 1629 ГОДУ. Протоіерея *Петра Орловскаго.* 166—173
- VII КЪ ПОЛЬСКО-УКРАИНСКИМЪ ОТНОШЕНІЯМЪ ВЪ ГАЛИЦІИ. *М. Грушевскаго.* 174—234

О т д ѣ л ь II.

- I БИБЛІОГРАФІЯ: а) 1) Халера; 2) Про холеру и якъ видъ ней стеретгся. *Врачъ;* б) С. А. Блонскій. Народныя школы съ малорусскимъ языкомъ. *С. Е.;* в) Въ зашиту слова. Сборникъ 2-е изданіе. *С. Е.;* г) Иванъ Франко. Збирникъ творивъ. Томъ III. Борыславські оповидання. *Л. Жигмайло;* д) Обзоръ журналовъ текущаго года 1—32
- II ДОКУМЕНТИ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Что стоиль Андрею Полетикъ процессъ за с. Аксютинцы. Сообщ. *В. Модзалевскій;* б) Зъньковскій полковникъ Василій Шиманъ и его потомство. Сообщ. *В. Модзалевскій;* в) Грамота Кіевского митрополита Іосафа Кроковскаго на утвержденіе скита близъ м. Моровска, основаннаго игуменомъ Лебединскаго монастыря Сера

II

піономъ 1714 г. Сообщ. *В. Перетцъ*; г) Платье и бѣлье малорусской паніи XVIII ст. Сообщ. *Н. К. В-ый*; д) О землетрясеніи въ черниговской и полтавской губерніи въ 1839 г. Сообщ. *И. Фр. Павловскій*; е) И. П. Котляревскій — ученикъ Екатеринославской семинаріи Сообщ. *Вл. П-ко*; ж) О тысячелѣтнемъ юбилеѣ г. Перяяслава. *О. Л.*; з) Екатеринославскій областной музей имени А. Н. Поля. *А. Скриленко*.

ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ
ОБЪЯВЛЕНІЯ

33—57
57—81
1—3

Книга третья — сентябрь.

О Т Д Ъ Л Ъ I.

I ИЗЪ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНІЯ НА УКРАИНѢ. <i>Вл. П-ко</i>	235—247
II ШОБА. (Новеля). Окончаніе <i>О. Кобылянскою</i>	248—316
III ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРАЙ ПО ДАННЫМЪ ПЕРЕПИСИ 1897 ГОДА. <i>Л. Личкова</i>	317—366
IV УКРАИНСКІИ ОПОВИДАННЯ А. П. СТОРОЖЕНКА <i>Иг. Житецкаго</i>	367—382
V В. Н. КАРАЗИНЪ. Его жизнь и общественная дѣятель- ность. (Окончаніе). <i>Н. Тихаго</i>	383—389

О Т Д Ъ Л Ъ II.

I БИБЛИОГРАФІЯ: а) Научая критика, памфлетъ или пасквиль?. Проф. <i>Д. И. Багалъя</i> ; б) Нові і перемінні звѣзди. Написавъ проф. д-ръ <i>І. Полжой. В Н-ко</i> ; в) Труды Полтавской Ученой Архивной Коммиссіи. <i>В. Н.</i>	83—103
II ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Отзвукъ былины о змѣборствѣ Добрыни Никитича въ Украинскомъ фольклорѣ. <i>Владиміръ Даниловъ</i> ; б) Къ исторіи пребыванія монаховъ трапистовъ въ Россіи. Сообщ. <i>В. Страшкевичъ</i> ; в) О принадлежавшемъ базилианамъ въ г. Римъ домъ. Сообщ. <i>В. Страшкевичъ</i> ; г) Пѣсня на освобожденіе отъ панщины — въ 1861 г. Сообщ. <i>Л. М.</i> ; д) Сенатскій указъ Кіевскому архіепископу Рафаилу Заборовскому, отъ 16 декабря 1742 года, въ отвѣтъ на его ходатайство о возстановленіи нѣкоторыхъ правъ южно-русскаго духовенства и Кіевской Академіи. Сообщ. Проф. <i>Н. Петровъ</i> ; е) «Стужа» въ Малороссіи въ мартѣ 1748 г. <i>Вл. П-ко</i> ; ж) Свѣдѣніе о количествѣ провіанта, выданнаго изъ магазиновъ Кіевской губерніи на расквартированные въ Малороссіи полки (1715 — 1717 гг.). <i>В. Модзалевскій</i> ; з) Извѣщенія редакціи	104—120
ПРИЛОЖЕНІЕ: Литература о В. Н. Каразинѣ. <i>Н. Тихаго</i> .	1—26

Изъ исторіи образованія на Украинѣ.

I.

*Нѣсколько данныхъ объ украинской семинаріи въ г. Переяславѣ
въ 18 в.*

До сихъ поръ въ печать проникло немного свѣдѣній о состояніи украинской духовной семинаріи въ г. Переяславѣ въ 18 в.¹⁾ Тѣмъ цѣннѣе должны быть тѣ данныя, которыя мы находимъ въ архивѣ св. синода (дѣло 1737 г. № 380, въ 5 томахъ) объ этой семинаріи. Тамъ найдено нами 8 донесеній переяславскаго епархіальнаго начальства, нѣсколько обрисовывающихъ состояніе семинаріи въ первые годы ея существованія (1738—1745 г.г.).

Во исполненіе синодскаго указа, послѣдовавшаго по волѣ императрицы Анны въ 1737 г., епископъ переяславскій Арсеній Берло 20 іюня 1738 г. представилъ первое донесеніе въ синодъ о своей семинаріи, тогда только еще основывавшейся. Въ своемъ донесеніи Арсеній пишетъ, что, прибывъ на Пере-

¹⁾ См. „Кіевск. Стар.“ 1888 г., т. 20; 1889 г., февр.; 1899 г., янв.; брош. А. Берло—„Арсеній Берло, еп. Переясл.“, Кіевъ, 1904 г.; въ брошюрѣ игумена Подіевкта „Свѣдѣн. о Полт.—Переясл. епарх. и ея архипастыряхъ“, Полтава 1868 г.; въ Полт. Епарх. Вѣдом. за 1891 г. №№ 10—11, 17—18, 22 и др.

яславскую кафедру 9 ноября 1733 года, онъ «такъ училищъ, яко учителей, и никакихъ учениковъ не засталъ, и прежде не бывало»; теперь-же, въ 1738 году, «школы устроены», «въ которыхъ нинѣ священническіе дѣти по состоянію новосооруженныхъ училищъ на російскомъ языке грамоти и латинскимъ початкомъ писать и элементаровъ начали обучаться, а протчіи Алваровъ ¹⁾ заправляются, и школы инфимии и грамматики слушаютъ»; вышшимъ же наукамъ дѣти священниковъ Переяславской епархіи обучались тогда въ Кіевской академіи и Черниговскомъ коллегіумѣ, гдѣ проходили школы—поэтику, риторику, философію и богословіе. Къ своему донесенію Арсеній приложилъ и вѣдомость объ ученикахъ «школы славено-латинской», которыхъ (все—священническія дѣти) показано 47 человекъ, въ возрастѣ отъ 9 до 16 лѣтъ. Изъ нихъ 12 человекъ «обучаются писать на російскомъ и латинскомъ діалектѣ» съ 1738 г., 11—«элементарии учатъ» тоже съ 1738 года, 11—«обучается Алвара» съ 1737 г., 8—«обучается школы инфими» съ 1736 г. и, наконецъ, 5 человекъ «обучается школы грамматики». Объ учителяхъ нѣтъ ни слова, нѣтъ и ихъ подписей въ вѣдомости. Думаемъ, что данное донесеніе и вѣдомость кое-чего не договариваютъ, именно того, что все это только—проектъ, близкій къ осуществленію, а не самая дѣйствительность. Извѣстно уже, что открытіе семинаріи послѣдовало осенью 1738 г.,—слѣдовательно, 20 іюня, когда писалось это донесеніе, ея еще не было. Зданіе для училища тогда только еще достраивалось, ученики еще собирались съ епархіи, учителей не было. Указаніе на то, что ученики обучаются съ 1737, 1736 и даже 1735 г.г., не слѣдуетъ принимать въ смыслѣ утвержденія основанія семинаріи раньше 1738 г.; это, думается, просто означаетъ то, что дѣти священниковъ Переяславской епархіи, учившіяся раньше въ Кіевѣ и Черниговѣ съ указанныхъ годовъ, въ 1738 г. намѣнены были къ переводу въ соотвѣтствующіе классы Переяславской семинаріи.

¹⁾ Разумѣется тогдашняя учебная книга Альвара по лат. яз.

Слѣдующее донесеніе Арсенія, отъ 5 іюля 1739 г., болѣе интересно, такъ какъ даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о первомъ учебномъ годѣ Переяславской семинаріи.—«За неимѣніемъ при домѣ архіерейскомъ Переяславскомъ»,—пишетъ въ донесеніи Арсеній,—«учителнихъ монаховъ, такожъ и свѣтскихъ людей, принуждены опредѣлить во учителя мирскихъ троухъ священныковъ честнихъ, изучившихся богословіи, которіе, на особливомъ моемъ трактатѣ будучи содержаны и консоляціею удоволены, с охотою должность свою учительскую исполняютъ». Къ донесенію приложена вѣдомость, изъ которой видно, что въ первомъ учебномъ году въ Переяславской семинаріи были школы или классы: фара (30 уч.), инфима (27 учит.), грамматика (11 учит.), синтаксима (24 уч.), поэтика (6 уч.) и риторика (12 уч.), въ нихъ всего обучалось 110 человекъ. Достоинно вниманія, что въ этой семинаріи, въ первый-же годъ ея существованія, при 65 священническихкихъ дѣтяхъ, обучалось 45 дѣтей «разночинцовъ». Въ числѣ разночинцевъ, приславшихъ въ переяславскую семинарію своихъ дѣтей въ первый годъ ея существованія, встрѣчаются слѣдующія званія: есаулы («асаулы»), сотники, старосты, 2 компанійскихъ полковника, компанійскіе козаки, 1 факторъ полковой и—больше всего—мѣщане и «люди посполитые». Какъ оказывается, въ переяславскую семинарію присылали и изъ такихъ мѣстъ, лежавшихъ внѣ предѣловъ переяславской епархіи, какъ Кіевъ, Черниговъ, Нѣжинъ, Сумы, Конотопъ, Гадячь, Глуховъ, Любечъ и т. п. Такимъ образомъ, переяславская семинарія сразу-же получила значеніе крупнаго просвѣтительнаго центра въ Украинѣ.

Большинство учениковъ опредѣлено было въ семинарію 12 сентября 1738 г., но были и поступившіе позже—въ октябрѣ и ноябрѣ и даже 9 января 1739 г. Первыми учителями переяславской семинаріи, какъ видно изъ подписей къ вѣдомости, были священники: въ фарѣ и инфимѣ—Іоаннъ Лисіевичъ, въ грамматикѣ и синтаксимѣ—Стефанъ Древецкій¹⁾, въ поэтикѣ и рито-

¹⁾ Вѣроятно, это то же лицо, которое въ слѣдующемъ донесеніи имѣетъ фамилію Древецкій.

рикѣ Іоаннѣ Журовскій. Неизвѣстно, имѣль-ли изъ нихъ кто-нибудь званіе «префекта»—начальника семинаріи.

Въ донесеніи отъ 12 іюля 1740 г. еп. Арсеній указываетъ уже другихъ преподавателей семинаріи (за исключеніемъ, кажется, одного); въ риторикѣ и поэтикѣ священника Стефана Деревецкаго, въ синтаксимѣ и грамматикѣ—«ѳеолога Козму Богдановича», въ инфимѣ и фарѣ—Симеона Прокопова. Изъ нихъ два послѣднихъ отнесены къ числу «студентовъ». Подобно тому, какъ въ предыдущемъ донесеніи, объ учителяхъ замѣчено, что они, «на особливомъ препитаніи будучи содержаши и награжденіемъ пристойнымъ удоволены, по надлежащему должность свою учительскую исполняли». Священникъ Стефанъ Деревецкій именуется «коллегіума переяславскаго префектомъ». Въ 1739—40 уч. году учащихся въ семинаріи было 123, въ томъ числѣ дѣтей разночинцевъ 44.

Въ донесеніи 23 іюля 1741 г. указываются слѣдующіе учителя семинаріи: священникъ Троицкой церкви мѣстечка Барышевки Михаилъ Исаевичъ («Исаевичъ»), «философіи изучившійся» (т. е. окончившій въ Кіевѣ или Черниговѣ классъ философіи) и преподававшій въ 1740—41 уч. году въ Переяславской семинаріи риторику и поэтику; затѣмъ «мирскіи студенты, философіи изучившіеся»—Семень Прокоповичъ, учитель грамматики и синтаксимы, и Трофимъ Горлянскій, учитель фары и инфимы. Званіе префекта имѣль священникъ Михаилъ Исаевичъ. Учащихся было 124 человекъ, изъ нихъ дѣтей разночинцевъ—49.

Донесеніе отъ 3 іюля 1742 года даетъ указаніе, что съ 1741—42 учебнаго года въ Переяславской семинаріи введено было обученіе польскому языку и уничтожена была самая низшая школа—фара, вѣроятно, оказавшаяся лишней—въ виду существованія приходскихъ школъ. Въ этомъ году префектомъ «училищъ славенолатинскихъ переяславскихъ» и учителемъ риторики былъ священникъ Іоаннъ Лиссіевичъ, въ синтаксимѣ и поэтикѣ учительствовалъ «Алексей Малѣновскій»—лицо свѣтское, въ инфимѣ и грамматикѣ—священникъ Филиппъ Стефановъ. Изъ 120 воспитанниковъ, бывшихъ на лицо въ этомъ году въ семинаріи, 49—дѣти разночинцевъ, остальные—духовнаго званія.

Судя по послѣднему донесенію епископа Арсенія Берла отъ 26 іюня 1743 г., въ 1742—43 уч. году въ Переяславской семинаріи преподавали: префектъ «коллегіума» и учитель риторики Алексѣй Малиновскій, учитель поэтики и синтаксисы священникъ Филиппъ Гѣшкевичъ и учитель грамматики и инфимы Филиппъ Покорскій. Всѣхъ учащихся на лицо было 136, изъ нихъ 62 — дѣти разночинцевъ.

Въ 1743—44 уч. году префектомъ «училищъ славенолатинскихъ, при домѣ преосвященнѣйшаго архіерея переяславскаго имѣющихся», былъ учитель риторики Василій Лаврентіевъ Зеленскій; въ поэтикѣ и синтаксимѣ преподавалъ Григорій Павловъ Гиновскій, въ грамматикѣ и инфимѣ — Іаковъ Павловъ Фаворскій. Учащихся было — 61 духовныхъ и 48 — свѣтскихъ.

Въ слѣдующемъ 1744—1745 учебномъ году въ семинаріи оставался тотъ-же преподавательскій персоналъ, что и въ предыдущемъ году, учащихся-же было: 66 — дѣтей духовенства и 45 — свѣтскихъ.

Но мирное теченіе жизни переяславской семинаріи скоро было, какъ узнаемъ изъ другого дѣла синодскаго архива (1748 г. 12 сентября, № 232), нарушено: 18 іюля 1748 г., при епископѣ Никодимѣ Сребницкомъ (1745—1751 г.г.), сильный пожаръ уничтожилъ «училищныя школы» вмѣстѣ со многими постройками переяславскаго каѳедральнаго Вознесенскаго монастыря. Вслѣдствіе этого Никодиму пришлось до постройки новаго зданія перенести семинарію въ смежный съ каѳедральнымъ монастыремъ пустовавшій домъ Семена Мировича, раньше принадлежавшій умершей генеральшѣ Кантакузиной. Домъ оказался подходящимъ для того, чтобы въ немъ «для ученія собиратись безъ утѣсненій», но его пришлось нѣсколько отремонтировать и дворъ его заборомъ оградить. Синодъ и сенатъ одобрили это дѣйствіе Никодима, давъ ему заднимъ числомъ на это разрѣшеніе.

Новое зданіе для семинаріи выстроено было уже преемникомъ Никодима, Іоанномъ Козловичемъ (1753—1757 г.г.), который проявлялъ особую заботливость о переяславской семинаріи. Такими-же заботливыми попечителями ея были и послѣдующіе

епископы Переяславскіе и Бориспольскіе: Гервасій Линцевскій (1757—69 г.г.), Іовъ Базилевичъ (1771—1776 г.г.), устроившій въ семинаріи философскій классъ въ 1774 г., и Иларіонъ Кондратковскій (1776—1785 г.г.), открывшій заключительный классъ—богословскій.

Дѣло синодскаго архива 1781 года № 501 содержитъ въ себѣ подлинное донесеніе епископа переяславскаго и бориспольскаго Иларіона Кондратковскаго объ открытіи имъ съ 1781—82 учебнаго года въ Переяславской семинаріи богословскаго класса.

Въ этомъ своемъ донесеніи епископъ Иларіонъ, между прочимъ, пишетъ, что въ Переяславской семинаріи, учрежденной въ силу указа 1737 г., «до 1773 года преподаваемо было ученіе точю по риторикѣ; а того года антецессоромъ моимъ Іовомъ (Базилевичемъ) учреждена и философія; нынѣ же усматривая обстоятельства нужные для учениковъ сея семинаріи и пользу, къ лучшему для епархіи благосостоянію, учредилъ быть богословскому ученію, къ преподаванію коего опредѣлили префекта семинаріи, философіи учителя заграничнаго Мошногорскаго монастыря игумена Варлаама Шишацкаго, вѣдая довольно по разуму его къ тому благонадежна и способна».

Это доношеніе епископа Иларіона отъ 13 сентября 1781 г. не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что открытіе богословскаго класса въ Переяславской семинаріи послѣдовало послѣ лѣтнихъ каникулъ 1781 года.

Еще одно дѣло архива св. синода (1782 г. № 377) сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о состояніи Переяславской семинаріи—уже въ началѣ 80 годовъ того-же 18 вѣка. Изъ содержащагося здѣсь донесенія въ синодъ послѣдняго епископа Переяславскаго и Бориспольскаго Иларіона Кондратковскаго, отъ 7 ноября 1782 г., видно, что этимъ архіереемъ въ Переяславской семинаріи «богословское ученіе съ прошлаго 781 года учреждено» (т. е. богословскій классъ въ этой семинаріи открытъ и устроенъ былъ въ 1781 г., а не въ 1778 г., какъ доселѣ думали). Изъ этого-же

донесенія получаемъ слѣдующія свѣдѣнія о семинарскихъ зданіяхъ того времени: низшіе классы помѣщались въ каменномъ зданіи, «въ одинъ атажъ подъ деревянную крипу выстроенномъ» еще епископомъ Іоанномъ Козловичемъ (1753—1757 г.г.); философскій классъ помѣщался въ «братской трапезной келліи» каѳедрального монастыря; кромѣ того, при семинаріи числился еще «особливой деревяной домъ въ городѣ (т. е. внѣ монастырскихъ стѣнъ, въ которыхъ помѣщалась самая семинарія) выстроенной, называемой *бурса*, въ коемъ болшею частію осиротѣліе, а между тѣми и прямо убогіе священно и церковнослужителскіе дѣти содержатся для продолженія ученія». Зданіе «бурсы» и живущіе въ ней ученики содержались на «окладъ, собираемомъ въ силу Духовнаго Регламенту въ епархіи»; вслѣдствіе «скудости» переяславской епархіи, въ годъ собиралось на «бурсу» всего «зъ денегъ до 80 рублей, да хлѣба разнаго до 50 четвертей»,—почему «прокормленіе» «бурсаковъ» производилось «со всякою умѣренностію». На содержаніе самой семинаріи давалось пособіе изъ экономіи каѳедрального монастыря; что-же касается семинарскихъ преподавателей, то они, по словамъ донесенія, «никакова оклада и доходовъ не имѣя, содержатся на монастырскомъ¹⁾ и архіерейскомъ иждивеніи».

Еп. Иларіонъ испросилъ разрѣшеніе у св. синода взять изъ денегъ, собранныхъ въ переяславской епархіи на «заграничные монастыри и церкви», 600 рублей на пристройку къ семинарскому зданію «одной каменной школы», т. е. помѣщенія для одного класса (вѣроятно, новооткрытаго-богословскаго), и на покрытіе всего семинарскаго зданія «листовимъ желѣзомъ», да еще 400 рублей на постройку новаго деревяннаго зданія для «бурсы» вмѣсто стараго, «въ давнѣхъ годѣхъ выстроеннаго» и пришедшаго уже въ «крайнѣйшую ветхость». Получивъ разрѣшеніе си-

¹⁾ Сколько шло изъ монастырей переясл. еп. на семинарію въ 60 г.г. 18 в., объ этомъ см. въ нашей статьѣ „Гервасій Линцевскій“ въ дек. кн. „Кіевск. Стар.“ за 1904 г.

нода на производство этих построекъ, Иларіонъ въ ноябрѣ 1783 г. закончилъ ихъ, о чемъ и донесъ синоду 18 декабря того-же 1783 г.

II.

Нѣсколько данныхъ объ украинскомъ Черниговскомъ коллегіумѣ въ 18 в.

Украинскій черниговскій коллегіумъ, основанный въ 1700 г. знаменитымъ архіепископомъ Іоанномъ Максимовичемъ, въ послѣдствіи митрополитомъ Тобольскимъ и Сибирскимъ, въ 1730-хъ годахъ состоялъ изъ 6 школъ или классовъ—аналогіи или фары, инфимы, грамматики, синтаксисы, поэтики и риторики. Въ это время коллегіумъ наполнялся учащимися не только изъ дѣтей духовенства, но и свѣтскихъ разнаго званія; количество послѣднихъ даже значительно превосходило количество первыхъ. Такъ въ 1736 г.¹⁾ учащихся духовнаго званія было въ коллегіумѣ всего 78 человекъ изъ 253 «студентовъ всѣхъ» коллегіума. Остальныя сословія были представлены такъ: 76 дѣтей козаковъ бунчуковыхъ, значковыхъ и рядовыхъ, 30—сыновья мѣщанъ и купцовъ; изъ людей посполитыхъ—69. Въ 1737 г. учащихся въ черниговскомъ коллегіумѣ было меньше, чѣмъ въ предыдущемъ году, всего 210, которые такъ распредѣлялись между сословіями: духовнаго—74, козацкаго—62, мѣщанскаго и купеческаго—31 и посполитыхъ—43. Въ 1738 г. въ коллегіумѣ обучалось 188 человекъ, въ томъ числѣ дѣтей духовенства—60, козачьихъ—56, мѣщанъ и посполитыхъ—72.

¹⁾ См. въ дѣлѣ архива св. синода 1737 г. № 380 (въ томахъ—1 и 2) донесенія архіепископа черниговскаго Иларіона Роголевскаго (1735—38 г.г.) отъ 28 апрѣля 1737 г. и 16 мая 1738 г.; донесенія эти существенно дополняютъ свѣдѣнія о черниговскомъ коллегіумѣ, сообщаемыя покойнымъ архіеп. черниговскимъ Филаретомъ Гумилевскимъ во 2 т. его «Историко-статист. описанія черниг. еп.», Черниговъ, 1873 г.

Далеко не одна черниговщина посылала сюда своихъ уроженцевъ для полученія образованія, и не одна только лѣвобережная Украина; было тутъ не мало и пришедшихъ «з Полци» какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ; показанъ даже одинъ «венгерской націи», бывшій въ классѣ риторики въ 1737—38 учебномъ году. Такимъ образомъ, черниговскій коллегіумъ въ 1730-хъ годахъ, какъ и вообще въ 18 вѣкѣ, игралъ большую роль въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія на Украинѣ, давая въ своихъ стѣнахъ среднее образованіе для представителей населенія разныхъ сословій со всей Украины—и лѣвобережной, и правобережной.

Учащіеся въ черниговскомъ коллегіумѣ въ данное время жили: 1) или на отдѣльныхъ квартирахъ «на кошту отческомъ»—это дѣти состоятельныхъ родителей; 2) или «на инспекторіяхъ»—на содержаніи родителей учениковъ, репетиторами которыхъ они были,—это бѣдные и болѣе способные ученики изъ старшихъ классовъ—поэтики и риторики (главнымъ образомъ послѣдней); 3) или «на хлѣбѣ епархіалномъ» и «на хлѣбѣ монастырскомъ» «в бурсацкихъ домѣхъ»—это «нищіе и прокормленіе себѣ получаютъ откуда неимущіе». Въ 1736 г. «на кошту отческомъ» въ черниговскомъ коллегіумѣ было 116 учениковъ, «на инспекторіяхъ»—33 (изъ нихъ 29 изъ класса риторики и только 4 изъ поэтики), «на хлѣбѣ епархіалномъ»—104. Въ 1737 г. «на кошту отческомъ» состояло 99, «на инспекторіяхъ» 26, «на хлѣбѣ монастырскомъ в бурсацкихъ домѣхъ»—85. Для жилья бѣдныхъ семинаристовъ при черниговскомъ коллегіумѣ въ 1720-хъ и 30-хъ годахъ существовало «два жилніе дома», иначе называвшіеся «бурсацкими домами». Содержались эти дома, въ силу распоряженія, сдѣланнаго при вступленіи въ управленіе черниговской епархіей архіепископомъ Иродіономъ Жураковскимъ (1722—1733 г.г., † 1736 г.), на особые взносы монастырей и церквей епархіи. Практиковалось такъ: одинъ годъ вносили на «бурсу» монастыри деньгами и «харчами», другой годъ приходскія церкви—одними только деньгами. Въ 1723, 25, 27, 29, 31, 33, 35 и 37 г.г. взносъ дѣлали церкви, каждый годъ равномѣрно—по 54 рубля 27 коп. На эти 54 рубля 27 копеекъ и содержались

круглый годъ человекъ 80—110 «бурсаковъ», Въ 1722, 24, 26, 28, 30, 32, 34 и 36 г.г. взносы дѣлались монастырями черниговской епархіи. Монастыри вносили на содержаніе «бурсы» въ годъ—24 рубля деньгами, 24 четверти ржаной муки, 1 четверть пшеничной муки, 6 четвертей «гречаной» муки, 7 четвертей крупъ, 100 «квартъ олѣи» и 9 пудовъ сала. Отпускалось неопредѣленное количество «харчевого викуту» и отъ дома архіерейскаго— «по возможности».

Обученіе въ коллегіумѣ велось на 3 языкахъ—славянскомъ, польскомъ и латинскомъ.

Въ 1736 и 1737 г.г. префектомъ коллегіума и учителемъ риторики былъ іеромонахъ Іоасафъ Григоріевъ Липняцкій (или Лѣпяцкій), 37 лѣтъ отъ роду, происходившій изъ г. Полтавы, сынъ священника. Въ то же время въ другихъ классахъ преподавали: въ поэтикѣ—монахъ Софроній Иваховъ Зѣмѣнскій (послѣ былъ тутъ-же префектомъ); 32 лѣтъ, сынъ священника, уроженецъ «заграничнаго полскаго мѣстечка Зѣлочова»; въ синтаксимѣ и грамматикѣ—іеромонахъ Пафнутій Захаріевъ Захаржевскій, 40 лѣтъ, «мѣщанскій сынъ зъ заграничнаго города Львова»; въ аналогіи (фарѣ) и инфимѣ—іеродіаконъ Варнава Ивановъ Корогодскій, 29 лѣтъ, сынъ священника изъ Чернигова.

Учителя коллегіума получали также содержаніе: изъ черниговскаго кафедральнаго монастыря «истного и питного викуту»: имъ отпускалось «ежеденно» «удвое» больше прочихъ монаховъ этого монастыря; кромѣ того, ежемѣсячно имъ на всю «компанію» изъ дому архіерейскаго отпускалось нѣкоторое количество ржи, соли, хлѣба, крупъ и муки; принимали они также участіе въ братской монастырской кружкѣ; одѣяніе получали «зъ келіи архіерейской и с казни» архіерейскаго дома. Былъ еще одинъ источникъ доходовъ для учителей коллегіума: родители «знатнаго чина», отдававшіе для обученія въ коллегіумѣ дѣтей своихъ, «за честь тѣхъ знатнаго чина учениковъ», давали учителямъ «полѣтическое приношеніе» 4 раза въ годъ—передъ каникулами, послѣ каникулъ и къ праздникамъ Рождества Христова и Пасхи. По-

слѣдній источникъ содержанія учителей коллегіума считался вполне естественнымъ,—о немъ, какъ обычномъ явленіи, архіерей, между прочимъ, доноситъ синоду.

Не смотря на то, что, при совокупности всѣхъ указанныхъ доходовъ, учителя коллегіума «безъ нужно доволствовались», должность учительская не считалась интересною: архіепископъ Иларіонъ доноситъ въ синодъ, что свѣтскіе учителя не могли-бы выдержать положеннаго трехгодичнаго срока прохожденія учительской должности, только монаховъ и можно было удерживать на преподавательскомъ мѣстѣ три года.

По окончаніи семинаристами коллегіума,—доноситъ синоду архіепископъ Иларіонъ,—ихъ, вслѣдствіе «малороссійской свободы», нельзя было удерживать въ духовномъ званіи: очень многіе — иные по окончаніи коллегіума, а другіе «и школъ латинскихъ совершенно ученіе не прошедши»,—уходили на свѣтскую службу, занимали разныя должности въ козацкихъ полкахъ или канцеляріяхъ, иные-же уѣзжали довершать свое образованіе въ другихъ коллегіяхъ.

Еще нѣсколько цифръ за послѣдующіе годы.

Въ 1738—39 учебномъ году въ черниговскомъ коллегіумѣ, въ 6 школахъ его обучалось 67 сыновей духовенства и 135—свѣтскихъ, въ томъ числѣ 12—дѣти бунчуковыхъ козаковъ, 27—значковыхъ и 24—рядовыхъ козаковъ, 37—дѣти мѣщанъ, 11—«поселянскихъ» и кромѣ того «выходцовъ с Полци»—разныхъ чиновъ и званій—24.

Въ слѣдующемъ учебномъ году учащихся здѣсь было нѣсколько больше—213, изъ нихъ—90 духовныхъ, изъ козаковъ—бунчуковыхъ—23, значковыхъ—22, рядовыхъ—12, изъ мѣщанъ—32, «поселянскихъ»—12, вышедшихъ изъ Польши—22 (кромѣ дѣтей духовенства).

Въ 1739 г. на содержаніе «нищихъ студентовъ» коллегіума, т. е. «бурсаковъ», поступило съ церковей черниговской епархіи 54 рубля 27 копеекъ, изъ которыхъ израсходовано было, 51 р. 62 коп.

Въ 1740—41 учебномъ году число учащихся сильно возросло—ихъ было 254 человекъ. Лицъ духовнаго званія въ этомъ году обучалось въ коллегіумѣ 85 (т. е. около $\frac{1}{3}$ всего количества учащихся), остальные двѣ трети состава воспитанниковъ коллегіума распредѣлялись между другими сословіями такимъ образомъ: козаковъ—бунчуковыхъ 30, значковыхъ 19, рядовыхъ 26, мѣщанъ 40, поселянъ 14, выходцевъ изъ Польши (не — духовнаго происхожденія) 40.

На содержаніе «бурсы» въ 1740 г. внесено было отъ монастырей черниговской епархіи 6 четвертей и 1 четверикъ ржаной муки, 2 четверти крупы, 4 пуда и 19 фунтовъ сала и 22 рубля денегъ. Израсходовано было въ теченіе года все, кромѣ 93 $\frac{1}{2}$ копеекъ.

Въ 41—42 учебн. году количество учащихся значительно понизилось—до 202 человекъ. Кромѣ 85 духовныхъ (въ томъ числѣ 4 выходца польскихъ), обучалось 27 дѣтей бунчуковыхъ козаковъ и старшинъ, 17—значковыхъ, 15—рядовыхъ козаковъ, 23—мѣщанъ, 15—поселянъ, 29—свѣтскихъ выходцевъ изъ Польши. Въ слѣдующемъ учебномъ году училось 89 духовныхъ (въ томъ числѣ 7 вышедшихъ изъ Польши) и 124 свѣтскихъ,—въ числѣ послѣднихъ—дѣтей старшинъ и бунчуковыхъ козаковъ—25, значковыхъ козаковъ—11, рядовыхъ—26, мѣщанъ—28, поселянъ—12, польскихъ выходцевъ—22.

Въ 1743—44 учебномъ году изъ 267 учащихся духовныхъ было 105, сыновей старшинскихъ и бунчуковыхъ козаковъ—38, значковыхъ козаковъ—12, рядовыхъ козаковъ—37, мѣщанъ—19, поселянъ—27, вышедшихъ изъ Польши свѣтскихъ—29. Въ числѣ 105 дѣтей лицъ духовныхъ въ этомъ году было 7 вышедшихъ изъ предѣловъ польскаго королевства; дѣти заграничнаго духовенства обычно значатся обучающимися только въ старшихъ классахъ, начиная съ класса синтаксимы.

На содержаніе «бурсы» при черниговскомъ коллегіумѣ израсходовано было: въ 1741 г.—37 рублей 71 коп. (изъ поступившихъ 54 руб. 29 коп.); въ 1742 г.—14 четвертей ржаной

муки, 7 четвертей «гречаной», 4 четверти крупы, 6 пудовъ сала и 16 рублей денегъ; въ 1743 г. — показано израсходованныхъ только 16 рублей (изъ 53 рублей 24 коп., собранныхъ съ церкви епархіи).

Въ данное время (вторая четверть 18 в.) въ черниговскомъ коллегіумѣ было всегда 6 школъ, начиная съ фары или аналогіи и кончая риторикой. Упраздненія класса фары (какъ то случилось въ переяславской семинаріи въ 1741 г.) здѣсь не было.

Вл. П—ко.

НІОБА.¹⁾

(Новеля).

ГЛАВА XV.

Зонынз дневныкз.

Стара бабуня чытае свому двадцятылитнѣму слицому внукови дневныкз своеи донькы Зони, видъ уступу до уступу, обявляючы пры тимъ (забушы цилковыто на ёго прысутность) свои думкы и розмиркування, такъ що дневныкз зъ ии замиткамы мае характеръ якогось музычнаго duo.

(Зоня): «Чытайте мій дневныкз, моя далека, горемъ похылена мамо, чытайте мій дневныкз! Уперше въ жыттю потребу я сповидныка. Але не такога, котрый подав бы мени религійну розраду, чы тамъ потишення, а такога, котрый носывъ черезъ циле свое жыття тяжкый хрестъ.

Я бувала завсигды въ соби замкнена, уныкала (хоча зъ прыроды доволи покирлыва) всякого хочъ бы и найменьшого упокорення — а остаточно... потребу ю сповидныка! Вы дорога, далека маты! Вы, зъ вашою горемъ прыгнобленою душею, та

¹⁾ См. К. Ст. 1905 г. № 7 — 8.

глыбоко зарысаванною лінією болю коло добрыхъ усть,—будьте вы моимъ сповидныкомъ, що прынявъ бы мою сповидь, потишывъ бы мене, а остаточно простывъ мени, бо чіёгось прощенья я потребую!

Вы, моя далека мамо, зъ хрестомъ, що ёго наложили на васъ ваши диты, а котрого вы сами неслы, будьте вы, мамо, моимъ сповидныкомъ!

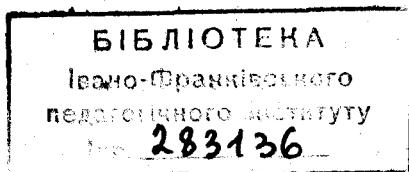
(Бабуня, чытаючы, хытае смутно білою головою и говорить пивголосомъ):

— «Такъ, такъ, моя сумовыта доню! я вже видчуваю, чому тобі сповидныка потрибно. Ты потребу́ешъ мого благословенства до твоихъ терпий, и не дурно звернулася ты до твоей матери!..

(Зоня). Вы знаете, мамо, яке виховання я отрымала, и зъ якою любовію и стараннямъ обдавалы мене тѣти и вуйко,—якъ мене описля выпровадили въ товариство и, хотяй того николи не говорылы устами,—деліялы въ своимъ серцю бажання выдаваты мене замижъ за якогось чесного и образованного чоловіка, найрадше за пытомця.

Тѣти и стрійкови, особлывожъ тѣти, здавалось, що це мусыло бы для мене найлиппше буты, бо звычайно вони зналы станъ духовенства, якъ и ёго добри и недогидни стороны.

Въ своимъ вильнимъ часи видавався вуйко (о скільки це ёму було можлыво) де-якимъ студіямъ, особлывожъ выучуванню чужыхъ мовъ, якъ тако-жъ литературы и поэзы. И не дыво, мамо, що я, чымъ ставала старшою и поважнійшою, стала ёго ученицею. Особлыво-жъ де-яки чужи мовы присвоювала я соби, за ёго порадою и помочою, радо и охотно, що уможлывляло мени описля пизнаваты чужу литературу. Це зновъ справляло мени завсигды таку прыемність и вдоволення, що я, хоча мы жылы доволи спокійно и бильше для себе, не зазнавала николи нудьгы и не боялася самоты, якъ де-яки зъ моихъ ровесницъ и иныхъ знаёмыхъ. Навпакы. Я любила самоту, мамо.

Въ ній працювалося и роздумувалося такъ свобідно и легко, а наколы вона видъ часу оживлялася мылыми и товариськыми знаёмыми, все выривнювалося въ гармонію и корысть.

Мени соромно, мамо, сказаты вамъ:

Я доволи завчасу зачувала, що моя врода сымпатична, та що я можу вважатись «доброю партією»; зразу не робыло це на мене ніякого вражіння, хыба що справляло на хвылыну прыемність. Пизнійше ставало це мени прыкро и якогось рода тягаромъ, а часомъ просто и разыло, и ображало. Я зрозумила, що у всимъ тимъ булы замиры и натякы на вуйковый маетокъ; а я, що мала въ такихъ справахъ свои власни погляды, була въ тимъ напями незвычайно вражлива и горда.

Наибильше гнивалы и ображалы мене сами женщины. Николы не смилла я буты дотепнійшою цее або тое розумиты лишпе, якъ де хто инший зъ знаёмыхъ жинокъ нашого товариства, або моихъ «товарышокъ», щобъ не видограла заразъ «спадщина» по вуйкови якусь свою ролю.

Остаточно довели до того, що я стала видъ ныхъ стороныты, стала непрывитна, замкнена и зблыжувалася радше до мужчынь, доверяючы имъ скорійше, ніжъ жинкамъ и дивчатамъ.

Але и мужчыны не говорылы правду, мамо!..

Брехалы иноди навить дуже ганебно... але, що найменше, не булы бодай таки вузкоглядни и завыстни и прызнавалы хочъ те, що въ мене бровы, барва усть и зубы не булы пидроблювани. Бо проты тамъ-тыхъ я не була навить и зъ того погляду безпечна.

Наколыбъ я хотила вамъ розновисты, мамо, якъ поплыло мое дотеперишне жыття въ цилости, могла бъ я хыба сказаты,— що до полудня була я титчынымъ завидателемъ въ господарствы, себъ-то коморы, хаты и т. и., а по обиди—вуйковою ученыцею (вуйко взагали мало господаркою займався), товарышкою и «камраткою студій». Це булы мои наймыльши хвылы, доты погы не насталы иншы, мени ще мылійши и цожаданійши...

Я начытала и навчылася багато зъ вуйкомъ разомъ; це змиркувала и зрозумила я ажъ тоди, колы стала старшою и мала нагоды пизнаваты дивчатъ и женщынъ зъ иншыхъ попивськихъ родынъ. (Хоча—нема де правды диты, мамо,—донькы нашого «духовенства» виховуються теперь гарно и тонко, ихъ виховання трактується далеко поважнѣйше, якъ утримують, прым., родыны «урядныкывъ», що мають себе все за щось лучшого и интеллигентнѣйшого).

«Учыся и чытай и це и те, а пры тимъ и господарства не занедбуй, упомынавъ иноди вуйко,—колы мы въ бесиди сходылы прыпадкомъ на тему виховання жинокъ, ихъ становыська въ суспильствѣ, родыни, та проты селянського люду. Щобъ (мовлявъ), якъ станешъ колысь жинкою священныка, и, якъ Господь дасть, матерію. знала свои диты инакше виховуваты, якъ наші чесні бабки и прабабки, та мала инши поняття для видносинъ мижъ народомъ и интеллигенцію, нижъ ихъ мае велька часть нашої интеллигенціи, що—або вже надто «per-distance» держытсѣ видъ нѣго, або, якъ не то, то вже до такой степени интимна, що хйба лышь за шыю обнимайся та цилуйся. *Перше—ѣму корысти не прыспособлюе, а друге—розуму и хлыба не дае.* Винъ мене добре вчывъ, мамо, и мудро. Прыспособлявъ до жыття, але зъ другои стороны хтивъ, щобъ я и штуку *розумила*. Винъ дуже бѣе на те, щобъ наше жиноцтво було «хоча дрибочку» артыстычно виховане. Жинка (мовлявъ) безъ тончыхъ почувань—то якъ арфа безъ струнъ. А почуття, говорывъ, ушляхетняется не лыше самою наукою и знаннямъ, але и артызмомъ (себъ то штукою) и красою. Взагали прыписывавъ впливови штуки и литературы вельку и благородну сылу на виховання людства, особлыво жъ на жиночу вдачу. И завше, мамо, якъ винъ оттакъ въ тимъ напреди говорывъ, ставало мени чомусь такъ добре и любо на души и въ товариствѣ ѣго мыло, я була саме така (я це видчувала), *якою была дійсно зъ природы: гармонійна*, мамо, и себе певна.

Я ѣму багато завдячую, мамо, дуже багато. Своею интеллигенцію и розумомъ виховувавъ мене, якъ знавъ, простувавъ зо мною до найлипшого и найтоншого.

Лишь одного, мамо, я не годна була никола затаити, або хочь бы и лыцемирыты, а це въ тимъ, що я простый народъ не любыла никола, якъ це мене вуйко навчавъ, переповившы и ёго кровію пидплывшу исторію, котрой часткы я ще и теперь дорослою въ жыттю бачу и розумію... Не могла и не могу, якъ слидь любыты, хочь належу до нёго...

Одначе, мамо, выслушайте мене.

Не тому не люблю я ёго, що винъ поставлений въ суспыльствы нызше, нижъ интеллигенція, лыше я *жахаюся передъ тымъ, що ще йе неестетичне въ нызшимъ народи*, и не могу перемогты себе, щобъ зъ нымъ брататыся, якъ це чыныты багато нашихъ интеллигентныхъ жинокъ и мужчынь. Черезъ тое мае вуйко до мене иноди жалъ, и бувае це точка огирчень и суперечокъ межы нами.

Я, мамо, не могу соби порадыты, но и не вмю вси тіи «идеи» и почування, котрымы, прым., наша «молодижь», а зъ нею и багато нашихъ поважныхъ и умныхъ людей переймаются,—ставыты на прапоръ борбы,—не вмю, кажу, *переводыты въ практычне*. Мени здается, мамо, що до того треба маты окремый даръ и хысть, а передовсимъ змогу перемогты себе.

И теперь, колы я вамъ отпе оповидаю, видчуваю я, що справляю тымъ не лыше вуйкови прыкрысть, котрый йе дійсно щырымъ народолобцемъ и прыхыльникомъ ёго, покладае стилько на мене, прыгадуючы и переконуючы мене за едно, що жинка мусыть также прыкладаты руки до розвою просвнты народа,—але видчуваю я, що и вамъ справляю тымъ прыкрысть.

Але що я тому вынна, мамо?..

Що се йе за вына?..

Це не йе зарозумилисть зъ моеи стороны, мамо, о Боже мій добрый, певно що ни! бо сотню разивъ ставлю я соби пытанняя; а щожъ таке есы властыво ты?.. Но въ слидуючій хвыли насуваеця мени ще и ось яке пытанняя: «Для чого есы ты саме такою, а не *такою*, чи такою, якымы суть инши?..

О, моя далека, горемъ похылена маты! Якъ бы вы знали, колы я оттакъ про багато де-чого зъ жыття роздумую та розбираю, якъ глыбоко переймае мене чуття покоры! Я покирна, мамо, вже черезъ мое релігійне виховання и що сама моя интеллигентність сылуе мене до скромности,—а по друге, я добре видчуваю, що —наколыбъ я хтила вже себе навить вважаты жевщыною «стылю»,—я все такы ще не йе довершенымъ тыномъ, и ще нячого въ жыттю значнійшого не сповныла.

Та про те, мамо, я йе ще и инцюю.

Що я по вашій думци за тынз, мамо?

Мамо! чы не було бъ воно лишпе зробыты зъ мене вже зъ дытынства яку «ремиснычку» и выслаты въ народъ, щобъ я попросту зъ моимы спрацеванымы рукамы прыучувала видъ хаты до хаты селянськи жинкы до якого небудь ремесла?

Кому я можу, отакою якою есть, корысть прынесыты? Жыття не вымагае ничого иншого, якъ саму практычність, саму одну практычність, зъ котрой выплывають дальше, неначе ланцюгъ, знову корысни результаты. А помымо того, дорога мамо, суть люде, що прыходять, глядять тыхо зъ подывомъ на мене, прыслухуются такъ само мовчкы сёму або тому, колы я розговорюся,—и въ кинци кажуть: яка-жъ вона пре-гарна!»

Мамо! я турбуюся сама собою.

Якъ бы вы знали, вы, що черезъ циле свое жыття не знали ничого окримъ журбы и грызоты и працы, а передъ ничимъ не жахалыся, хиба передъ правдывымъ зломъ, — якъ бы вы знали, якъ журюся я собою... а черезъ себе и за васъ...

(Бабуня). Я не знаю, моя доню, що тобі видповисты; я йе лыше проста жинка, що у своимъ жыттю не побырала багато, (ба навить жадной науки), и котрій выстарчало святе пысьмо одно. Та я лышь видчуваю, що ты не поступаешъ въ слидъ твоеи матери. А себе за щось незвычайного, неначе за яку трочычну рослыну уважаты—я остерегаю тебе, щобъ колысь черезъ власну выну (себъ-то уяву) не прыдбала соби за-багато розчаро-

вання. Наколыбъ твій образованный батько бувъ живъ и ты твою сповидь зложыла въ ёго душу, винъ бувъ бы тоби безъ сумниву ось якъ видповивъ:

— «Пиды межы люде, мое гарне, нижне дытя, помиръ твои сылы и умыслови здатности на другихъ—и ты виднайдеши себе. Виднайдеши и змиркуешъ, якою повинна ты бути. Тоби збудылася туга за твоимъ власнымъ багатымъ «я», и вона мучить тебе и ты будешъ тратыты дорогой часъ твоеи молодости на сами мрії та фантастычни питання. Але вважай! Найкращи мрії и найглыбша туга не прычыняются ни на волосокъ до зросту и розвою людського духу».

Лыше чесна есы ты и покирна, якъ и прыстоить правдывій христіянській женцини, и це успокоюе мене, и нехай тебе Господь удержуе такою и надали. А що ты пидъ тыпомъ руськои жинкы «стылю» думаешъ—я не розберу. Але держыся простоты, моя доню. *Поedyнчою и чыстою простоты*, а колы заховаешъ гарне и чысте серце, то стыль выбьется на тоби самъ собою...

А народъ шануй! Гляды-бо! колы йдешъ въ лись, ты не застанешъ тутъ такого ладу, якъ въ гарно выплеканимъ и зъ розвагою заложенимъ саду,—та за те стринешъ ты въ лиси таку сылу и потугу, стильки несвидомои поэзии и красы зъ першой руки, о якій въ гарно выплеканимъ саду иноди и не снять, а тоби иноди зъ подыву серце замовкне, и ты-бъ чымъ разъ глыбше и глыбше въ лись заходыла... Це—той нашъ народъ, моя доню!

Нашъ дыкый, некультурный, такъ часто погорджуваный и зневажуванный народъ.

Народъ шануй!!!

(Зоня). Мамо!

Колы мы любымо, а видтакъ предметъ своего боготворення не можемо бильше любыты, то це такъ само сумно, неначе бъ мы и николы не любылы,—такъ здается мени.

Той мужчына,—и я могу сказаты значный, пожаданный и взагали шанованный мужчына,—котрого вуйко и титка вы-

брали зъ моихъ поклонныкивъ для мене за мужа и котрому я вже слово дала,—якъ и бувъ винъ мени ще до-недавна все и всимъ,—винъ мени чомусь вже *теперъ* неначе не той ставъ.

Ни, мамо! винъ бувъ бы мени тымъ ще и теперъ, наколыбъ якесь заважаюче щось не стануло межы насъ. Уперше черезъ ёго завысть, що пидмулюе за-одно ёго довирья до мене, а видтакъ черезъ ёго вже надто крытычни вымогы до моеи особы. И все той страшенно практычный змысль, котрого той чоловікъ всимъ объявляе. Винъ приводить до розпуки!.. И *це* я повинна, и *то* я повинна. И *такою* я есть, а *такою не* есть; но Господь Богъ знае, якъ тутъ дійты до кинца! И пры тимъ запевняе мене (Олексою люблю я ёго называты), що любить мене до «безумства» и готовъ мене на рукахъ носыты, щобъ я лыше була вдо-волена и счаслива.

Мамо!

Становысько, яке винъ незадовго займе, оставляе мене до-воли байдужою, хотяй то становысько моёго помершого батька и вуйка.

Винъ, покинувшы впередь философычни студіи, кинчае саме богословіе.

Але не объ тимъ хтила я говорыты. О це мени тутъ не розходьтся, лышь о нимъ, яко чоловіку, чы радше яко особыности.

Гляньте, мамо! винъ мудрый и чесный и те, що мы звыклы назваты въ жыттю «порядный» и высшого образоваңня, якъ ни одынъ зъ ёго товаришивъ зъ нашего липшого товариства, або и ёго ровесныкивъ. Винъ працое надъ собою, такъ що просто змушуе другого шануваты ёго. Лышь що мене на нимъ, а опроче и на другихъ багатыхъ нашихъ «молодыхъ», немыло вражае, це те (мени о нёго, а не о ныхъ розходьтся)—що винъ показуе надто «кинське копыто прозы». И якъ разъ тоди, де я буваю найвражлывиша. Наколы бъ винъ хтивъ хоть крыхитку зъ моею вдачею погодьтыся, хтивъ зрозумиты мене, не сылувавъ тилько до своихъ «принципивъ», не прыстосовувавъ на сылу,—о скільки меньше тиней ставало бы межы насъ!

Я жъ, мамо, добра и слухаю охотно, и я ёго шаную, и винъ подобается мени (мій золотоволосый); ба навить бувають, мамо, иноди хввли, въ котрыхъ хтила бъ сама не знаю що, нижъ ёго втратыты! Въ тимъ чоловікови йе щось, що мене сылуе ёго шануваты и циныты и въ де чимъ ёго вчынкы наслідуваты. Я навить кажу, мамо, що мени не годенъ ништо ёго заступыты. Лыше беда въ тимъ, що своею вдачею разыть мене иноди до глыбыны души, и завсигды якъ-разъ въ хввли, колы моя душа видчынена прыйматы саме щось найтонше и найкрасше.

Оттакъ любымося и мучымося мы вже бильше якъ два рокы, тыхо и потайно, мамо. Бо обое хтили мы, щобъ свить знавъ объ тимъ, що мы заручени; и зъ насъ мае выйты цара.

Наколы въ мене йе яке бажання, нехай бы воно соби и яке тамъ було дрибненьке й неважне, а сповнення ёго для мене саме значыть «счастя», винъ не сповныть ёго николы (хоча бы и мигъ), тоди колы мени на тимъ залежыть,—доки не мыне впередь кильки тыжднивъ и я зъ тугы за тимъ не перемучуся и не поблидню (це дрибный зъ прымирявъ «тактычного» ёго поступовання зо мною).

А колы вже мыне часъ муки, зъявляется винъ, сповищаючы, що ось-то мое бажання сповнено, и глядыть, чы я радуюся; мамо, и ще «якъ» радуюся! Голосна и бурлыва мае буты та втиха, котру бъ винъ узнававъ за щыру, якъ ии вымагае (такъ винъ запевняе) «шырока украинська натура»

А я вже не годна радуватися.

Вся моя энергия увійшла ще зъ-початку въ тугу за сповненнямъ того бажання, такъ що я годна ледви всмихнутыся. Тоди винъ ображається, каже, що жадна жинка на свити не знае точно, чого и колы вона хоче;—вмовкае, а якъ ни, то зачне о такихъ поверховныхъ и буденныхъ ричахъ говорыты, що я, ий-Богу, не можу инакше, якъ въ такихъ для мене невыносимыхъ хввляхъ за все те ненавидиты ёго.

Часомъ мени здається, що въ ёго натура криється своёго рода деспотизмъ, котрый не хоче узнавати вражливійши влачи и тому видчувае видъ часу до часу потребу—тую вдачу церемататы, або бодай доводаты до муки, щó ёму очевидно справляе вдоволення.

О скільки я пидъ тымъ терплю, я не годна вамъ, мамо, сказаты, и колы-бъ не булы зъ другого боку ёго гарни и цинни душевни прыкметы и ёго несказанно симпатична для мене особыстость, мижъ нами було-бъ уже давно до «сценъ» прыйшло.

Але я пиддаюся тому, мамо, пиддаюся, щобъ не турбоваты вуйка и титку. Бо проты ныхъ зъ якою скаргою на Олексу выступаты—значыло-бъ зъ моеи стороны те саме, що найбільше проступство. Бороны Боже! Винъ то вже есть такою досконаlostiю зъ кожного погляду и такъ зовсимъ довершений, що на нимъ нема ничого ни на волосочокъ схыбленого. До того прылучылыбыся и ёго патріотычни здібности и дила пидъ «розвагу», и я бъ вже тутъ напевно проты ныхъ всихъ троихъ прогнала!

Яки мали и никчемни булы вси мои «вчынкы» проты ёго патріотычної праці! Яка маловажна и незначна моя будучность, зъ полемъ праці, проты ёго будучности и дилъ!..

И це йе правда, мамо.

Я це соби и сама кажу, бо вуйко и титка надто мене люблять, щобъ мени те все явно говорыты.

Це йе сотню разивъ правдою, але що я можу вдіаты, мамо? Що я можу вдіаты, що межы отцимъ гарнымъ чоловикомъ и мвою йе щось, щó мене видъ нёго номымо всего въ де-якихъ хвыляхъ видпыхае!..

Наколы-бъ вы могли чуты и бачыты, якъ винъ провадыть себе межы народомъ, мамо! Вы бъ, хоть и яки стари, а напевно прыйшли бъ до ентузіязму.

Просто на рукахъ ёго носять,— такъ знае винъ до ныхъ промовляты и соби зъеднуваты людей. Колы часомъ лучается, що винъ правыть богослуженіе вмисто вуйка, а видтакъ по служби

зачепыть цёго або того господаря на розмову, якъ заразь юрбою сходятся до нёго люде, неначе бь тутъ котрый зь св. апостоливъ зъявився и мавъ для кожного порадy и науку,—для кожного, неначе зь-окрема до ёго потребъ и жыття, осибни слова.

И ёго поведення не йе пидроблене, мамо, ни. Воно правдыве, гарне и щыре, винь самъ походить зь-пидь силъськои стрихы, и тому въ нимъ нема зь того погляду ничого фальшывого. А однакожь, я не можу такъ видчуваты, якъ винь,—хоча я добре бачу, що воно (якъ каже вуйко) йе знамените и на будучность «хосенне». (Вуйко пророчыть ёму колысь посольство до рады державной). Я стою оподаликъ видь всёго ёго патриотычного дила, прыдивляюся тыхо—и, нема де правды диты, я радуюся нимъ. Я жь бачу чоловика, котрого я люблю,—винь здатный, шанований... винь значный, одначе... одначе, що це за несчастья, мамо, жые въ мени и моему пожыттю зь тымъ чоловикомъ угрожуе? По сценахъ въ народи (иноди буваю я свидкомъ), прыходять винь до мене — глядыть мени поважно въ очи, гладыть по лыцю, якъ малу дытину, и пытае: «Якъ выдаеся тоби те все? Чы було добре?.. Чому ты нешла межы люде, щобъ ихъ думку почуты? Ты можешь це прецинь зробыты; ты-жь тутъ въ себе дома и зь людьмы знакома. Имь мыло, якъ проты ныхъ буваеся добрымъ и займаеся ихъ горемъ и втихою. Ты мусышь завсигды такъ поступаты, щобъ познаёмытыся на-скрызъ зь клопотамы силъськихъ людей. Це навить по-часты и твй обовязокъ. Не треба все такъ видсторонь держатыся и поводитыся холодно и вздержливо. Мени це мыло. Яка буде разъ зь тебе «попада»? Поважь сама! Ты мусышь бильше до народа зблыжытыся! (и зновъ гладыть по цокахъ).—И я вже чымсь то немыло вражена и чымсь то видь нёго *видоптана*.

— «Я це такъ не розумію, якъ ты, Олексю!»—звыняюся я; «я зроблю це або надто вызначно, що люде ледве чы схотять по правди говорыты, або и зовсимъ не вчыню».

«Це не мудро»,—вилказуе винь роздражнено,—«ты покажуешь себе такую, якъ мійськи поверховни панны. Шкода лыше,

що называешся попивською дытыною, и то ще дочкою значного священника, якымъ бувъ твій батько. Якъ образовани жинкы и чоловікы не внесуть свитла и культуры въ темный народъ, то само зъ себе воно мижъ нѣго не ввійде. Я не розумію, на що може прыдатся тобі на сели все твое образовання и очытання, якъ не на те, щобъ зъ нѣго и други користували.

Иды! ты не подобаешся мени ныни зъ твоими «зворушеннями» арыстократызму. Не знавшы твою чесноту и чыстоту твоеи души, що не вміе лыцемирыты, я-бъ иноди бравъ твое штывне поведення мижъ людомъ за афектацію,—такъ немыло вражае воно мене въ тобі мижъ нашимъ людомъ».

Пры тимъ вхопытъ мене такъ сыльно за руку, що я зъ болло зойкну, оставляе на мисци и йде зновъ въ село, — неначе направыты на людяхъ те, що я мовчаннямъ и своимъ пассивнымъ захованнямъ наброила.

Я остаюся засоромлена сама, хотяй по правди не маю прычины соромытыся, бо я сказала ёму правду, не затаючы ничего, и видчуваю выразно, що то, що мене споводувало поступаты саме такъ, а не инакне, було не менше сыльне и правдыве, якъ прычины до ёго поводинця.

Иподи здается мени, що колы-бъ те, що я зву въ нѣго «кинськимъ копытомъ прозы», взяло надъ нымъ верхъ проты мене, винъ бувъ бы въ стани, помымо своеи доброты, чесноты и справедлывосты, розпалывшыся, пидняты и руку на мене.

Таки уявлення, мамо, наводять на мене иноди безсонни ночи,—такъ дуже вражлывою буваю я иноди на ёго поведення. Винъ, розуміеся, немае и поняття о тимъ всимъ.

А зновъ ёго роздражние якесь «щось» въ мени, въ тій самій мири, якъ мене въ нѣго «кинське копыто прозы».

Такъ буває деякымы часамы.

А иншымы зновъ люблю ёго, мамо, такъ, що якый винъ соби и великый та мицный, я-бъ ёго просто «проковтнула» въ свою душу. Такой сымпатычный мени та потрібный для души,

а наколы-бъ, хороны Боже, прыйшло мижъ намы до розлуки, я бь була въ стани поступыты, якъ Лидія.

Чы це не любовь, мамо?..

Це любовь, бо винь подобается мени, а ёго врода мени, якъ кажу, несказанно симпатична, бо—гарный. (Винь трохи похожий на Ёсыпа, мамо, лишь трохи выщый).

Наша любовь, мамо, то щось такого якъ казка. Барвна, повна надій и тревогы, повна суперечокъ, а може потрохы и штучна.

Тётя радуется намы обома, неначе зъ нашымъ одружиннямъ отворытся и для ней якыйсь тамъ «рай». Такъ дуже цинить и шануе вона того чоловіка, и такъ само и вуйко. Лишшого обезпечення (мовляють) не могла мени доля выробыты. Чесный мужчына, интеллигентный, тией самой народности, що и я, значыть и шанованый,—варункы примовляють вси за счастямъ. И я сама це бачу. Одно зъ насъ йе доброю партією, мамо: винь, або я. Одно зъ насъ обохъ йе тымъ певно,—але *котре*. я не знаю вамъ сказаты.

Я склонюю лыше свою голову нызько передъ вами и прызнаюся до якоись то выны проты мого чоловіка.

Лыше вына тяжыть въ мени якоюсь *ще мени самій незнаёмою тайною*...

Стильки кажу вамъ мамо.

Олекса и гарный, и добрый, и значный, и я ёго «люблю». Але, мамо,—моя далека, горемъ похылена мамо,—прыйдять мени на помичь!

Колы Андрушу, пьяного, на-пивъ мертвого, ёго кони до-дому волочуть, винь не такый безпомичный, якъ ваша гарна, боготворенна донька въ де-якихъ хвыляхъ своего такъ часто и такъ дуже завыдуваного жыття...

(Бабуня): Я чую, моя дорога дытыно, що ты терпышь; твое лыце чымъ разъ то блидне й блидне, а очи твои, тii мои

прекрасни оченята, дывлются чымъ разъ сумнише впередъ себе.

Але въ жинокъ бувають иноди настрои, що ихъ такъ легко словамы не розвіешъ. Я вже стара и горемъ похылена, могу тебе хыба до серця прыгорнута, поблагословыты и виддаты опеци Господній. «Виддай Господу Богу твою жыттёву дорогу», кажу я, а дали: «Зносы терпливо отце твое *«ныни»* за-для *будучыны* твоеи.

Мужчына, о котрымъ розповидаешъ.. винъ... (я бачу) мудрый и чесный, саме для жыття спосибный. Ёго чеснота и розумъ не стерплять, щобъ ты мала въ жыттю терпиты и плакаты.

Те, що ты называешъ въ него и другихъ «кинськымъ коцытомъ прозы», це зъ твоеи стороны лыше цўста уява и химеры, а по правди нищо инше, *якъ твердый свитолядъ, котрый тоби бракуе*. Ты надто вже въ добри и безжурности выховувалася и выросла, щобъ на жыттю розумитыся. Наколы бъ якый выхоръ жыттёвый надъ тобою звявсся, ты-бъ або зламалася, або згынула зъ журбы. Та отцо несчасну вражливисть мусышъ ты старатыся въ соби гартуваты и прытушыты. Вона тоби,—особливо жъ въ пожиттю зъ простымъ людомъ,—не выйде на добре и въ корысть. Якъ хочешъ ты, прымиромъ, зъ такою вражливисто и топкисто видбыраты видъ людей для прыходства даткы, котрыхъ и такъ тверезымъ чуттямъ... тяжко выдобуты. А ты будешъ мусыла це робыты, моя донцю; жыття, ба и досвидъ, прысылуютъ тебе до того. Чы тѣтя поступае, може, инакше? А други, а и я—чынылы мы инакше?

Ни, моя дивчыно, ты поступыла твоимъ почуваннямъ и думкамы на якыйсь... доси цетыканый намы шляхъ: ни я такъ не думала, ни старши сестры твои; жадне зъ моихъ дитей не було таке, якъ ты!

Держыся лыше того чоловика, якого тоби Господь надиславъ въ тимъ добримъ и чеснымъ молодци. Зрозумившы ёго зъ твоихъ оповиданъ на свій ладь, я дякую Господу, що винъ звивъ васъ разомъ.

И не забувай, що винъ здобувъ те все, чымъ вже доси йе, власнымы сыламы. Твій обовязокъ твердо по ёго сторони

стояты. А передовсимъ будь добра, моя дытынка, будь доброю! Ты ще не знаешъ, яку вагу мае доброта и смиреннисть въ домашнимъ пожиттю. Правда, воно вже давно, якъ була я молодою и пареченою, але николи не було въ мене иншого бажання, якъ бажання въ твого батька.

Стережыся, моя доню! гляды на твою будучыну и твое счастья тверезымы очима. Бо яка тоби остаточно корысть, якъ мовить слушно Олекса, зъ всѣго твого образования и очитання? На що воно, якъ остаточно не на те, щобъ зъ нѣго набуты въ жыттю хисна? Яко будуча жінка священныка, маешъ ты передъ собою шыроке и гарне поле до праці, и ты мусышь працювати. Ты будешъ и диты маты, а воны приведуть зъ собою для тебе горе и клопоты, бо зъ ихъ прыбуттямъ на свить руки и ноги не спочывають бильше.

Ты турбуешъ твою матирь, моя прекрасна дытыно, такъ, якъ (я це замичаю мижъ твоими словами) турбуешъ и роздражняешъ твого судженого. Слухай ёго и йды въ слидъ за нымъ, мовъ за учителемъ твоимъ! Ёго воля нехай буде и твоя воля. А народъ шануй и любы, бо интеллигенцыя не йе ничымъ иншимъ, якъ лышь ёго выцвитомъ,—а ты сама ничымъ иншимъ, якъ дрибна квитка зъ ии осередку.

(Слипый внукъ): Бабуню, бабуню! не говорить до неи такъ строго. Чы вы не видчуваете ии потайный смутокъ? Подумайте и про ии душу! (По хвыли задумы): опышитъ мени ии вроду. Якъ вона выглядае, колы ии вже вси находятъ такую гарною? Яки въ неи очи? Я ще не втратывъ змыслу до барвь.

(Бабуня): Вона, мій сынку, висока и нижней тонкости въ постати, и очи ии немовъ зъ небесной блакити выкроени и чорнымы віямы отинени, вельки и таки прегарни, выразомъ тугы и мягкости, що проты ныхъ не мигъ бы хочъ бы й хто холоднымъ устоятыся. И чорне въ неи волоссячко, що прылягае пестливо до ии жывчыкивь и чола.

Лыше вона и моя дрибненька квиточка, що мени ии Господь дытыною забравъ, булы соби таки подибни и гарни. Але коды

та була бь (колыбь жыла) цереминыла хату видь стинь до горы,—ступае *отця* тыхо своею дорогою и справляе мовчкы всимь найлишымь, що ии люблять, смутокь!..

(Зоня): Мамо! Отце мала я не-абы-яку суперечку зь Олексою.

Винь указувавь мени на килькохь дивчать зь понивськыхь родныхь, що видзначалыся своею працею и спивудиломь вь народныхь справахь и выкыкалы послиднымы своимы диламы, мижь иншымь агитацямь и видчытамы, подывь и похвалу цилои нашої околыцы.

— «Чому оповидаешь ты мени це зь такимь сыльнымь прытыскомь?»—спытала я ёго, видгадуючы вже и безь того прычыну ёго меморій.

— Тому, моя мыла, бо мене гнивае твоя пасивнисть проты такой потрібной вь нась діяльности. Чы ты соромышся тей народности, до котрой належышь, що держышь себе одсторонь видь всякого національного и патріотычного руху, та взагали видь народныхь справь?

Ёго слова збунтувалы мене.—

— «Я не маю до того наименшой прычины, Олексо. Вь мене нема лыше натхнення щось вь тимь напрями роботы. А щось удаваты—до того немаю правдывого дару и почування (чы радше охоты), мени протывно. Я не маю здібности до голосной, неспокойной працы, що бувае иноди переповнена и рижнымы ривножь голоснымы сценамы. Ты жь це прецинь знаешь, а помымо того лучышь мене одинаковымы закыдамы. Оставь то, Олексо,—зь того погляду не буде воно иначе. Бачышь, помымо того, що мене одушевления и энтузіазмь, якь и взагали щыри й теплы порывання нашої патріотычной молодежи, часто до подыву порывають, то що до мене—я себе не можу перемогты, щобь ни зь цёго ни зь того выступаты зь себе и свою душу выставляты на огляданця.

— «Такь?»—кыкнуувь винь,—то це значыть вь тебе «ни зь цёго ни зь того», якь яка учытелька йде вь народь, якь агы-

таторка, выставляючыся на небезпеченства утратыты свою посаду, або, якъ то въ насъ бувае, буты (хоча часто и цилкомъ невыинно) замкненою за «бунтивныцтво» народа и т. и.? Я справди цикавѣй, що мае властыво въ тебе значиння и выкыкуе подывъ, колы въ тебе все безъ вартости и ты дерешъ носа. Попивська дытына—и така безгранична зарозумилость. Фу! Зоню!

Охъ... (додавъ зъ ненавистию) якъ я це въ тоби не терплю! якъ воно завсигды пеначе вмысне мусыть мене роздражнены и найлипшый настрій попустыты. Ни, Зоню, це не дасть доброго звуку мижъ нами, колы ты таке не покынешь!

На таке я добре зворохобылася.

— «Вы вси хочете заразъ одушевлення»,—почала я борнытыся,—заразъ «музыку, спивъ и тосты», чы то дило йде вже справди про щось поважне й далекоюсягле, чы тамъ про мизерный выборъ якого, часто въ дѣйсности незначного, чоловіка на посольство,—вамъ все одно! и выстарчае, щобъ выступаты зъ себе и одно й друге оклыкаты, якъ велькый здобутокъ на будучнисть!»

— «Я не знаю, Олексо», додала я запановуучы надъ собою, завважывшы, що ёго очи заблестилы злистно,—«я соби не могу порадыты, але мени не здаются наши дила, праця и здобуткы доводи велькымы и далекоюсяглымы, и вже такымы незвычайно культурнымы, щобъ могла зъ энтузіязму зъ себе ажъ «выступаты». Хоча, зъ другого боку, посидает нашъ народъ прыкметы й характерыстычни черты, що своею красою й сылою подибныхъ соби не мають.

— «Скажы мени, примиромъ, Олексо», говорыла я,—«чы тебе не зворушувалы николы велька щыристь, наклинъ жертвуваты себе для другихъ и даръ прыстосування до всёго, хоча-бъ и найтяжшого, у нашего народа? Не зворушувавъ ёго непереможный наклинъ до поэзіи, мягкости й чутливости, ёго прыпшна музыкальнисть, котра и на смертельный постели не хоче выпускаты лиру зъ руки?»

Мене це все въ нашего народа страшно зворушуе и привязуе до нѣго.

Бачъ.. одного разу..—це мы ще тоди не зналися—перебувала я зъ титкою далеко, далеко на чужыни. Въ чужыни, котрой народъ зъ старынной культуры кышывъ, а зъ богацтва и просвѣты неначе духъ запыравъ.

Колы мени, пры огляди на те багацтво и культуру, станувъ мій народъ, въ своимъ невымовнимъ убожестви, утыску и занедбанню передъ душею, колы я згадала его злыдни и нужду, що сылвала соткы ёго покладаты свій шматокъ земли, управляваный столиттямы его кровію, та йты за-для лишыхъ днівъ въ чужыну черезъ море,—тоди, вирь мени, Олексо, мала я таке почуття, неначебъ мени прычувався десь надъ моею головою жалкый сивъ видлитаючыхъ журавливъ, и я мывоволи мусила держатися, щобъ не опынытыся на мисци, не пидняты и не просыты видлитаючыхъ остатыся на свой ридній землі!

Вирь мени, Олексо! неразъ була-бъ я роспростерла рамена, и благала тамъ въ далекій тій чужыни:

«Прыходьте вы вси, вельки и потужни, вы, освичени й насычени, подайте отцимъ нуждарямъ помичну руку, станьте имъ до помочи—выдобутыся зъ багна, въ котримъ мучатся соткамы лить, до людського гідного жыття. Вони носять, равно вамъ, въ своихъ грудяхъ скарбы, глыбокі й гарни и таки правдыви, що колы-бъ вы пизнали ихъ глыбше, подалы-бъ радо помични руки та стали хоронителямы тыхъ прыныженихъ и покрывдженихъ въ своихъ людськихъ правахъ.

Такъ, Олексо, видчувала я и видчуваю й теперъ, и колы тоби це не выстарчае и не йе доказомъ, що я до-свого народу прыхыльна и мени на ёго добри залежыть, то це не споводуе мене крывыты свою душу и вдачу, и щось удаваты, до чого не почуваю себе здибною и чымъ я не йе. И це не могло бъ и тоби буты пожадане, вже черезъ те саме, що було-бъ перемешане зъ лицемирствомъ.

Попередне, що я замытыла (про энтузіязмъ и т. и.), видношу я до молодежи и говорыла я це не разъ и до своего сердца. Пра-

пойте,—кажу я, Олексо,—умыслово, «ризьбить» надъ собою, не тратьте ваши силы й засобы на чужыхъ, багныстыхъ мисцяхъ великыхъ мисть. Вы корыстуйте свои силы въ себе дома. Перепроваджуйте ваши студіи, де-бъ вы ихъ и не побиралы—въ риднімъ краю, чы заграницею. Збагачуйте свого духа наукамы, штукою и досвидамы великыхъ умивъ. Ушляхетнойте ваше поведення тонкымы звычайы, лышь все те не майте лышь для того, щобъ (якъ колысь осядетесь вже въ себе дома, на ридній земли) пустыты въ блаженне забуття, заколысуючы себе тымы ныбы гарнымы «спомынамы» до тупого жыття, мовъ до сну.—а майте вси свои культурни здобуткы для того, щобъ обернуты дома все въ практычне.

Але мы чымъ небудь задоволени и беда наша въ тимъ, що намъ бракуе вытрывалости, пыльности.

Не той пыльности, Олексо, видъ ныни до завтра, лыше той, що встоюется невсыпуцо *литами*, бувае завсигды однакова и гармонійна и сама одна творить велике й трывале.

Ни, Олексо, не украшуймо себе самыхъ, бо це не выходыть намъ все на добре. Мы мусымо те, що въ насъ йе мызерне й погныле, зъ себе скинуты. Власный нашъ энтузіязмъ и захватъ надъ власнымы нашымы диламы и працею не дасть намъ культуры и лишшой будучности, не допровадыть до идеалу.

Ще одно. Не выносимъ такъ легко и охочо нашу даровыгисть и духови здібности въ таборъ протывныкивь, бо зъ часомъ могло-бъ лучытыся, що не зможемо и нашу власну барву назадъ выдобуты.

Въ насъ йе гарни чоловікы, Олексо, и «гарни жинкы»—додала я. Лыше однимъ и другимъ бракуе руки артысты, щобъ ихъ допровадыла до укинченности, выризбывшы гарне й красне, що въ ихъ йе до тонкости стылю. Тому, Олексо, я мала-бъ ще стылько сказаты; часамы бувае моя душа така переповнена рижнымы думкамы, що мени въ голови роятся, лышь я мовчу, бо знаю,—це, що мною володіе и вырывается на уста, тоби не въ смакъ, и ты есы въ тимъ напрамы, якъ бувають иноди

матери, що не хотять про хыбы своихъ дитей чуты, тому, що це ихъ диты...

Мы есьмо ще въ розвытку и въ дорози до культуры, и тому мусымо ще багато де-чого зъ свого ества скинуты, а иншого набуты, щобъ дїйты до тыхъ самыхъ результативъ, що други народы.

Все те вымагае праці й жертвы, а *передчасне* одушевлення оставымо!

— «Дывысь, дывысь, Зоно! що за резонъ виявляють ныни твои зввычайно строго мовчазни уста. Справди, це не йе нищо инше, якъ лыше гарни слова», сказавъ винь,—котри тебе, сказавшы по пры тимъ, украшають, а бильшь ничого! Та все я-бъ тебе и за це поцилувавъ! («кинське копыто», мамо! «кинське копыто»). Але скажы мени ще, — почазъ дальше, колы я, стоячы передъ нымъ, не мала охоты говорыты дальше:— «Скажы—чы була-бъ ты въ стани зректыся твого теперишнёго выгідного жыття за для переведення якои тамъ идеи въ якимъ небудь народнимъ интересъ? Въ теорїи буваеця заразъ зъ всимъ готово, и въ той спосибъ бувъ вже не одецъ діяльнымъ героемъ, сказавъ до всего радо «такъ и аминь». Але въ практыци показала его праця дуже мизерна...

— «Такъ, Олексо, видказала я,—«колы-бъ идея, для котрой я-бъ боролася, переймала менё до такой степени, що становыла-бъ змистъ моеи души, становлячы зъ глыбыною моеи души одно, въ такимъ рази я бъ, може, й була въ сыли зробыты такъ. Але на мою думку, тоди воно й не було-бъ нїякимъ геройськимъ вчынкомъ, о якихъ мова, а чымсь такимъ, що выплывало-бъ само зъ души и було-бъ тому природне!»

— «Бачъ, це доволи интересни видкрыття, котри я ныни на тоби роблю»,—обиззався винь,—«я не бувъ бы цёго николы видъ тебе сподивався, не бувъ бы николы тримавъ тебе за здибну до геройськыхъ учынкивъ,—мижъ тымъ колы ты»...

Я усмихнулася.

«Такъ, бо ты, якъ и багато иншихъ зъ нашихъ и не нашихъ, хочете, щобъ все заразъ выносилось на голосный «ярмарокъ» и було або хвалене, або ганене.

Але ще йе люде, котри працюють такожь и зь самого *самоповажання мовчатъ*,—надъ тымъ не застановлялася мабуть твоя дума никола...

— «Я ще не знаю, Олексо, яки вимогы постановить жыття до моеи особы, одначе будь переконаный,—додала я,—що колы-бъ воно жадало жертвъ и зречення, воно ихъ видъ мене одержкыть; але будь певный, що це станеться безъ «музыки й шуму»! бо «тосты» не въ-пори, якъ и взагали всякый «галась» мени до глыбыны души протывни!»

— «Такъ, такъ»,—сказавъ вишь зь легкымъ глумомъ,—«я знаю, що вы посидаете (килько й було васъ всихъ разомъ) особливый даръ каличыты свою долю власнымы рукамы, помимо того, що булы-сте зь прыроды такъ добре вси—сказаты-бъ—«выпосажени», и вамъ не бракувало въ жыттю й рижныхъ счастливыхъ прыпадкивъ. «Ты тако-жь»,—додавъ зь дивнымъ поглядомъ на мене.

— «Одначе ты зь твоею умиркованою вѣчаю и хороблывымъ змысломъ для всёго, що «особливше и выбране», ты ледве чы ршылася бы до того сповныты якый небудь геройскый вчынокъ, а то хоть бы й зь той прычыны, щобъ не звернуты на себе увагу другихъ. Я-жь тебе добре знаю. Або якъ ни—додавъ твердо—то выконаешъ въ затышку яку хороблыву, безкровну штуку въ жертву «краси», котра хйба по твой смерти стала-бы голосна»...

— «Зъ чымъ зновъ ты не згодышся, Олексо?—правда, що ни?—докинчыла я глумлыво, впадаючы ёму сміючыся въ слово.

— «Ни, Зоню»,—видповивъ винъ,—«бо я ниякыхъ захованыхъ геройствъ не терплю и не згодывся-бъ на тее, щобъ о тоби, якъ о мойй жинци, було говорено глумлыво и зь усмихомъ на устахъ. Мое имя, хоча и яке скромне и походяче зь-пидъ сельскои стрихы, дорожче мени надъ геройски жиночи вчынкы, хоча-бъ и въ жертву «краси». Я чомусь гордый на свое имя, Зоню; замить це соби»!

Я розсміялася.

— «Бачь, якый ты боягузь, Олексо!»—не могла я вздержаться, щобъ не сказаты ёму. «Мы деспотуемо покы цо мырно и сперечаемося, щобъ ввести наши души въ «оборотъ», а ты вже тремтышь за твое «имя» передь геройськымъ вчынкомъ, якый мавъ-бы буты выконанымъ якымсь «щось» въ мени. «Не бійся, Олексо»,—додала я все ще нервово,—тее «щось» въ мени, не сымпатычне тоби, воно лежыть ще спокійно зъ зложенымы крыльцямы въ мени, ёго хвылына ще не прыйшла. Окрымъ того, ушыне ще доволи часу, закымъ стану твоею жинкою... а до тией поры...

— «До тией поры», — перебивъ винъ мени мало не брутально,—роздумае соби те «щось» въ тоби ще багато разивъ, цо буде для нёго корыстнійше: чы прысвоиты соби практычного змыслу, чы... «Винъ урвавъ и замовкъ.

— «Оставлю сю пусту балаканку»,—сказавъ видтакъ—«бо до якогось путнёго кинця не дїйдемо й такъ, и шкода лыше того доброго настрою, котрого внишь я ныни и котрого ты зъ твоимъ высокопарнымъ полетомъ твоеи фантазїи понсувала. Я волю тебе, колы ты здаешъ титци твои господарськи справозданнїя, чымъ...

— «Чымъ колы тоби свою душу видкрываю, Олексо»?—спыталася я.

— «Про мене, нехай буде й на твоимъ!.. И колы бъ въ тебе, Зоно, не булы таки гарни очи, цо чоловикъ пишовъ бы за ными мовъ ослипленный и въ воду, я бъ»...

— «О ты одынъ—не пишовъ бы за ными въ воду, Олексо!» — докинчила я скоро, вмисто нёго, реченнїя:—«хоча и якый ты соби тамъ видважный и неустрашымый, але отце ты певно бъ не вдїявъ! До такого вчынку була бъ вже скорїйше и здибна!»

Бачыте вы це, мамо, и вважаєте?

Воно пидносять чымъ разъ выще и выще свою голову межы паны. А тоди стаю я на стилько сыльнїйша, на скильки винъ мене до крайности доводить. И въ такихъ хвыляхъ стае мени зовсимъ ясно, цо мій братъ оженився, помымо всякихъ грозбъ

и благання, помимо всякихъ упимнень, зъ своею Рутьею, а Андруша и вси прочи поступылы все такы такъ, якъ ихъ вну-тришній голось, добрый, чы лыхый, наказувавъ.

Молитесь за мене, мамо, молитесь!

Мени такъ тяжко на души, такъ сумно, а чоловикъ, за котрого маю выйты, такый спосибный и чесный, такый въ повнимъ значинню слова гідный, а помимо того...

Чы вы чытаете мій дневныкъ, моя далека, горемъ похылена мамо, чытаете?..

Чытайте.

Округъ мене смутокъ и осинь.

Били, фіолетови й червони хризантемы стоять вже въ повнимъ цвिति. Небо ѳе сыне и чысте, а помимо того, тхне щось въ воздуси смертью...

Бабуня хытае болизно головою, а видтакъ опускаючы іи покірливо на руку.

— «Такъ, такъ, моя доню! я молюся за тебе, бо отце добре видчуваю, що тоби потрібно матерынської молитвы. Я жъ и бачу вже, якъ несчастья, котре ты сама лышь неясно видчуваешъ, розвивається коло твоеи истоты. Твій суженый мае слушність, колы каже, що вси вы покаличылы власною рукою свою долю. Це дійсно правду винъ каже.

Але якимъ чыномъ мала бъ ты ёго покаличыты? я не годна соби навить уявыты, хоча есьмъ доволи багата на рижни до-свиды въ жыттю.

Твое несчастья зачувае лышь мое перемучене сердце, бо такъ, якъ вже ты маешъ вси варункы до счастья, мае ихъ рідко хто колы въ жыттю, а зъ моихъ прочыхъ дитей не мало жадне.

И вмисто того, щобъ маты душу завсигды звернену на тее, звидкы воно тоби прышывае, хто про те теперъ дбае, и на будуче буде дбаты,—сталыся твои очи и змыслы крытычными.

Зоню! я ганю тебе за це строго, бо що твое старанне выховання допровадыть до такыхъ результативъ въ поглядахъ и по-

чуванню, не були бы справи а ни я, а ни тѣтя (и певно й вуйко,—колы вже завважывъ), не сподивалыся.

Бать, що я тобі скажу, хоча и якъ терчко и немыло буде воно тобі звучаты.

Поважай того чоловіка, котрый стане борше, чы пизнійше твоимъ мужемъ и паномъ. Не чыны николы таке, що могло бь ёго розизлыты, або невдоволыты. Знай, пиколы не вносять жинка забагато податливости, а забагато доброты въ подружне жыття; и николы не выходыла гармонія тамъ, де жинка ишла лышь за своими поглядамы, не пиддавшыся остаточно... умови свого чоловіка.

Одначе колы ты будешъ жадаты багато оглядности для твоеи вражливой вдачи, воно не допровадыть мижъ вами до добра и сталои гармоніи. Старайся позбутыся того, о чимъ миркуешъ, що воно ёму не по души, а твои думкы и змыслы звернуты, якъ ёму це пожадано, на практычни дила, тымъ бильше, колы бачышь, що винъ цинить практычність и таки-жъ погляды и дила въ жинкы бильшь, якъ проче.

Не прывязуѣй душу до надто фапастычныхъ и высокыхъ ричей, чы идей; нехай бы вони соби были въ теоріи хоть и яки гарни та прываблыви, хоть яки добри и артызмомъ натхнени, вони все-таки не мають ничого спильного зъ буденнымъ, тверезымъ жыттямъ и сутъ далеки видъ всякои тверезои дійсности.

Зоню, це правда, що чоловікъ повиненъ багато чыныты зъ самоповажання, але винъ повиненъ все маты питання на думци,—чы въ тимъ, що винъ діе, лежыть такожъ и практычність.

Жыття, зъ своєю старшенною повагою, горемъ и невтомністю, довело мене до такихъ заключень, а що я тобі въ моимъ вику не можу вже стати пидпорою и помочою, то можу зъ тобою подилытыся хыба моимъ поважnymъ досвидомъ. Я знаю, що вони такимъ, якъ ты, мій голубе, не по души, одначе знай, жыття зъ обставынами йе паномъ надъ нами, а не мы сами, якъ це иноди омыльно утрымуемо.

Стережыся, моя дорога дытынко, щобъ твое власне нутро не сталося пропастью твоего счастья. Я молю тебе объ томъ и журюся тобою, видчуваючы выразно, що тее «щось», о котрымъ заедно згадуешъ и що здѣймае голову гризно межы вами, забирае въ твоеи души першый голось.

Винъ не ѣе сыльный и жестокий, але винъ ѣе пануючыи и выразыстый. Мабуть, бувъ и винъ тымъ факторомъ, що видрижнявъ тебе такъ выразысто видъ моихъ прочыхъ дитей, и звертае тебе на иншу дорогу, якъ може на счастье.

А и погляды Олексы, що до національныхъ справъ, старайся вырозумити. Вони суть здорови, дытынко, и я бачу, що вишь народъ и жыття, на сколько ёму це ёго вишь и часъ позволяють, знае...

Держыся ёго, бо зъ нымъ вступишь въ те жыття, що кышыть не счастьямъ и роскошею, а слѣзамы, смуткомъ и розчаруваннямъ.

А по сій мови, нехай тебе Господь хоропыть, моя дорога дытынко, и знай,—твоя стара, горемъ похылена маты клонить свою билу голову до-долу и буде святу землю цилуваты и дотыкаты ии чоломъ, въ мольбахъ о твое счастье...

(Слипыи внукъ):

«Вы бачыте якась несчастья коло ии истоты, а я видчуваю, що вона ѣе лыше незрозумилою для звычайныхъ людей.

О, моя прекрасна тѣтю, якъ же я люблю тебе!»

(Зоня):

Мамо!

Вже мисяць мынувъ, видколы той «чужынецъ» заходить въ нашъ димъ. Винъ (наколы це васъ займе, ѣе профессоромъ рысункивъ), теперь на видпусти и у нашего дидыча въ гостяхъ. А позаякъ займається малярствомъ, а часто и портретуваннямъ, то, перебуваючы тутъ, и портретуе дидыча.

Винъ ѣе сынъ одного вуйкового шкильного товариша, немця. И не знаю, чы тому, чы може тому, що винъ немецъ, а вуйко

до той мовы (якъ самъ иноди говорыть) ще видь шкильныхъ часивъ видносыться сымпатычно, тожь прыгорнувь того чоловіка такъ до себе, що титка вуйкови просто закъды робыть, що буцимъ то винъ увесь за-для якогось чужыньця», «мазайла», котрый не то що не займається нашыми народными справами (хыба поверховно), але навить и нашою мовою слабо володіе.—А вуйко помымо того перенявся нымъ такъ тепло, неначе бъ винъ бувъ ёго якый улюблений своякъ.

И господарку, каже, занедбуе и робитныкивь .. (хоча вона, по правди, найрадше всёго сама доглядае, щобъ винъ здоровья шанувавъ), а все черезъ того якогось «чужыньця», все черезъ «германистыку», въ котрій не то що, а «розлюбывся».

А той професортъ, «чужынець», мамо, бачыть радо, колы вуйко забырается супроводаты ёго въ ёго «артыстычныхъ проходахъ», нидь часъ котрыхъ збирае винъ соби матеріаль зъ нашои околыци и людей, нарысовуючы на-борзи рижни эскизы и мотывы, и дякуе кождымъ разомъ вуйкови щиро за провидь, пояснення и всяки инши дрибни услуги, котри ёму вуйко робыть. Иноди вертаются обыдва въ такимъ добримъ и веселимъ настрою зъ своихъ проходивъ, або колы винъ вуйка зъ двору до дому провадыть, що титка, хочай якъ морщыть чоло на видъ чужыньця, бачывшы добрый настрій обохъ, сама добріе, и «пенавистного» чужыньця на свою пышну каву прыдержуе.

Той чужынець, мамо, хоча видъ Олексы лыше на килька рокивъ старшый, робыть черезъ свою повагу вражинця, цемовъ бы бувъ видъ него бодай на цилыхъ десять рокивъ старшый. И колы бъ не ёго гарный и мылый смихъ, якимъ роземивается иноди, вражаючы нымъ незвычайно мыло, — можна бъ подуматы, що той чоловікъ, або за-едно чымсь то грызется, або що ёму лышь недавно померъ хтось дорогой и ридный.

Що до мене, то я маю въ ёго прысутности таке почуття, неначе бъ мижъ нами пробувало *щось значучого*; я тутъ не маю на думци ёго особытись *верхъ беручого*.

Я зворушуюся, стаю маломовна; радуюся, колы винь *видходьтъ*, и лякаюся, дизнавшыся, що ось-то винь обцявса зновъ «прыйты».

Я такъ лякаюся, мамо, иноди ёго прыходу, що часомъ зныкаю куды-небудь зъ дому, щобъ лыше зъ нымъ прывиту уныкнути.

И винь интеллигентный, той чужынецъ, мамо, и стоить духово зъ Олексою на-ривни, лыше колы интеллигенція ёго есть, сказала бъ я, характеру бильше хаотычного, интеллигенція Олексы,—напроты,—есть ршучо отяжелоу.

Ты чужый мени, чужый!—тыспетса мени въ ёго прысутности мымоволи на уста,—чужый, и стоишь такъ далеко *у всимъ* видъ мене, що межъ нами нема, мабуть, а ни одной точки, въ котрій мы бъ щыро порозумилыся и въ щыримъ порозуминню могли бъ соби руки податы.

Чы тота видчужаюча стина походить видты, що винь належыть до народности въ культуры мало вже не довершеній и ёму все те, що насъ переймае, для насъ йе ще важнымъ и великымъ, выдаетса не достоважнымъ и хосеннымъ (хоча я и того не зовсимъ певна, и це зъ моеи стороны навить невыразный здогадъ),—чы походить вона звидты, що винь йе артыстоу и ёго думкы звернени звычайно на цилкомъ инши предметы, нижь я це звыкла у своихъ знакомыхъ бачыты,—чы врешти йе це быстрота ёго ума, котроу можна мени завсягды трохы мою особысту видвагу видобраты,—досыть, що я буваю заполохана проты того въ грунти гарного та мудрого чоловика и не зовсимъ можу запануваты надъ собою передъ нымъ. Ище одно, мамо, (не описуючы вамъ ёго вроды, бо жъ це, якъ и ёго на-звысько, для васъ не важне) мыхоходомъ замичу. Отцей чоловикъ мае лвыни очи. Чы можете вы соби те уявыты? Це выдымо часто у людей, лышь поривняння не впадають намъ заразы вь-вичи. Але... щобъ вы мене ще лишне зрозумилы, винь має очы подибни якъ тїи велики полёви собаки, що перележують иноди годынамы на земли нерухомо; не звертаючы пры тимъ зъ насъ своихъ вирныхъ очей...

Мижъ тымъ колы Олекса йе дуже гарный на вроду, есть цей чужынецъ (винъ темноволосый и тонкыхъ очертивъ лица), черезъ свою быстроумность, легкость и елеганцію въ поведенню, майже непереможный.

Мени здається, що це послідне и есть головною прычыною, що настроюе Олексу проты чужынця недовирчыво, хоча винъ не може ёму а ни одной некоректности довесты.

Чоловикъ цей есть заповаженный и посидает надто добре выховання, щобъ ёму можна щось, хочъ и найменше доганне, закинуты.

Колы заженутся иноди обыдва въ диспуты, маю я таке почуття, непачебъ вопы поборювалы несвідомо одынъ въ другимъ щось кождому зъ нихъ незвычайно важне и значне, що—я не розумію, хоча темы, котри зачинають, не бувають зовсиль и завше такы святочно поважны, якъ бы це хто утримувавъ зъ нихъ бесидь, интонаціи голосу и розпаленыхъ очей.

Кольбы не повага и тонка доброта цего чоловика,—що й здається буты головною чертою ёго характеру,—обыдва тии чоловики не розходьдысь бы николы такъ мырно, якъ це звычайно буває пры кинци ихъ стричъ.

Такий йе онъ-той професоръ («чужынецъ», якъ титка ёго назавсигды прозвала), мамо, котрого знаю вже цилый мисяць и про котрого буду вамъ ще й дальше писаты,—бо моя далека, горемъ похылена мамо, буду *мусила* писаты. Лыше не знаю, чы я ёго добре, цебъ-то по правди, характеризую, бо, описуючы ёго, не можу освободытыся одъ вражиння, яке польшае ёго истота за кождымъ разомъ на мени...

Мамо!

Вдома постановлено, що професоръ мае портретуваты вуйка, а писля, наколы ёму ще доволи часу остане,—и мене. Це послідне постановлено на спеціальне бажання титки, бо Олекса йе, зъ прычынь намъ ще невидомыхъ, тому протывный.

Винь часамы такой чудный,—хотя й я стараюся ёму хочабь и найменше бажання зь очей видгадаты. Може я не була ще николы проты нёго така вичлива и добра, якъ теперь.

Часто не показуется въ насъ и тыжнямы.

Баже, що прыйде вже въ свій часъ по мене, и я нехай лыше пыльно прыучуюся коло титкы «господарыты».

Ще послідне гниває мене зь ёго стороны, бо цилкомъ лышне—робыты мене уважною на таке, тымъ бильше, мамо, що въ мене йе щыре стремлиння оснуваты соби идеальне домиство и родынне счастья. Взагали я буптуюся, якъ мене хто на мои обовязкы неначе «павертае». Я все вчыню сама, все... лыше нехай я маю волю вчыныты це добровильно, изъ власной инициятывы, а не черезъ насыльство и наказы.

Такъ ведется мени зь Олексою.

А однакожь, мамо, однакожь... тужу я въ-деякыхъ хвыляхъ такъ дуже за нымъ, бажаячы соби якъ найгорячійше ёго прысутности. Мени здається, пеначебъ винь повиненъ якъ разъ *теперъ не занедбуваты мене*.

До чого хоче винь мене своею сылою прысылуваты, цебъ-то допровадыты?

Але вы знаете, якый винь йе, и тому, що я соби цёго бажаяю, винь зь самой упрямости цёго не зробыты. Богъ знае чому воно укладается якъ разъ теперь такъ чудно, що винь лышь ридше до насъ зайизджае...

... Пры портретуванню мушу я буты завсигды прысутною, бо вуйко любить мене пры соби маты. Бодай щось шыты мушу я въ тій кимпаты, а прысутною мушу буты.

И я радо пересыджую пры тыхъ сеансахъ, бо воно буває мыло прыслухуваться тому, що «чужынецъ» оповидае. И винь оповидае интересно й багато, бо подорожувавъ доволи багато, и чувъ и бачывъ не одно. Часамы пытае винь мене про цее або тее о мою думку, и мене радуе, колы винь зь моймы поглядамы згоджуется, або буває зь моеи видповиди вдоволеный.

Килька разивъ приносывъ мени де-яки свои ескызы и рысункы, та выпытувавъ, чы воны мени подобаються.

Де-яки подобалыся мени, що правда, дуже, а про де-яки, що выдалися мени зхыблени, або не досыть умотывовани, я казала ёму прямо свою гадку, а часомъ и радыла зминыты въ пыхъ де-що въ цей або той спосибъ, або и закынуты гадку цилковыто.

Винъ не видповидавъ тоди ничего и забывавсь натомистъ назадъ до своей пращи.

Але по якимъ часи писля того сказавъ вуйкови, що въ мене йе дуже багато змыслу для штуки, и що я рашучо артыстычно основана вдача, и колыбъ винъ не знавъ, що я заручена. винъ зробывъ бы вуйкови и мени пропозицію, щобъ я брала въ него лекціи рысункивъ.

Колы ёму вуйко на те одповивъ, що я вже може и за-килька мясяцивъ стану жинкою Олексы, винъ сказавъ, що Олекса може буты гордый своимъ выборомъ. Що стильки гармонійнои красы, душевной и зверхной, не лучалося ёму ще въ жыттю стричаты и що це радуе ёго незмирно, що сміе мене портретуваты. Мій портреть (каже), зъ котрого зладыть соби описля кошію, буде въ ёго збирци найкращою студією.

Колы мени титка тіи ёго слова переновила, я не була въ сыли хоть бы и однимъ словомъ на те видповисты. Але я радувалася, моя мамо, я радувалася такою шаленою втихою, пеначербъ тіи слова становылы для мене якыйсь скарбъ, и я зъ якоисъ-то утихы себе не чула!..

Бачыте, мамо! Колыбъ винъ зачысловався до гурту моихъ поклонныкывъ, воно оставляло-бъ мене байдужною, якъ боготворення моеи особы не однимъ инымъ поклонныкомъ; але тутъ зворушылы мене отци слова до самой глыбыны моёго ества.

... Цей чоловикъ, мамо, цей «чужынецъ», винъ стоявъ такъ далеко видъ мене, бувъ такъ далеко видъ того, щобъ зблыжкатыся до моеи особы въ який небудь спосибъ, або здобуваты соби мою ласку, що мене гарна похвала цёго тонкого и доброго чоловика наповныла самымъ счаслывымъ почуттямъ.

Я кажу навмысне «доброго» чоловіка, мамо, бо тепер я вже знаю, яка безгранична доброта криється в ньому.

Ну, мамо, не лише Олекса вирубився власними силами на те, чимъ йе, але и винъ... и винъ пишовъ одыноко власными силами вгору. Але видтакъ саме в посередыни ёго праці зминылася ёго доля. Ёго батько померъ, осталася маты зъ трёма незабезпечеными доньками, и винъ, що живъ и дыхавъ тильки штукаю, перервавъ малярськи студіи и перебравъ місце профессора рисункивъ пры одній выщій школи, щобъ маты можливисть утримувати матеръ и сестры; а зъ своею малярською карьерою... попрощався.

Зъ той причыны розбылися и ёго заручыны зъ одною красною и доброю дивчыною, котру дуже щыро любивъ. И мижъ тымъ якъ вона стала жинкою другого, пишовъ винъ «въ робитныкы» за для кусныка хлиба, рады матери и сестеръ, и до того навить не ридныхъ сестеръ. Ціла радисть и втиха ёго теперешнего жыття концентрується в тымъ, колы може вь видныхъ хвыляхъ збирати ескизы и студіи, та видъ часу до часу подорожувати вь таки міста, де може побирати змогу и матеріялы до дальшого выобразования своего таланту.

Отже вы чуєте, мамо, винъ не йе ніякый великый артистъ. Йе бильши и голоснійши, чымъ винъ, котрыхъ все ще не можна назвати вь повнимъ значинню «голосными»; а винъ, здається, и не буде николы такимъ «голоснымъ», бо до всехъ варункивъ, котри роблять неможливымъ для ёго досягты того, чого бажавъ, щобъ-то цілковитого выобразования артистычного, винъ не йе й честолюбивый.

А помимо того всёго, мамо, я шаную и цию ёго незвычайно высоко. Видъ хвыли, мамо, вь котрій ёго истота перестала быти для мене такою чужою, якъ зъ початку, займае мене все те, чымъ переймається виць,—а то штука и малярство. Ба, я пишла навить ще дальше, якъ бы вы пёго сподивалыся. Мене займае навить и церковь, до котрой винъ належить.

Мы звиклы уважати ии, якъ вже не за «геретычну», то бодай за щось меньше довершено, якъ нашу.

Все отце, мамо, *йе моею тайною*. Яко суджена будущего священника, я не смію видноситься сымпатично до иншихъ соборивъ, якъ до того, до котрого винъ и я належымо.

Одначе, мамо!... вы моя далека, горемъ похылена мамо, гнивайтесь, або ни,—а я вамъ свій грихъ, чы якъ хочете мій вчынокъ назваты, оповимъ, щобъ лыше ёго зъ кымъ небудь добрымъ подилыты и чіесь прощенья одержаты.

Будучы послиднимъ разомъ зъ вуйкомъ въ мисти и маючы до видйизду ще доволи багато часу, я пишла въ околыцю, де мала знаходытыся ёго церковь.

Врешти добралася до неи.

Мене тягнуло кынуты бодай поглядомъ въ іи нутро, бо доси не займалы мене и не заходыла я до иншихъ соборивъ, кримъ до той церкви, до котрой належала я.

Опынывшыся врешти вже на схидцяхъ передь нею,—вирьте мени,—потрясло мною неначе въ пропасныци, и я выдалася соби чомусь мовъ якою проступницею.—Не тому, що я вступыла до церкви, котру мы звыклы были уважаты за геретычну, лышь що мени Олекса неустанно передь душею стоявъ, и мене мучыло почуття, неначебъ я ёму зъ отцею хвылыною спроневирылася. Вишь бувъ-бы мени цей крокъ,—хоча въ грунти ричей и якый невынний,—по свой гордости и своимъ деспотызми *николы не простывъ*.

Двери церкви были одчынени... и вона була порожня...

Въ ній було тыхо, тыхесенько, и знаете, мамо, що я зробыла? Я лышь оглянулася велько и звильпа, майже боязько,—и николы не забуду глыбокого вражиння, яке зробыла на мене велька поединчистъ нутра тіей церкви.

Я видитхнула глыбоко, неначе мени спавъ зъ души велькый тягарь.—Видтакъ, сившы на одну зъ послидныхъ лавокъ, я опустыла голову на лавку передь собою, и—моя далека, горемъ похылена мамо, не плачте, мамо!—*я задумалася надъ добрымъ чужыицемъ*.

Николы и нигде не думала я такъ интенсивно и зъ цілою душею про него, якъ саме въ тимъ Божимъ доми.

Отъ, врешти опынылася я наразъ въ ёго *церкви*. Чы я поповныла тымъ щось неправого?.. Я думаю, що ни.

Я-жь вступыла лыше въ церковь чоловика, котрого вельку интеллигенцію, даровытисть и гарну душу я *шануваты мусила*, и бильшь ничего. Мы-жь стоялы соби такъ далеко, а церковь, чы тамъ вона ёго, чы вже моя, була такъ щось для себе цилкомъ окремого,—що я *могла* тутъ пробуваты...

Мавъ хто право мени зъ того зăкыдъ робыты?

О, Боже мій, мамо!—Олекса, Олекса, певно. Винъ бувъ бы на мене самымъ громомъ кынувъ.

Але я осталася ще хвылынку радо

А видтакъ пишла.

Станувшы вже на порози входныхъ дверей, я обернулася ще разъ и попрощала очима велькый, престольный хрестъ.

Мамо! я це сказала лышь разъ и то тоди, *въ тій хвылыни, до своєї души*, а теперь кажу це и вамъ:

Якъ-бы це Спасытель зійшовъ ще колы-небудъ назадъ на землю и переходывъ вси церкви свита, затрймавбыся въ тій церкви, тутъ найдовце.

И бильше не скажу о тымъ *словамы ничего*.

О, моя далека, горемъ похылена мамо!

Колы-бъ мала наступыты хвыля, що вы-бъ мусилы пролыты черезъ мене слёзы, то прочытайте,—вместо того, щобъ жалиты нади мною, — лысть св. Апостола Павла до Корынтейцевъ, XIII.

—
Мени такъ тяжко на души! такъ сумно... такъ безвглядно якось, що... О, Боже добрый!

—
О, Андруша, Андруша! и ты, мій дорогой брате, Ёсыпе! прыйдись до вашои «гордой» сестры та прыгорнить їи до вашои щырої братерської груди, котра не здрадыла никого!

Прышлитъ мени ихъ, моя маты, бо округъ мене все цилкомъ якось зминылося. Щось чужого и значного, щось *далеко-сямого* находыть... и бере верхъ...

Моя голова схыляется нызько на грудь, якъ ваша, моя мамо; а помымо того, кажутъ вси, вси воны, що приходять и видходять, кажутъ мовъ зъ одныхъ усть: «якажъ вона прекрасна!!»... А помочи ніякои.

(Бабуня зъ гиркымъ смуткомъ):

«Помочи ніякои», моя дытынко,—я вже видчуваю, що «помочи ніякои».

Вже зблыжається двадцята годына и для тебе. Бачышь? *Вже и ёго церковз тебе займае.* Ты хтила лыше однимъ поглядомъ позырнута въ ии глыбину?

Ты?.. О, смутку мій! суджена будучого священныка?

Ты не религійна на спосибъ твоеи матери, тому змогла пидатися спокуси переступыты зъ особливо цикавосты (котрой кориння лежать въ сымпатии до чужынца!!) поригъ иншой церкви, нижь тѣи, до котрой належалы твои предкы, и видаватися тамъ мрїямъ про якогось «чужынца»!

Тому ты и годна потишатися думкою, що сама церковь, чы ёго вже, чы твоя, *йе щось для себе окреме.* Знай, те знання, яке ты сама соби прысвоила и котре вызырае зъ помежы всихъ твоихъ сливъ, воно выпыло тобі и виру зъ души и оставыло самый тильки крытычний змысль. Я бачу вже, якъ воны надплывають на тебе, хвыли твого горя... чымъ разъ ближе й ближе... и якъ видтакъ остаточно прывалять тебе своею потугою до-долу.

Таке бувало вже межы людьмы, бувало!!.. Чуже ослиплюе тебе, забирае твою молоду душу въ полонъ, а якась «доброта», котрій ты ничего не завдячуешь, *ажъ зворушуе* тебе. Ты це ще не знаешь, але я, моя дытыно, що дали чы не циле столиття доживаю, бачу, що пропасть твого счастья *крыется въ твоимъ власнимъ нутри* и одчыняе вже поволи свою пацу.

О, мій Олексю! ты мій гарный, тверезый, ты мій сыльный, простого люду сыну! котрого мои очи, може, николы и не побачуть, а уста николы не поблагословлять, ходы, спишы! Заберы мое вагаючеся дытя на твою грудь, схороны ёго чередъ поглядомъ чужого!

Бачь! вона дрожыць вже перець «львынымы» очыма и потребуе тои твоеи охороны.

Я вже стара и горемъ похылена, а іи батько мертвыи, и вона мени утоне!

О, вы мои дороги, прегарни диты! що за потугу крыете вы въ своихъ грудяхъ; котра васъ всихъ майже въ одну пору, безъ пощады зъ собою порывае! вы-жъ мени вси булы чысти й добри, мовъ ти квиткы!..

А теперъ и ты, моя дытыно! послідня зоре моя, и ты!..

И «гарною» звуть тебе вси. Але такую ты вже бильше не йе.

Твоя далека, горемъ похылепа маты каже, що ты вже такую не йе. Схыляй твое чоло, схыляй ёго покирно, и того ще замало. Зъ твоимъ почуваннямъ для чужынца, котре ще и сама добре не розуміешъ, вразыла вже твою церковъ, твого будучого мужа, а до зрады твоій народности вже не далеко.

Я плачу, моя дытыно! я вже маю слёзы въ своей души, и видъ тебе буде залезаты—чы це будутъ слёзы кровави, чы слёзы радости.

(Слипець):

— Бабуню, бабуню, не раниць іи такъ тяжко! вона така смутна зъ своимъ почуваннямъ! О, моя дорога бабуню,—«сама»! Чы вы розуміете те горестне слово?

О, моя тётю! чому вы въ свойй краси таки засмучени? Прыбудьте до слипця; винъ заграе вамъ щось зъ своей души.—Душа *слипого* не йе для вашой *такою слипою*, якъ души *тыхъ*, що васъ *окружають* и *бачуть* ваше прекрасне облыччя и ваши били, нижни руки...

(Зоця):

Мамо! Чы я не казала вамъ, що межы мною й Олексою пидймае щось гризно голову?.. Теперъ видчуваеця щось вже цилкомъ выразно ёго прысутність, и воно не хоче уступатыся.

Олекса перебувае въ насъ вже видъ килькохъ день, але прывизъ поганыи настрій.

Вчора зь ранку уклала я вь вазу кытыцю цвितивь, а Олекса сыдивь оподаликь мене зь доволи неласковою мыною, а паразь спытавь:

— «Скажы мени, люба дивчыно, чы ты будешь и вь нась дома тратыты стильки часу на марныци?.. Оть, я сыджу вже повныхь 15 мынутаь, прыдивляючыся, якь ты сылкуешся тыхь килька квитокь уложыты гармонійно и зь смакомь одни коло другыхь вь отцего рода черепь, и, по щырости сказавшы, це не-терпывыть вже мене.»

— «Ни, Олексечко»,—видповидала я—«якь ты не перестанешь роздражнюватыся всимь тымь, що мени справляе прыем-нисть, то я певно що не буду того никола чыныты.»

Тоди винь сказавь:

— «Дывыся! Робыты можешь ты соби такь,—цего я тоби не забороняю, лыше я не бачу прычыны, для чого воно *мусыть* быты зроблено.

— «Якый ты ныни зновь чудный! Хто туть говорыть про якусь «мусыть»? Це робытся лыше за для доброго смаку и змыслу красы.—Мени здаеця, що нема ни вь чимь утраты, колы плекаеця добрый смакь и то для нашой власной втихы.

— «Ни»,—видповивь винь,—«але колы мы вже стали обь тимь говорыты, то мени прыходыть на думку нашь гисть—професорь, чы якь ёго тамь титка прозвала—«чужынець». Чы ты не маешь охоты побыраты вь цего лекции рысунку?..—«Такь, такь»,—додавь винь трохы зворушено,—«я вже видь титкы чувь, що винь видкрывь вь тоби особлывни «артыстычни» инстынкта, и навить мавь жалуваты, що ты вмисто статы артысткою, станешь лыше простою попадею. Скажы по щырости и одверто,—тягнувь дали, кынувшы погирдлыво рукою вь сторону на кытыцю квитокь,—чы вь твой нынишній охоти упорядкуваты квиткы артыстычно не крыеця по-трохы и пожадання выкыкаты й слово похвалы вь артыста? Хто бы вась не знавь, яки вы вси однакови и хытри! и о скільки котра спокійниша зь выду, о стильки гирша и небезпечнійша зь души! Скажы, чы я не маю слушныть?»

Въ мене *затовклося* серце скорійше, и я поглянула на него.

— «Може. *Винь* розуміється и знається на такихъ ричахъ; и мене це буде радувати, колы отця дрибныця, якъ ты впрочимъ мыльно утрымуешь, зверне ёго увагу. Мене тишыть завше, колы я стричаю розуминця, а винь же артыста. Впрочимъ нема о чимъ балакаты,—винь такой поважный и скупый на свій часъ, що ледве чы й побачыть цей мій «твирь».

— «Ты цёго не можешъ знаты; я довиряю такъ само мало ёго повази, якъ самолюбывости жиночій».

— «Я не розумію, що ты думаешь пидъ тымы словамы»,— видповила я, сылюючыся до сункоюю.— «а що до лекцій rysункивъ, то и самъ знаешь, що вже теперъ таке зачыналы мени за-пизно, и що я не выявляла доси николы таланту до подибныхъ ричей. Що иншого—любыты и розумиты штуку, а що иншого—буты самому артыстомъ».

— «Це правда, що не «выявляла». И таке бажання не моглабысь вже навить и сповныты: за пайдальше тры, чотыри мисяци, якъ Богъ допоможе, поберемося, и тебе ждуть, якъ сама знаешь, инши обовязкы, нижъ обовязкы штуки».

Ты будешъ мала багато на своихъ плечахъ, Зоню. Будешъ мусила взяты сама доглядъ надъ цылымъ господарствомъ, такъ якъ тутъ це робыть титка,—бо парохвія, котру я правдоподобно одержу, йе велька и розшырена, парохъ—слабовыттый, бездитный вдовецъ, и я буду мавъ досыть зъ своимы зашедбанымы парафіянамы до дила; я маю замирь заразъ зъ самого початку забира-тыся до реформъ».

Я йиду зъ певнымъ планомъ мижъ народъ на село, и ты будешъ мусила мени буты въ моихъ працяхъ помичною. Якъ бачышь, тоби не стануть тутъ твій добрый смихъ и змысль до красы и штуки въ велькій помочи. Тутъ треба практичного дила и тверезого розсудку, и певно... що наша праця не иде намъ марно».

... Такъ, такъ,—додавъ чомусь глумливо, якъ передше,—вуйко хыбывъ, по-трохы выплекуючы въ тоби чуття для самого артызму и этикы, а зашедбавшы змысль для практичности, що

въ жинкы повинно быты першымъ. Теперь (pardon) мучыть тебе тее лыхо, розгниздывшыся въ твоій вдачи, и я побоююся, що хоча и якъ я тебе люблю, ты помымо всѣго не внесешъ доволи практычнаго змыслу въ нашу хату. А до того всѣго появляется ще и *такый*, якъ *онъ* цей, и хоча винъ и ничего не говорыть, то я не можу позбутыся той думкы, що той чоловикъ здавлюе въ тоби своею працею и своими бесидамы (чы радше поглядамы) ще й рештку практычныхъ поглядивъ, яки въ тоби остались. Справдишне счастья, що ще титка тутъ йе и мовъ той добрый ангель стереже и чувае надъ тобою въ тимъ напрями (зъ вуйкомъ ты мабуть одна душа); инакше, я бѣ мусивъ побоюватися, що... вернувши колы-небудь видъ своихъ парафіянь, застаю тебе не за господарськымы справами, а... зъ пенземъ и красками!»— «Винъ розсміявся вымушено глумлывымъ смихомъ, котрый зовсимъ спогапывъ ёго звычайно спокійне и гарне лыце;—а я одвернула видъ ёго, прыступаючы до вкна.

Тутъ я неначе вдывлялася черезъ хвылыну на улыцю, мижъ тымъ колы я ничего иншого не хтила, якъ лышь успокоитыся.

Якъ що винъ почавъ о чужыню говорыты, опапувало мене зворушення, неначе пропащыця. Одначе я тутъ не стояла такъ довго. Олекса пиднявся зи своего мисця и опынывся немногымы крокамы наразъ коло мене.

Я стояла до ёго звернена профыльемъ, тому винъ не мигъ мене въ очи глядиты, але я видчула, що ёго очи спочывалы выгребущымъ позоромъ на мени.

— «Чому ты не кажешъ ничого въ свою оборону?»—слытавъ винъ,—«мени подобаюся жинкы ридко, колы вони мовчать: тоди працуюе ихъ мозокъ, напевне, на шкочу мужчыни».

Я не рушалася зъ своёго мисця.

— Скажы мени, Олексо,—запытала я, не поглянувши на ёго а-ни «пивноглядомъ»,—чому ты показуешся доперва теперь зъ отци немылой стороны?.. Давнійше не бувъ ты николы проты мене такъ крытычно и ризко успособлений. Говоры по щырости и прямо, такъ, якъ звычайно я це роблю. Ты жъ шануешъ, здаеця, якъ и я, правдомовнисть у людей.

— Давнійше?—видповивъ винъ усмихнувшись (а той усмихъ, мамо, вразивъ мене такъ само, неначе ёго «кинське копыто прозы»),—давнійше захоплялы мене твои очи такъ сильно, що я не бувъ доволи спокійный анализуваты твою душу. Ты маешъ, дивчыно, таки хвыли, що чоловікъ давъ бы за тебе безъ намыслусвою душу. Чы виришь ты въ мое чуття? Такъ було зо мною знершу. А теперъ я прыдвляюся до *твоеи души*.

— И чы мусышь ты мени пры тій анализи справляты прыкрости?»

— Чы я це вчынявъ?

— Я жъ думаю—такъ. Мене обгортае пры твой крытыци моеи истоты таке почуття, неначе бъ ты стававъ зъ моею интеллигенцією (або и зъ тымъ, шо становить саму сылу моеи души), до якои боротьбы. Одначе, я тебе прошу, Олексо, пошануй мене и оставъ мене въ тимъ напрями въ супокою. Бачъ! Ты подобаешся мени такимъ, якимъ ты вже саме йе,—до чого жъ тому це злышние ображання моеи души, колы воно не доведе й такъ до ничего. Помырься зъ моею вдачею, а побачышь, що я не ворогъ тоби, Олексо! будь лишь *добрий* проты мене!

— Ты посидаетъ за-малѣ прыхыльности до практычного жыття, а за-багато для абстрактныхъ ричей и де-якихъ справъ, въ котрыхъ и такъ ничего не вдіешъ, хоть бы и якъ ихъ добре розумила. Колысь будешъ разъ сама зъ себе усмихатыся,—такъ дуже отверезыть тебе само жыття, та покы що я хочу тебе власною рукою зъ тыхъ высотъ звесты назадъ до земли. По-що часу тратыты и розчаровування переживаты? Тебе не жде ни що инше, якъ обовязкы жинкы,—жинкы священныка,—и обовязкы украинсько-руської жєнщины.

— И мусышь ты при тимъ, конечно, показуваты «кинське копыто прозы»?—спытала я тономъ, такимъ вже чомусь беззвучнымъ, що сама ёго перелякалася.

Винъ вытрищывся на мене и замовкъ на хвылыну, а дали спытавъ:

— Що я маю пидь твоимы загадочнымы словами розумити?..

— Чы це непременно потрибно, щоб ты мени твоимъ «кинськымъ копытомъ прозы», на котре покладаешь такую вагу, справлявь пры кождій нагоди прыкрости? Чы ты мени не довярешь, що я сповню обовязкы жинкы,—и жинкы священныка, и украинкы,—тому що въ мене йе змысль и для тоншыхъ и шляхетнйшыхъ ричей, чымъ до самои лышь домовои господаркы?—сказала я. Не бійся, я выповню свои обовязкы такъ, що ты будешь цилкомъ вдоволеный, нехай бы я пры тимъ и сама змарнувалася,—черезь мене не понесешь ты страты ни въ чимъ!

Я не дарма попивська дытына и въ попивськимъ доми выхована, щобъ не знаты, що мене жде навить и найгрубша праця: але мени того не страшно, Олексо,—я здорова и люблю працю.

Але, колы въ мене, окримъ того, ще и таки прыкметы души, котри зь твоимы экономышнымы поглядамы не згоджуются, то ты не маешь найменьшого права здавлюваты ихъ въ мени и справляты мени на кошть прыкрости, тымъ бильше, що доси я а ни одною подією не доказала тоби, що могла бь тебе, черезь бракъ, якъ ты кажешь, змыслу для дійсности,—пхнуты въ несчастья. Все те въ тебе чысто уроене—пересудь, пусти комбинаціи и выплывь деспотычнои вдачи.

Впрочимъ,—додала я, але тутъ же заразъ и урвала, згадавши «чужынця», и васъ, моя далека, горемъ похылена мамо, згадала и замовкла...

— Скажы мени, спытавь винъ,—чы ты розвиваешь такой резонъ та енергію и проты артысты, колы винъ говорить тоби комплименты про твои очы?.. Бо що винъ говорить, я можу соби уявыты. Здається, винъ буде теперь десь саме пры малюванню очей? Якъ разъ ныни зь-ранку бачывъ я въ кимнати вуйка твій розпочатый патреть.

— Оставь того чоловика въ супокою!—обизвалася я,—не мишай ёго въ нашу дисгармонію. Винъ стоить у всимъ видь

нась такъ далеко, мае такъ мало зъ намы спільного, що було бѣ несправедливо кривдыты и ображаты ёго хоть бы и найменьшымъ пидозриннямъ.

Опроче, мавъ есы вже доволи часу переконатися, що це чоловікъ наскризь честный и характерный.

— Мени, що правда, стоить *винъ* дуже далеко,—обизвався *винъ*,—але чы *винъ* и тоби такый «далекый», я позволю соби сумніватыся. Замылування для штуки и красы, котре посидаете обоє, ледве чы буде таке невражлыве, щобъ краса одного, а интеллигенція другого не стритылися симпатично. А интеллигентный *йе* той чоловікъ,—це мусыть ёму хоть бы и хто прызнаты.

— Такимъ *винъ* и *йе*,—додала я и (дорога моя одынока матинко!) перелякалася. Що я сказала моя мамо, що я своихъ власныхъ сливъ такъ перелякалася? По-що було мени ихъ говорыты? Чы не було бѣ липше мовчаты?..

А Олекса лышь глянувъ на мене.

— Чы ты зъ нымъ багато розмовляешъ?—спытавъ.

— Не конче. *Винъ* по найбильшій части буває пры роботѣ дуже поважный и мовчазный, а по друге—пры сеансахъ сыдыть звычайно вуйко, або титка.

— Але стилько, то вже певно (мучывъ мене дали), щобъ заглянуты соби въ душу.

— О тимъ не можу тоби вже ничего докладного сказаты. Стилько *йе* певно, що *винъ* змушує нась шануваты ёго. Я вже не мовлю о соби и титци, але вуйко, що *йе* прецинь образованый и досвидчений чоловікъ, шанує и циныть ёго надзвычайно.

— Вуйко—то ентузіастъ, хоча въ ёго и яка соби тамъ сыва голова; ты жъ ёго ученыця и своячка; а якъ цей профессоръ—германецъ, до котрыхъ видносыть вуйко здавна симпатично, до того ще й артыста (котрого значиння, яко такого, я въ свитѣ артыстычнымъ позволю соби пидозриваты), то захватъ и ушанування готови.

— Чы винь самъ собою, *яко чоловікъ*, не може быти *значный* (спытала я), и мусыть то ёго значиння вязатыся заразъ доконче изъ ёго фаху?

— Мени здається, що якъ разъ тутъ въ ёго есть такый выпадокъ, де винь свій фахъ, *яко артыста*, не мигъ до кинця довести.

— Але *не яко артысту* циню я ёго... ривно вуйкови,—бо въ тимъ знаю я ёго замало, або радше и зовсимъ не знаю,—*лыше яко чоловіка*,—уважай, Олексю: чысто, *яко людына* змушуе винь шануваты ёго.

А що до твого неумотывованого пидозриння, що винь говорыть мени комплименты про мою поверховність, то запевняю тебе, що винь не говорывъ мени доси а ни нивъ-словечкомъ щось подибного. Та за те мае винь багато де-чого иншого въ соби передъ нами, якъ и цила велька народність, до котрой винь належыть, що мене змушуе поважаты и циныты ёго.

— Олексю, признай по щырости, винь *йе добрымъ репрезентантомъ* своей народности.

— Такъ, такъ, чуже!—сказавъ винь,—це впливало и слипыло часто наши души, такъ що мы наше,—хоча бъ и найлипше и найкраще,—не бачылы, бо навить нашихъ найвлавствыйшихъ намъ барвъ, *рады чужого*, видрикалыся и, немовъ гипнотизовани, въ таборъ протывыкывъ переходылы (це Олекса, мамо, тутъ проты черекипчыкывъ такъ мовлявъ).

Часто чынымо це и несвидомо, и лышь тому, що въ насъ *йе* наклигъ прыстосовуватыся до иншого, и бракъ видвагы, чы радше постыйной, вытрывалои сылы *до идного культурного истнування, яко менша народність*.

Такъ, такъ, Зоно,—тягнувъ винь гирко далыше, опушкаючы сумно голову въ руки, та дывлячыся мени въ очи:—*Мы носымо жылку зрады въ соби*. Скилько то нашихъ перейшло и переходыть въ таборъ протывыкывъ, а то лышь тому, що *вельке и чуже* здавалося имъ бильшымъ и липшымъ, чымъ свое; чы вже теперь одно зъ тыхъ вельчый звалося такъ, або сякъ,—остається байдужнымъ; заридь до такого кроку *въ насъ йе*. Тому, що було

бъ и задыво, колы бѣ и ты склоныла зѣ подывомъ твою голову передь «чужою сылою», хоть я не хочу тымы словами ничего бильше сказаты.

Але воно мени не йе выною, моя мыла, лыше интересно. А интересно спеціально въ тебе,—я радъ бы знаты, котра точка буде *тутъ* тією перемагающею сылою.

Але иды!—клькнувъ паразъ зворушений, неначе бѣ пидъ впливомъ якоись лыхой, надъ нымъ верхъ беручой думкы,—идить вси вы, неправдыви и «вагаючіися», идить и оставте настъ самыххъ! *Не число* становить миць и сылу, *лышь свидома сыла и интелігенція!*

Я поглянула на него счудовано, не видповившы ничего, и згадала зповъ чужынца, ёго и васъ, моя далека маты; а вид-такъ шукала соби занятія.

Въ Олекси щось коится, мамо,—я це видчуваю, и знала-бѣ це павить тоди, колыбѣ поводывся й менше чудно проты мене.

Я боюся ёго, якъ боимося бури, що зблыжается.

За те чужынець, мамо... Я мушу заедно про чужынца думаты.. Мене обгортае иподи така сыльна туга за ёго повагою. *ёго нижною добротою*, та за ёго мени несказанно симпатичною истотою, що колыбѣ все не було такъ, якъ воно йе,—я-бѣ прынала найрадше до ёго грудей... и тутъ бы выплакалася.

Не карайте мене, мамо.

Я така смертельно смутна и перемучена... що мене може лышь доброта, и все па-ново сама одна доброта, удержаты на сылахъ.

(Бабуня): Я знала, моя Зоню, що въ мужчыни, котрого жинкою маешь статься, мусыть прыйты до такого почування и настрою. И воно й не можлыво инакше: я не маю для тебе сливъ, бо ты видалюешся видъ всёго, чого ты всямы первамы твоёго серци повинна держатыся.

Олекса мае слушнить, колы каже: «*мы вси маемо жылку зрады въ соби*», бо вона видзывается и въ тоби.

Неначе та божевильна, видаєшся ты мени, що своє счастья затопчує ногами, а простягає руки за якоюсь-то мрією.

Будь *смутна*, коли твоя душа пры всімъ своимъ багацтви здобула соби лишьъ смутокъ, *и плачъ сама одна*, коли не можешъ выплакатыся на грудяхъ твого судженого.

Твоя далека, горемъ похылена маты, не мае слизь для тебе, а колыбъ и хтила заплакаты, то мусилабъ плакаты кровію.

Ухаменься, онамятайся: не легковажъ твою будучність, бо тяжки суть хвыли и лита въ старости, коли переживаемо ихъ на самоти и въ злыдняхъ...

(Зоня): Мамо!

Чы чытаете вы мій дневныкъ? Чытаете?

Я прыходжу до васъ, бо видчуваю, що вси, почавшы видъ Олексы, мають до мене жаль, хотяй ништо справу жалю по имени не называе. До того немае ништо, кримъ Олексы, видвагы.

Я хочу сама передъ вами все розкрыты и розибраты.

Мамо, вы моя далека, горемъ похылена мамо! Вы одни знаете, якъ то буває, коли наши очи почалы зъ жалю й горя до сну незатулюватыся.

А теперь дієтся таке зо мною.

Знайте мамо! Чужынецъ загопывъ свои очи въ мои и забувъ йихъ въ моій души.

Теперь я маю йихъ за едно въ своїй души, и вони не дають мени супокою.

Буває... рано, ранесенько... люде десь пры свитли (теперь же зима!) встаюсь и берутся до праці. Я рано, ранесенько до праці не встаю,—ништо їи видъ мене ще не жадае и не прыймае,—и я лежу у пивсни. Навить и не въ пивсни.—Яжъ бо чую, якъ въ груби трискае дерево и бачу, кризь прыжмурени очи, жовтяве пасмо свитла полумини передъ грубою, а дали и сире, денне свитло супетя песмильво викномъ въ мою кимпатку.

Я лишьъ такъ лежу, а спаты не сплю.

Лежу такъ тыхесенько, неповорушно и бережу лвыни очи, мовъ скарбъ въ моій души.

Це моя глибока тайна.

Знаете вы, мамо, про кого я думаю, моя мамо?

Вы одни може вже знаете.

Винъ утопивъ пры портретуванню свои очи въ мои и забувъ їхъ въ моимъ серци. Тому мене сонъ не бере.

Ранкамы, сиремы, зимовымы ранкамы, зъ сумракомъ въ хати, тышыною перерываною лишь трыцаннямъ дровъ у печи, утомлена безсоннямъ почи, я-бъ рада хоть такымы сиремы поранкамы засыпцяты.

И пи...

Округъ мене така тышына и супокій, що я сама свою душу зачуваю. Такымы хвылынамы борюся я зъ чужынцемъ. А тая борба тяжка и поважна, бо пидъ часъ неи вырынае (неначебъ ждавъ лишь видповидной хвыли) гарна, пышна, енергична голова Олексы.

И нхто, нхто не може мени въ тій страшній борби помогты, бо лвыни очи, мамо... *це моя найльбша тайна.*

Слушайте.

Колы довидуюся, що винъ мае надійты, починається для мене цила исторія.

Мамо, я видчуваю це кожнымъ разомъ цілою истотою.

Особлывожъ, колы винъ переходить ривне, певельчке подвирье... до входовыхъ дверей, що ведуть прямо до титчыного покою.

Звычайно я сяджу, або якъ титкы нема въ кимпати, лежу на софи и дывлюся на билу стелю.

Наразъ бачу, якъ на тій стели лягае скисна, подовгувата тинь.

Тоди *винъ* надходить.

Винъ надходить, и одынокымъ шырокимъ викномъ въ титчынимъ покою... падае... (чы це не чудно?) на стелю ёго тинь. А тому, що я лежу,—я бачу ии на стели.

Отже, мамо, насампередъ на стели *тинь*; видтакъ чую, жыви, скорн, элястычни кроки; видтакъ бачу ще выразнійше тинь... а видтакъ... видтакъ... нападае мене мука... себъ-то лыхорадка.

— О, мамо! мамо моя!.. якъ страшенно зворушуе мене моя глыбоко захована тайна. — *Я жъ здрадныця.*

Але якъ хто думае, що мени зъ моею здрадою добре на души, той помыляется. Я мучуся. Тоди то починою себе вмовляты, що винь мени зовсимь непотрибный и байдужый... що я хочу всимы сыламы держатыся Олексы. А вже въ слидуючій хвѣли починою робыты поривняння межы *нымъ* и Олексою, и моя душа починае кривавытыся. Такъ часто, песказано часто вражала мене сувористь мого судженого, мижъ тымъ, колы тонкисть и доброта *ѣго* гоилы ти рапы, немовъ лышь павмысле истнуючы на те.

— Николы не сказавъ винь такого слова (ни до мене, ни до другихъ), котре бь було мени колы заболело; николы нищо не вражало прыкро въ *ѣго* истоти,—немовъ до добродійного свитла звернулася моя душа до ней, такъ добре бувае мени зъ *ѣго* ествомъ.

— Ни, мамо, винь не *ѣе* мени чужый, не бувъ такимъ николы, лышь я мусила, здаесь, на *ѣго такъ довго ждаты.* А теперь, колы винь врешти зъявився, я мушу такъ тяжко мовчаты и передъ *ѣго* приходомъ дрокаты.

И дйшло до того, що я *ѣго* (теперь ще гирше якъ зразу) боюся; а колы винь видходыть, опынюется на порози мовъ олень и ще разъ обертается, *у послидне здоровлячы* мою душу своимы очыма за собою. Такъ воно дѣется часто, густо.

Теперь прашое винь пыльно надъ натретомъ, бо мусыть незадовго выйизджаты, и мы дйшли, чого Олекса такъ дуже боявся,—саме до очей.

Ихъ тяжко малюваты.

Винь малюе. Я мовчу.

— Вы можете щось говорыты,—каже винь.

Мовчання.

Видь часу до часу споглядае винь на мене и хоча *ѣ* мои уста бувають въ *ѣго* прысутности пеначе спарализовани, *видчуваю я свое несчастя, що вони говорять.*

Я не знаю, що вони говорять, але пры тимъ я буваю страшенно поважна, навить ще поважнѣйша, якъ винь, и колы бь винь схотивъ мене до розмовы прысылуваты, я бь зь якогось то жалю заплакала.

Якось просывъ зновъ щось «говорыты». На те я отвитыла ёму коротенько, що я, будучы разъ зь вуйкомъ за справункамы вь мисти, заходыла и до ёго церкви.

Винь дывывся черезъ хвылыну на мене сѣючымы очыма, а видтакъ сказавъ два слова: «дякую вамъ».

Описля мовчало мы вже обоє.

Винь хтивъ щось сказаты и я хтила щось сказаты, але видтакъ не сказали мы обоє ничего...

Иноди буває мовчання таке тяжке, мамо, переповнене чуттямъ, таке неказано тяжке, що... Боже!!.

Ёго грудь виддыхае, чы радше «працное» такъ важко, — а я закушую зубы щипко, щобъ зь жалю вь голосъ не зойкнути.

— Чы вы плачете, моя мамо? Плачте, бо я не смію плакаты. Я суджена другого.

Мамо!

Я потребую чіись слёзы.

Межъ намы бувають таки нижни хвыли, що я не вь сыли йнихъ вамъ словамы передаты, бо все, що видчуваеця тонко, грубіє заразъ черезъ переказування словамы.

Колы недавно просывъ мене зновъ оповидаты що-небудь, бо, якъ мовлявъ, ёму малюеця лишше», пожалилася я ёму, що буцимъ то «люде» закъдають мени браку змыслу для дійсности и практычныхъ поглядивъ на жыття: та що я черезъ те вь жыттю не стану, якъ бы мени лычыло, николы корыстною.

Отце переповила я ёму, а винь, — не поглянувшы на мене, — видшовивъ черезъ хвылыну:

— Не журиться тымъ. Вы йе *врожденною жрыцею красы и ваша* (це бь то вашой вдачи) *жиноча* задача йе — все, що чысте и гарне, плекаты чуттямъ.

Успокойтеся и знайте, що гарно, чисто и тонко видчуватъ ѣе такожь своѣго рода «счастямъ», котре не кождому дане.

Мамо!

Чы вы видчуваеете мое счастья? Увїдить въ мою душу.

Цей чоловикъ такый маломовный, поважный, вздержливый, а помымо того мае те, що винъ говорыть. стилько доброго и благородного змисту для моеи истоты.

До того знае и розуміе винъ мене такъ добре, якъ, здается, ништо досы на свити.

Николы не бувае ёму щось въ мени неясне. не настроюе прыкро, або ворохлыво. При тимъ винъ ѣе прямой и отвертый, и що я въ нимъ головно циню и люблю—це ёго тонкысть и доброта,—якъ разъ те, що я въ мого судженого проты себе не нахожду. Воно само собою укладается, мамо, що вони обыдва вставляются передъ мою душу и выклькуютъ до поривнянь.

Винъ не говорыть зо мною николы про мои заручыны, чы про Олексу, або и взагали про особысти видпосыны, якъ це Олекса такожь подозривае;—лышь разъ пытавъ мене, що я утрымую за справдишну задачу «любовы».

На те я видповила:

— Велька и справдишна задача любовы ѣе дбаты о те, щобъ вона для своихъ выбрапныхъ заховала тїи сами свижи очи, що зъ самого початку. Ба, кажу,—а ни прыязнь, а ни розумъ, а ни вси прочи такъ сказаты бъ «змыслы», чы тамъ зворушиня, не мають для людыны такыхъ очей, якъ любовь. Бо колы тїи вси позабували давно, якый тамъ хто разъ бувъ, *вона одна* не забувае и заховее однакови очи для ёго.

Та видповидь ёго вдовольла.

.....

Незабавкы, мамо, напышу я вамъ, що мое счастья кинчается. Винъ зблыжаеетъ до выкинчення патрету. О Боже, не доторкайтеся того, що мене болыть и выклькуе въ грудяхъ одробыну «счастя».

.....

Якъсь винъ прыйшовъ и завважывъ, що въ мене булы очи зпалакани. (Титка справыла мени немылу сцену за-для Олексы,

закыдуючы мени, що я роздражнюю ёго нарочне въ тій цили, щобъ винъ, разъ роздражений, мене обиждавъ и я на тій пидстави могла зъ нымъ заручыны зирваты,—до чого вона зъ своей стороны цыколы не допустыть).

Побачывши слиды слізъ на моихъ очахъ, прыступывъ винъ зтурбовано до мене, колы мы на хвылыну осталыся сами, взявъ мою голову поважно, мовъ старшый братъ, межъ руки и поглянувъ мени выгребуцо въ очи.

Колы я погляду ёго уныкла (зачуваючы наново слёзы въ очахъ), видтягнувъ винъ свои руки видъ моеи головы и, нахылившыся неначе зъ поспихомъ надъ своимы краскамы, спытавъ:

— «Чы вы не могли-бъ мени сказаты, зъ якои прычыны вы плакалы? Вы можете мени все сказаты».

— «Мамо! те слово «мени» маю я ще до ныни въ души. И, о Боже!! я сама знала, що «ёму» могла я все сказаты. Винъ не бувъ бы мени ніякой прыкrostи вчынывъ.

Одначе—«цёго я не можу!»—выбовтнула я зворушенно, бо вже почувла наново слёзы въ очахъ.

— «Незадовго скинчытся вже все, и вы побудетеса мукъ»,—видповивъ винъ зворушенымъ голосомъ. Видтакъ додавъ зъ вымушенымъ супокоемъ:

«Будьте ласкави, сядьте ще на хвылынку, я васъ не буду ныни довго трудыты».

А колы я все ще зъ своего мисця не рушалася и мене щось мовъ железомъ держало, обглянувся винъ зчудовано, а потимъ опынывся заразы била мене.

— «Що вамъ ныни?—спытавъ,—«я не можу на васъ глядыты, такъ дуже болять мене ваши любви очи. Чому журытеса такъ дуже? чы я такожь выненъ що въ тому?».

Я не могла довше держатися.

Я не сказала ничего, моя одынока моя правдыва мамо! не бійтеса, ни. Мои уста булы мицно стулени и не здрадылы ничего, а ни словечкомъ: я-жь була суджена другого.

Лыше я не супротывлялася тому, колы винъ взявъ мою голову, якъ перше, межы руки, прытулывъ ии до своихъ грудей и

прытыснувъ и тутъ же; и такъ по доброму, мамо, такъ по доброму и зъ шыростію, якъ це нхто въ жыттю не чынывъ...

— «Моя жрыкыне!»--сказавъ въ найглыбшимъ зворушенню,— «Ты моя прекрасна й чыста жрыкыне!.. я видчуваю вповни твои муку, але знай, не лышь ты одна носышь хрестъ, ёго носыть *кожный* въ жыттю. И колы ты думаешъ, що цей, або *той* слывишый видъ тебе, то знай, що саме винъ найнужденнишый»...— и освободывъ мою голову.

Я выйшла скоро зъ хаты, не повертаючысь туды бильше назадъ, а виць прыйшовъ доперва ажъ щось въ тры дни по тимъ зновъ до работы.

Це йе циле счастья тией твоеи донькы, мамо, за котрою глядили вси зъ завыстію, мовляючы видъ часу до часу зъ подывомъ:

«Якажъ вона прекрасна!»

Бувають, мамо, (я це повторяю) въ нашимъ жыттю таки тонки й нижни хвыли, що мы не годни ихъ словамы перецовысты.

Мижъ нымъ и мною бувалы таки хвыли,—то хвыли глыбокого мовчанья, колы наши души до себе промовлялы. И ничого, що не вымовылося словамы, мамо, не пропало въ мовчанню.

Ничого.

И не пропаде, бо люде, таки якъ винъ (нехай и буде винъ для насъ якымъ тамъ «чужынцемъ»), находятъ завсигды въ ривно соби думаючыхъ пошану и любовь. Говорытся стилько о счастье.

Що це за таке дило те счастья?..

Нищо, мамо, нищо инше, якъ власне оттаки нижни хвыли, таки поодыноки проминня въ жыттю, и я маю те переконання, що не одна глыбока и поважна душа згодытся зъ отцею моею думкою.—

Таки хвыли маюць свою *трывку* вартысть, лыше для нижно видчуваючыхъ душъ вони суть,—щобъ це тоби выясныты зрозумило,—*видчутую музыкою*, котра не йе зъ ничымъ до порывняня; бо лышь сама на себе похожа.

И *це* счастья маю я ёму одному завдячыты.

Мамо, далека и горемъ похылепа мамо! Це йе онъ те, що жрыкыня красы и чыстоты своімъ «счастямъ» назвала, и въ своій души до кинця жыття збереже.

Не сумуйте, бо вона не сумуе...

Квиткы въ моій души посхылылы свои головки... Мое счастья коротке й мелянхолійне и кинчытся зъ ёго видйиздомъ, а все цвитуче въ моій тій души поволичется за нымъ.

Поблагословить, мамо, мое счастья...

Бабуня,—пры чытанню на окруження цилкомъ забувшы,—хытае, якъ попереднимы разамы, сумно головою и шевче зтыха, мовъ у снi:

— «Такъ, такъ, моя дытынко! я бачу твое тиньсте счастья, и будь spokійна, воно для твоеи старои, горемъ похыленои матери за-темне й загадочне, щобъ вона ёго доторкалася. Якъ ты тамъ соби кажешъ?

Мое счастья мелянхолійне и зъ ёго видйиздомъ кинчається, а вси квиты моеи души поволичутся за нымъ! Поблагословы мое счастья!»

— Я благословляю ёго, моя дытынко, я благословляю твое смутне счастья, але возьмы и кровъ моёго сердца до того.

(Слипець): Бабуню, моя бабуню! мени выдається, неначебъ я чувъ здалека прегарну музыку, а вы супровожаете iн. Я бачу це счастья, *я бачу тую видчуту музыку*; я, *слипець*, бачу iн очима моеи души!

(Бабуня, гирко): «Такъ, мій внуку! для выдющихъ очей не йе це крепюю сповыте счастья до побачення, хиба лыше для невыдющихъ.

(Слипець): Бабуню! моя бабуню! я бъ мою титку любывъ, колыбъ мавъ iн пры соби. Чы я не буду николы такый счаслывый? iн крокъ мусыть буты легкий, якъ шелестъ шовку, а iн близькысть повна гармонiи.

Моя прекрасна, сумовыта титко! хочъ я тебе николы не бачывъ, то помымо того знаю, що твое чуття йе дйсно... видчутую музыкаю.

Бабуню! поблагословить ії счастья!..

(Бабуня): «Такъ, такъ, моя донько, я благословляю ёго сотню разивъ, лыше возьмы кровь мого сердца до того!

«Жрыкыня красы!»—называе тебе твій чужынецъ, котрого истота звыхнула тоби цилу твою будучыну.

Що ты, чужынце, за артыста? чы маеце вы яке счастья, мій незнаёмый сыну? Бачъ! стара билоголова маты твоеи жрыкыни не розуміе того вашого счастья; це йе, може, счастья теперешнёго часу, коротке, перелётне, мовъ той скорый и нездоровый ударъ сердца, колы вже одчысляете вы ёго на хвылынкы и звете «видчутую музыкаю», отце ваше «счастья артыстивъ». Вамъ, мабутъ, выстарчае бачытыся, обминятыся душама, сотворыты який артыстычный твиръ въ честь того почування, и кожде йдете своею дорогою дали.

За моихъ часивъ значыло счастья щось иншого. Але вона, та твоя «жрыкыня», выступыла вже зъ того «мого» свиту и ёго свитогляду. Степнёво видалялася вона видъ нёго. Зразу новійшимъ выхованнямъ, образованиямъ, дали збудылася въ ній туга за чымъсь doskonaльшимъ, вильнымъ и выкинченымъ, а видтакъ прыйшовъ ты и безъ жадного слова й руху взявъ иі твоимъ тонкымъ змысломъ, твоею повагою и твоимы «львынымы» очыма и (Олекса мавъ слушнысть) твоимъ «чужынецкымъ» свитоглядомъ, та видтягнувъ есы иі видъ звычайного, але сивавдишнёго счастья, котре стричается межы нашыми щырымы и чеснымы родынамы.

Инакше мрила иі маты и іи выховавци про иі счастья.

Зъ своею красою и чыстотою, зъ своимъ счастьямъ, мала вона—горе та дни смутку иі безталанныхъ бративъ и сестеръ огриты й присмырыты. И що-жь ий теперь?

И що почнешъ ты? О мій, а все такы не мій, чужый незнаёмый сыну! Прапой для твоихъ, для котрыхъ ставъ-есы вже опікуномъ, колы вже твоя судьба поришена на тимъ, не покидай ихъ всихъ самыхъ, не оставляй! А твоя «жрыкыня» такожь не зложыть рукъ бездыльно, такую вона не йе; хочъ и якъ по-суджуе иі несправедливо въ своимъ сердци Олекса, та такую вона

не йе. Я благословляю ваше мелянхолійне счастья, благословляю сотню разивъ, але возьмить и кровь моёго сердца до того.

Мамо!

Коли мы стоимо на початку якои бури, то наше сердце дрижыть лякливо, якъ застаповляемося надъ закінченнямъ їи, але коли вже вдарить гримъ, стаемо паразъ спокійли, пеначебъ не знававали николи передше почуття песупокою и муки.

• Такъ було и зо мною.

Я мучылася й боролася, и моя душа знаходылася въ безнастаннимъ болизнимъ напруженню. А теперь рантомъ успокоилася до тои степени, пеначебъ мене морозомъ заморозыло.

Я цилкомъ коротко розповимъ.

Я була передвчора зъ вуйкомъ у дидычивъ въ гостяхъ. Вертаючы, супровождавъ насъ чужынецъ частыну дороги.

Зимовый день бувъ лагідный и мылый и мы прыняли ёго бажання супроводжаты насъ радо, тымъ бильше, що винъ мавъ вже за 2—3 дни видійзжаты.

Вуйко держався мовчазливо,—бо ёго астма не позволяла ёму въ зими, идучы, говорыты,—и такъ велы мы лышь сами розмову.

Винъ оповидавъ мени, що коли вернется звидсы до-дому, перейзджае заразы въ друге мисто, бо саме цымы днямы одержавъ звистку, що диставъ посаду въ Н. (це тамъ, де Ёсыпъ оселывся). Миспевистъ тая, оповидавъ, не йе ёму, що правда, дуже симпатычна, але позаякъ вишь теперь, посвятившыся разъ матери и сестрамъ, мусыть свое жыття прыстосовуваты де жыття ихнёго и ихнихъ бажанъ, тожь винъ радъ, що ихъ бажання, дистатыся якъ разъ туды, сповнылося.

Для себе,—додавъ поважно,—не ожыдае вишь и такъ багато видъ жыття и коли ёму лышь остается доволи часу до пращи (пидъ «працею» розумивъ винъ за-одно свое малярство),—котра утрымуе ёго душу въ ривновази,—то винъ вже радъ.

Свій сонъ «артызму», — додавъ усмихнувшыся,—выснывъ вишь вже давно, а коли який чоловикъ може буты свой родыни,

чы тамъ блыжнёму, зъ своею працею користный, то повиненъ це чыпыты.

«Вирьте мени»,—сказавъ, дывлячыся задумлыво далеко впередь себе,—«колы мы те, що вважаемо за щось менше цинне въ жыттю, сповняемо чесно и точно, а воно мае для блыжнихъ свою вельку вартысть, хоча може для насъ особысто буває менше важне и пожадане... то все такы не пшшло наше жыття марно и безкорыстно, и мы можемо на нёго сами зъ пошаною оглянутыся.

Вправди,—мовлявъ дали,—бажавъ вынь, ще молодымъ хлопчыною, статы колысь велькымъ артыстомъ,—однаково, якымъ вже тамъ, колыбъ лыше доволи «велькымъ и блыскучымъ», доволи «славнымъ и голоснымъ»,—але судьба уладыла потрохы инакше.

Ёго артыстычна карьера скинчылася тымъ, що вынь ставъ лышь звычайнымъ кормыльцемъ и ошикуномъ своеи хоровытой матери й своихъ трёхъ неридныхъ незабезпеченыхъ сестеръ.

И такъ воно може и добре.

Що правда, зъ тымъ похоропылося де-що изъ ёго особыстого счастья, але позаякъ вынь зъ тымъ, якъ пересвидчывся, не стратывъ такожъ багато, то вынь остаточно и радъ, що ёго доля взяла по своій воли обороть.

Николы,—додавъ поважно,—не треба намъ сумуваты за чымсь, чого намъ доля не дала, николы,—бо николы вона не забирае намъ одно, вмисто чогобъ не подала заразы друге; хотяй мы часто те «друге» навить не вважаемо, бо часто наступае тее ажъ по такимъ часи, колы мы вже нашъ жалъ за «втраченымъ» давно перебулы и забулы. А не зважаемо иноди й тому, що те, що намъ дистаеця,—дистаеця въ дрыбныхъ дозахъ, непаче дрыбни перлыны. Але тии перлыны,—додавъ поважно зъ прытыскомъ,—можуть быты часамы такымы дорогоценнымы, що стаюця намъ скарбомъ на циле наше довге жыття.

Тии перлыныкы—це суть хвылынкы счастья, *сотворени надзвычайнымъ почуваннямъ незвычайныхъ истотъ*. На тымъ становыску паходыцца теперь и вынь; отже вынь радъ, що воно такъ, якъ саме йе.

Я слухала ёго мовчки, не обзываючыся ани разу, а вуйко прытакувавъ ёго словамъ зъ вдоволеннямъ. Потимъ йшли мы ще якусь хвильну мовчки поручъ,—я, зостановляючыся надъ ёго словамы, прыстосовуючы ихъ и до свѣго жыття, а винъ не менше задуманый и поважный.

Наразъ, колы мы, йшли отакъ, збудылы насъ зъ нашыхъ думокъ дзвинкы надйизджаючыхъ позадь насъ саней и змусылы насъ уступытыся тымъ залубнямъ зъ дарогы.

Зчудовано обглянулыся мы, и на наше вельке зчудовання, побачылы въ залубняхъ Олексу. Винъ казавъ фурманови стануты й запросывъ насъ, особлывожъ вуйка сисы въ саны.

Вуйко зо мною всилы, артыста-жъ попрощався, додаючы побижно, що зайде до насъ ще передъ видйиздомъ попрощатыся.

Видтакъ мы пойихалы.

Олекса не промовивъ пидъ часъ йизды до мене ани словечка.

Лыше въ-вечери, колы вуйко зъ титкою выплачувалы якымсь-то робитныкамъ въ окремай кимнати належыте за де-яки господарськи роботы, прыйшовъ Олекса до мене (я якъ разъ запалыла вельку звысаючу лампу, та збиралася выкинчаты якесь шывто), и спытавъ:

— То твій портреть вже готовый?

— Готовый. Ты бачывъ его?

— Бачывъ. Я навить самъ передъ пивъ-годыною повисывъ ёго въ вуйковій кимнати.

— Чому пытаешъ, чы винъ вже готовый?

— Бо я думавъ, що, може, будутъ ще де-яки поправки роботыся.

— Ни. Портреть цилкомъ готовый; подобается тоби?

— Подобается. Теперъ навить липше, чымъ оригиналь.

— Чы я збрядла, Олексо?—спытала я зъ вымушенымъ усмихомъ (я знаходылася въ неустаннымъ зворушенню видъ ёго прыйзду, неначе въ ожиданню якоисъ бури).

— Для мене ты збрядла. Але то оставмо теперь. Твоя поверховнисть не грае въ мене бильше жадной роли. Поверховнисть въ жинокъ ѡе, о скильки вже и я пересвидчывся, наскризь обманчива.

— Чы вона тебе и въ мене обманыла?—спытала я дрижащымы устами.

— Це скажу я тоби пизнійше, видказавъ мени, уныкаючы моего погляду, и почавъ въ нервовимъ послуху крутыты папирску.

— Але скажы мени, чому бабрався властыво вашъ артысть такъ довго коло того портрету? Я сподиваюся, що твоя поверховнисть не обманыла и ёго, особлыво-жь твои очи.

— Олекса!—вырвалося мени крыкомъ зъ усть. Чому ты ныни зновъ такый ображаючы? Якъ ты маешъ що проты мене, то скажы мени радше прямо и честно въ-вочи, бо таки неустанни нятякы на цёго чесного чоловіка и мене вражають и ображають мене до глыбыны души, а я не дамъ себе ображаты.

— Ты не дашся ображаты—це я самъ бачу, але видповидай на мое пытанья, чому надъ твоимъ портретомъ такъ довго малёвано. я все ще не знаю. Я маю лышь одне пояснення на те. Або цей чоловікъ не розуміе своего фаху,—чому заперечуе само дуже тонке техничне выконання и велика подибнисть портрета,—або якъ не те...—утрымую, що винъ, вмисто пыльнуваты своей пради, провадывъ дыскусіи зъ тобою.

— Апи одне, апи друге не есть правдою, видказала я, виддыхуючы глыбоко.

Скильки разивъ тутъ бувъ, то малювавъ завсигды дуже пыльно, але по-пры тому выготовлявъ винъ соби и копію.

— Копію зъ твоёго портрета?!

— Такъ, Олексо.

— И ты сыдила ёму ѡ до копіи?..

— Ни, лышь по-деколы.

— Для кого потребувавъ винъ ту копію?

— Для себе. Винь потребувавъ копію яко студію, котру хоче на якусь-выставу до В. высылаты.

— И ты знала о тимъ?

— И знала й не конче знала. Винь сказавъ це вуйкови, а вуйко немавъ ничего проты того. Щожъ въ тимъ дивного Олексо?..

— Ничого, — видповивъ винь коротко, видкыдаючи на-пивъ выкурену папирску.

— Ходы сюды!—сказавъ паразъ прыказуючымы топомъ, пиднимаючыся зъ своёго мисья, та выпрямовуючыся просто.

Я не рушалася зъ крисла. Брутальный, деспотичный тонъ, въ котримъ вымовивъ винь отци два слова, збудивъ всей упирь, властывый мой истоты, и я затремтила цылымъ тиломъ.

— Я хочу тебе щось спытатыся, Зоню!—додавъ винь вже лагіднійше, замитывшы по моихъ очахъ мій настроій; бо я видчула, якъ мени паразъ видбылося все зворохоблене нутро въ очахъ.

— Це можешъ ты и такъ вчыныты, Олексо!—видказала я зъ вымушенымъ супокоемъ.—Лыше я раджу тобі въ твоимъ власнимъ интереси говорыты въ ишимъ тони. Твоя власна интеллигенція и образования, на котри ты стильки покладаешъ, не повинни допускаты, щобъ твоя несчастна зависть брала верхъ надъ тобою и ты ображавъ мене. Я ще терплю до якогось часу всяки таки прыкрости, маючы заедно въ памяти слова, разъ давно вымовлени мени моею несчастною, далекою матерею... що жинка не буває *ніколы за-багато терпливою и за-багато гордою*. Проты тебе я не хочу буты замало доброю, але що до моеи гордости, то я остерігаю тебе не нарушаты їи надто; инакше ты-бъ довивъ мене до того, що я взяла-бымъ тую свою доброту сама пидъ ноги.

Винь усмихнувся зневажливо.

— Я хочу въ тебе лышь одно спытаты,—сказавъ винь,— и того й прыйихавъ я саме теперь сюды. Ты знаешъ, ти два—тры мисяци, котри маемо ще передъ собою, мусять межы насъ

пояснення внести. Я мушу знати: *чи маю высвячуватися жонатымъ, чи безженнымъ?*

За-щилый часъ, що тутъ перебувавъ германецъ, я натерпівся доста мукъ и прыкрыхъ почувань. Ты, зъ твоимъ тонкимъ языкомъ и «арыстократызмомъ», якъ такожъ и зъ твоими очима, зналась за кождымъ разомъ выкручуватися передъ рiшаючымъ пытаннямъ.

Але пыни я мушу маты ясну видповидь.

Побачывшы тебе, якъ ты йшла такъ прыязно зъ чужыпцемъ, котрый вищувавъ мени заразъ, зъ самого початку, несчастья, зворохобылася моя душа до крайности. А мое теперешне поведення проты тебе—маешъ одыноко ёму й соби завдячыты.

Знай! Въ мени вже мирка повна. Я не хочу ничого по половини и по брехни. Видповидай же мени по правди, якъ ото я пытаюся. Чи такъ, якъ ты отце мене знаешъ и якъ знаешъ глыбинь *своеи* души,—*може мени ще* твоя душа прынести счастья, чи ни?..

Зъ тымы словамы прыступывъ виць до мене, взявъ мою голову въ свои руки (о, мамо!), такъ якъ... и поглянувъ выгребущымъ, та гризнымъ поглядомъ въ очи.

Зъ несказаннымъ опоромъ высвободыла я голову зъ ёго рукъ и, видступывшы видъ нёго на крокъ назадъ, сыгтала.

— Чи годень ты мени дати запоруку, що я буду зъ тобою счастлива въ выду твоеи безнастанной цедовирчывости й твоихъ панадывъ завысти? Годень?

— Выкруты...—пробурмотивъ виць лыхо.—А я мушу маты цевнисть и супокій. Що каже твое нутро? Твое высоко-арыстократычне, «красою патхненне» нутро, що не зносить ничого «невыкинченнаго»?..

— Мени вищуче воно понури дни»,—видповила я по щырости,—хоча воно посидает здибности *творыты* и счастья. Одначе...

Одначе?.. Зоно?..

— Одначе, Олексю—хоча й якъ мени прыкры сказаты це тоби, то мушу це помымо всёго вчыныты. Знай,—ты маешъ даръ,

чы радше спосибъ мене такъ перестроюваты, *що циле багатство моеи души перетворюється передъ тобою въ каррыкатуру*. Отъ, що! це не може до доброго межы намы допровадыты! •

Винь поблидъ и вхопывъ мене мовъ клищамы за руки.

— А германецъ?..

Пры тыхъ словахъ я почула, якъ мени видступыла вся кровь зъ лыця, и якъ мои уста стратыли свою рухливисть.

— Ну, якъ-же?—винь впылявъ свои розгорилы очи въ мене.

— *Германецъ* бувавъ проты мене такый добрый и топкый, якымъ ты николи ани однисенькый разъ не бувавъ.

Впрочемъ винь завтра видйизджае, прыйде ще разъ, щобъ попрощатыся, якъ це ты й самъ чувъ,—и якъ хочешъ, можешъ зъ нимъ говориты!

— Можу й зректыся тией прыемности,—видповивъ винь.

Тии слова винь вымовывъ зъ такою неопысаною погордою, що я не могла спокійно держатыся.

— Це твоя ричъ,—обизвалася я, а видтакъ додала ще зъ петаемною ненавистію: «Винь прыйде щобъ зъ вуйкомъ, титкою и зо мною попрощатыся».

— Можу собі подуматы! Видйихаты, не поглянувши ще разъ на модель студіи, було бъ дійсно шкода! Модель справди незвычайна!

Я здвыгнула туно плечыма.

«Вуйко тратыть въ нимъ тонкого й дуже мылого товариша.

— А ты?

— А я буду одну людыну менше маты, котру навчылася высоко цинныты й шануваты.

— Ты уважай. Зону, що про того чоловіка въ мойй прысутности говоришь!—кыкнувъ винь роздражнено, и въ ёго голоси затремтило щось зловистне.

Цёго я не потребую!—видповила я гордо,—яжъ и безъ того знаю, до чого ты прямуешъ. Я лышь не знаю, звидкы берется въ тоби видвага мучыты мене такъ довго, вмисто того, щобъ поста-

выты прямо и честно для тебе таке важне пытання, котре кризь целе твое поведення заедно пробываецца?

— То ты гадаешъ, що въ мене нема достаточно видвагы поставыты тоби те «важне» пытання въ килькохъ словахъ?

— Я це думаю.

— То добре, — буркнувъ, зъ побилившымы устами, — будемо выдити, хто зъ насъ обохъ ёе видважнийшый! Чы я, що маю поставыты те пытання, чы ты, що будешъ мусила на ёго видповисты... Въ кождимъ рази буде видъ твоеи видповиди залежаты добра частына твоеи доли. И я думаю, що ты роздумаешъ соби все-таки не кыдаты своеи доли такъ легко на вагу!

— Мамо! моя далека, горемъ похылена мамо! якъ колы истнувала яка подибнисть межъ всима нами, твоими дитьмы, то знайте, николы не выступала вона мижъ нами такъ выразно, якъ въ тій хвыли, колы Олекса въ мени *якесь щось*, котре вигъ вже перазъ хотивъ опануваты, — *теперъ такъ сыльно выклькувавъ и образавъ*. Такъ мусивъ мій несчастный братъ Ёсыць видчуваты, якъ на ёго патыскалы зирваты зъ своею Рутъ, а вигъ давъ слово не покынуты и; *такъ* видчувала Лидія, колы риныла стрилыты въ себе, зъ жалю... зъ зрады, а Андруша, колы помымо упимчень и гризъбъ, або и благанья зъ твоеи стороны, прямые полямы... до корчмы... *такъ* и Василь, колы бравъ, помымо прысягы, пеншлюбну жинку до себе.

— Кто знае, — сказала я зъ цилковыто безгучнымъ голосомъ, — кто знае! ты жъ знаешъ, що въ крови нашои родыны лежыть не церемонытыся багато зъ своею судьбою. И ты самъ сказавъ мени одного разу, що мы маемо даръ въ соби своими власными руками каличыты свою долю.

Въ кождимъ рази есы *ты* той, котрый розбирае свою долю розважніше. Уже твой безчысленни докоры, — що въ мене нема практычного змыслу и такого жъ погляду на жыття, — можуть тоби быты доказомъ, що чоловикъ чуття зажене соби скорше купю въ лобъ, чымъ чоловикъ розвагы, та що тымы людмы зъ чуттямъ — не можла такъ кермуваты, якъ тягаровымы кишьмы!

Тому розважъ собі добре, *чи це буде въ твоимъ интереси*— доводыты мене рижными муками и прыкростями до крайности. Бо що мижъ нами дійшло дійсно до оттакої хвилі, есы лишь ты самъ одынъ вынень, ты!—повторыла я дрижачы зъ зворушення цилымъ тиломъ:—*ты*, що помымо всеи твоеи даровытости и интеллигенціи, помымо чеспоты, давышся твоею несчастною завистію, а радше твоимъ «кинськымъ копытомъ прозы». Зайшло такъ далеко, що мы стоимо пыни проты себе, мовъ два ворогы,— и ожыдаемо въ мукахъ выкиичення якоисъ то драмы. Я не боюся взяты на себе (докынула я), щобъ ве прыйшло!

Ты робы, що хочешъ! якъ бачышъ, я не боюся ничого. Роздумай собі добре, *чи воно йе видважнеше*,—пытання, про котре передше спомынавъ есы, *поставыты* мени, *чи—почуты* мою видповидь на ёго.

Винъ прыступывъ близько до мене.

Мамо! о моя мучена мамо! николы не бачыла я чоловика въ бильшимъ зворушенню, якъ теперь. Олексу (але цёго вечера бувъ винъ и найкрасшый, видъ колы я ёго знала). Билый, мовъ смерть, въ лыцю, а очи горылы такымъ чорнымъ блыскомъ, пеначербъ хтылы мене тутъ же на мисци пожерты. Винъ вхопывъ мене обома рукамы за плечи, потягнувъ пидъ вельку, звысаючу лямпу (и свитло сплывало ясно на насъ обохъ), а видтакъ... видитхпувъ глыбоко.

Я стояла передъ нымъ, звернувшы на ёго свои очи (въ котрихъ чула цилу свою терплячу душу), выжыдаючы дальшою своею доли...

Я знала вже, що за пытанья перейде черезъ ёго уста... знала папередъ.

Одначе, нехай прыйде, нехай прыходыть...

Нехай и въ форми, въ якій не було бъ,—мени однаково; я знала лишь те одно, що нияка ложъ не сміе сплымыты мои уста. За жадну цину, низащо въ свити! колыбъ навить той мужчына передо мною мавъ бы мене до своихъ ничъ зтяпуть и мучыты.

— *Чы ты любыш чужыныця?*—спытавъ погаслымъ голосомъ и зъ билимъ лыцемъ, зарывшы свои пальцы въ мои рамена, мижъ тымъ, колы ёго палаючи погляды стерегли одыпако мои очи, звернени на ёго.

Я мовчала черезъ хвылынку, мабуть пайтяжчу въ моимъ жыттю—(я думала про васъ всихъ, вуйка, титку, про васъ, моя далека, горемъ похылена мамо,—про «ёго», котрого «жрыкынею красы и чыстоты» була я, про чоловика, що стоявъ передо мною и, ривно мени, боровся за щось, що такъ тяжко осяглося), а вид-такъ видимкнулыся мои уста:

— Я люблю чужыныця, Олексо! я люблю ёго,—прошептала я,—хотя й я зъ самого початку боролася зъ всеи сылы проты того... Одначе... я не знаю, ёго велька и тонка доброта, котра такъ потрібна мой влаци, вона поборола мене—и я люблю ёго, Олексо! А тецерь робы, що хочеш!

— Безчестна!—крыкнувъ нетямлячы себе и видтруктывыны мене такъ сыльно видъ себе, що я далеко назадъ похытнулася.

— То иды жъ соби до ёго! бо до двоухъ не можешъ належаты!

— Навить до одного ип.—видновила я зворушено, ледве чутно.—Але ты, ты Олексо!—кыкнула я благодаючи, зложывшы зъ благаньямъ руки передъ нымъ,—ты не сміешъ высвячуватыся безженнымъ, *ты оженьшся!* подумай надъ твоимъ жыттымъ, подумай надъ Васылемъ!

Мамо, я вже не тямлю, якъ що я просыла и якъ воцо складлося, що я, помымо дыкости ёго въ тій хвили, вчепылася въ ёго рамена и за-едно свою мольбу повторяла.

Винъ труктывъ мене вдруге видъ себе.

— *Зъ тобою женытыся?*—кыкнувъ зъ неопысаною ненавистю,—зъ тобою, що ты мое счастья твоею душею и фальшывымы очыма въ пропасть загребала? *Теперь ще?* Иды до твого артыста; бо до такой ложи я не здибный, хоть и якый въ мене разумъ буденный и твоею „тонкою душею“ легковаженный. Я не оженкся николы! Те затымъ соби!

Одначе—колы мое жыття обернется въ такую одну великую ложь, якъ жыття твоёго брата Василя, то знай—лышь ты одна будешь мене на совисти маты! бо я бувъ себе до иншого жыття прыладывъ!

Я крикнула, пеначе винъ стрелывъ у мене; такъ тяжко влучылы мене ёго страшни слова. Тяжче не мигъ вже влучыты.

Але такъ не смило буты, якъ винъ казавъ, не смило... ни-за-що въ свити, не смило!—и я зновъ зблыжалася до нёго.

И щобъ вы знали, мамо, щобъ вы знали... я не уныкала навить и упокорення.

Я вчепылася ёго, и туую самую руку, що мене ще передь хвылыною пеначе безчестну видопхнула—ту руку, разъ-по-разъ цилуючы, я за-одно молила:

— *Не зо мною*, Олексо... не зо мною:—зъ другою... зъ котрою *ты хочешъ*, лышь пезонатымъ не оставайся, на свое горе такимъ не оставайся! *а зо мною—ни!!!*

— Ни. Зъ тобою—ни!—видповивъ винъ твердо (о мамо, вы не знаете ёго консеквенцію и чыстолюбывисть,—винъ въ тимъ йе великый!) и зъ фанатычною погордою: «зъ тобою ни; ты мени за-нечестна!

Мои уста усмихнулись насылу: Я жрыкыня, Олексо!—прошентала я, хапаючыся ёго зъ усией сылы, щобъ не зомлиты, бо на ногахъ я вже ледве держалася... Жрыкыня!

— *Що?*—крикнувъ винъ мени въ лице—и, дотягнувши мене до софы, тутъ же трутывъ.

— Красы и чыстоты!—дошентала я.

Але винъ розсміваяся, мамо, вмисто всёго, такъ твердо и брутально, що я маю той смихъ ще и до-ныни въ ушахъ; и се йе одыпока памятка, яку мени той, въ грунти такой гордый и чесный, такой мудрый, та для моеи вдачи такой неможлывый чоловікъ, зъ часу своихъ заручынъ зо мною полышывъ...

Поблагословить, мамо, вашу доньку, поблагословить ии, моя правдыва, одыпока мамо, бо видъ теперъ ани одно добре слово не спаде на ии молоду, а вже смуткомъ похылену голову.

(Бабуня твердымъ беззвучнымъ голосомъ):

— Я благословлю твои молоди, горемъ переповнени дни. Але пропасть, котра поглынула твое земне счастья, — *це твое власне нутро*.

Шукай теперъ практичність твоего «жрыкыпства», що такожь не йе иншимъ, якъ аккордъ твоеи души, и сотворы соби зъ него опору въ жыттю..

• Я благословлю тебе...

(Слипець зъ жалемъ):

Бабуню, бабуню! будьте справедливи проты неи; вона не вынувата, що Богъ вложывъ ии въ груди вмисто крамарської души *саму одну арфу*, котору вона несподивано посыла, прислухаючысь ии бильше, чымъ всямъ зверхнимъ обчыслениямъ практичныхъ поклыкывъ жыття.

Черезъ те вона гарна.

(Бабуня):

— Мовчы, мовчы, мій сыну! Ты не маешъ права судыты жыття.

(Слипець):

Ни, маю, бабуню! я слипець, але въ мене душа выдюща. Титко, моя прекрасна титко! такыхъ, якъ тебе одну, сотворяе Господь *одымоко для дуиц...*

Мамо!

Я бачу добре, що въ мене не буде такой исторіи, якъ въ тыхъ женщынъ, котри повыходылы замижъ; тожь нехай соби и буде!.. Лыше титка не може зъ тымъ поеднатися и ходыть зъ такимы заплаканымы очима въ-округу, неначе бъ ий хто померъ. А вуйко мовчыть, мовъ у ёго въ голови прокыдаются нови думкы зъ поводу моеи будучности, и винъ лышь не може ихъ ще вы-явыты; але впрочимъ винъ проты мене добрый и ласкавый, и я мушу насылу ёго зажуреныхъ поглядывъ уныкаты, щобъ, стринувшыся зъ нымъ, не выбухнуты голосно плачемъ. Олекса

видѣхавъ заразъ другого дня, заявившы вуйкови пысьменно, що зрывае зо мною заручыны, бо моя вдача и цила истота не видповидають для жинкы священныка, та що лишше, пизнавшы себе обоильно, видступыты видчасу видъ звязку, чымъ потягаты обыдвѣ стороны въ горе и муки. Коли я подала вуйкови и титци жадани пояснення, заломыла титка мовчкы руки и выйшла зъ кимнаты.—А вуйко, походывшы якыйсь часъ въ думкахъ по кимнати, прыступывъ видтакъ до мого портрета и, поглядывши довше на ёго, сказавъ:

— Бидна ты мѡя квиточко! навить твои гарни очи не могли тебе охороныты передъ окаличеною долею; такъ глыбоко лежить зародокъ горя въ цилій вашій родыни. Нехай тебе Господь мае въ свой опизи, та такую чыстою и правдывою и на дальше береже!

Титка, заплакавшыся добре, обсыпала мене пизнише дориканцями, що я своимъ «боготвореннямъ» якогось «чужыньця» затоптала свое счастья ногамы и такого чоловіка, якъ Олексу, «втратыла».

Я не бороньлася бильше.

Мене мучыло оправдуватися все въ тимъ самимъ.

А то, що я въ свой души маю и знаю, не переконае ни ии, ни другихъ.

Олекса не бувъ для мене чоловікомъ; насъ надто рижнывъ спосибъ нашего почування. Винъ и не бачывъ николы въ менѣ то, що артыста бачывъ и цинывъ. Ёго гнивало и дражнныло те, що мене радувало и порывало; и за-едно стояло ёму мое чуття на дорози, и винъ спотыкався въ своихъ буденныхъ обысленняхъ на ёго.

А зъ чужынцемъ мы неначе одну душу и одно почування становылы. Безъ сливъ, безъ запевнень, а самою одынокою тонкою любовію, що мовчкы злучыла наши души навикы.

Це моя тайна.

Чымъ я тутъ спрочевирылася своій (якъ титка каже) «народности» и всёму, що до неі належить? Я не знаю.

Въ мене, мамо, лыше не доставало сылы опертыся тонкости, доброты и интеллигенціи чужынца, котри элемента саме зъ ёго истоты на мене впылывалы незвычайно благородно. Саме шляхетце и выобразование въ нимъ, мамо, ото взяло верхъ нади мною. Я признаюся до выпы... признаюся, о Господы!.. и зъ тымъ схыляю свою голову глыбоко, покирно передъ вами,—судить мене вы на послідку...

Я знаю и бачу, мамо, що мое пугро зныщыло вси ваши обчыслення.

Вы, якъ и вуйко й титка, надіялыся бачыты мене колысь жинкою, матерью и попадею, и воно було-бъ, може, и выйшло на добре, оттакъ, якъ вы це хотылы; але теперь я стою проты того всёго, мовъ якый уцавшый ангель. Небеса ёму зачынени, земля за-мало небесна, и циле ёго счастья—*то ёго ангельськи крыла.*

Оставьте мени мое мелянхолійне счастья,—воно для души.

Не будьте проты мене тверди й строги и не плачте, бо я сама броджу въ слёзахъ по колина...

Шануйте, мамо, вашу далеку дытыну, бо вона осталася, помымо своей великой любви до чужынца, чыста и добра.

И руки іи не будутъ въ жыттю бездыльни. Будьте добри й тонки проты неі и не жалуйте мени справедливости.

Жадие зъ жыючыхъ ще нашыхъ, мамо, не йе таке счастье, щобъ не потребувало мене колы въ жыттю.

Андруша, ты мій бидный, змарнованный брате! Чы прыгадуешъ ты соби твою гарну сестру, за котрой рухамы ты завсигды за такимъ прызырствомъ позыравъ?

Чыслы на тую сестру, Андруша; вона ступае такъ само самитно межы людмы зъ своею душею, якъ ты на твоихъ далекихъ пустыхъ поляхъ, зъ твоимъ несчастнымъ нахыломъ. Але колысь, Андруша, колысь... якъ ты будешъ осыроченый и опу-

ценый, будешь зблыжатыся... проты кинця твоёго сумного жыття, вона видлайде тебе на твоихъ пустыхъ поляхъ и не покыне...

Чыслить вси, вси на мене... *вси вы, котри тіеи думкы, що я не посидала розуминня для дійсного жыття и не була-бъ умила заняты межы вама идне місце...*

И моёго слипого братанця десь тамъ въ далечыни, котрого я не бачыла никола, а котрого папонацкы люблю, — ёго-жъ вичный смутокъ *мени ридный*, — поздоровить сотню разивъ.

Нехай виць не розпачуе и самоту не оскаржуе. Доки ёго титка жыве, винъ не останется одынъ на свити. Чы може хоче хто инший крокы слипця стерэгты?.. Нехай це робыть, колы годенъ; але ёго душу оставте мени. Въ неи багацтва бильше, якъ для одного. Поздоровляю ёго сотню разивъ!

И чужыня въ тимъ мисти поздоровляе тайкомъ моя душа ..

Мы розстались, моя мамо.

Одного похмурого поранку, въ-коротци по брутальной сцени зъ Олексою, прийшовъ винъ до пасъ, щобъ у послідне зъ нами попрощатыся.

Зъ тымы другымы попрощався винъ окремо, а зо мною — колы выйшовъ проты мене въ довгихъ пашыхъ сняхъ.

Ни, моя далека, горемъ похылепа мамо! не думайте про яку небудь любовну исторію межы нами; на те мы обое надто багато мовчали ..

Никола не просывъ винъ видъ мене ничего, а я не обичювала ёму ничего.

Я була судженою другого, а винъ одынъ зъ tychъ, що не надіются видъ жыття вже бильше ничего.

И мы обое розумили себе.

Але колы я ёго (для васъ правда винъ «чужый») безгранично любила, то це була одинока заслуга ёго гарной души.

— Никола, никола не хочу я въ друге таку хвылю пережыты, якъ того поранку колы мы на-завше розстались.

Я до нынѣ не знаю, чы винъ дивався о тимъ, що я вже не була нареченною, чы ни; бо я не спомынала ёму о тимъ жаднымъ словечкомъ... Одначе, колы винъ выйшовъ проты мене (я переходыла синьмы до титкы), выйшовъ несказанно зворушено, зъ очыма одыноко на мене зверненымы, а я, прыступывши до него, майже несвидомо уклала свои руки на ёго рамена,—взявъ винъ, якъ вже разъ тому передше, мою голову нижно межы свои руки и задывывся на мене...

О, ты Господы могучый!

Чы винъ зачувъ оклыкъ жалю въ мой души за нымъ?

Винъ мусивъ ёго зачуты, мамо, бо наразъ, надывывшыся на мене мовчки и довго, прытыснувъ мене такъ сыльно й щиро до своихъ грудей, такъ щиро, мамо, що мене прошыбло почуттямъ, немовъ винъ впывае мене цилкомъ и чавыки, въ свою душу... И тутъ-же пролежала я и на хвылынку занимала...

Ани одно слово не перейшло черезъ ёго уста, ани одно слово черезъ мой. Це не було намъ обоимъ можливо...

Сыльне, глыбоке, потужне мовчання мижъ нами договорыло все, все, все...

—

Мамо! моя далека, горемъ похылена мамо!

Багато зъ людей ступало за твоею гарною донькою зъ любовію; багато зъ нихъ клало ій те почуття пидъ погы,—але жадень зъ нихъ, мамо, жадень—не бувъ такый правдыво *щырий* и правдыво *добрый* для неи и проты неи, якъ отой «чужынецъ».

Винъ не «обицывъ» ничего, не ломывъ ничего,—винъ мавъ лыше дійсно правдыву «душу» въ грудяхъ и *доброту*...

Доброту, мамо...

—

И тому, мамо, благословить мое смутне, *никому незнана* счастья, благословить ёго тысячу разъ!..

—

Бабуня глыбоко схылена, на-пывъ молячыся, на-пывъ шепчучы:

— Я благословлю ваше смутне, никому незнане счастья...
благословлю його тысячу разъ. Але возъмать и кровь моёго сердца
до того...

Слипець плакавъ.

Ольга Кобылянська.

*Выс.-пов. Ц. К. санитарному совитнику и доценту д-ру
Фридриху Маерови
присвячуе
авторка.*

Юго-западный край по данным переписи 1897 года.

Пространство. Плотность населения вообще и по мѣстностямъ. Различіе въ размѣрахъ отдѣльныхъ уѣздовъ. Распредѣленіе городского населенія. Неточности въ счетѣ городского и сельскаго населенія. Соотношеніе между численностью городского и сельскаго населенія.—Распредѣленіе населенія по половому составу въ сельскихъ и городскихъ поселеніяхъ.—Повозрастное распредѣленіе населенія.—Распредѣленіе населенія по семейному состоянію. Этнографическій составъ населенія.—Способъ опредѣленія его по родному языку. Дефекты этого способа. Распредѣленіе всего населенія края по этнографическимъ группамъ. Тоже—среди городского и среди сельскаго населенія. Вѣроисповѣдныи составъ населенія.—Сословный его составъ. Распредѣленіе населенія по сословіямъ въ селахъ и городахъ. Этнографическое распредѣленіе населенія по сословіямъ.—Данныя о количествѣ лицъ съ физическими недостатками. Распредѣленіе ихъ среди населенія.—Грамотность населенія. Неточная формулировка табличныхъ заголовковъ. Степень развитія грамотности. Развитіе грамотности среди сельскаго и городского населенія. Грамотность по возрастамъ и поламъ. Тоже—по національностямъ. Низкое развитіе грамотности въ край. Грамотность по вѣроисповѣданіямъ и по сословіямъ. Данныя о численности и распредѣленіи лицъ съ образованіемъ выше начальнаго. Данныя о грамотности на нерусскомъ языкѣ.—Данныя о занятіяхъ населенія. Вѣроятности ихъ недостаточной точности. Трудность сводки этихъ данныхъ для настоящей статьи. Неоднородность сводки данныхъ въ „обзорахъ“, составленныхъ Центр. Стат. Комитетомъ. Недочеты въ отношеніи группировки данныхъ. Распредѣленіе населенія по занятіямъ. Соотношеніе между лицами работающими и кормящимися отъ нихъ. Сравнительное участіе разныхъ народностей въ различныхъ видахъ занятій населенія.—Краткость программы статистическаго изслѣдованія 1897 г. Отсутствіе экономическихъ данныхъ. Значительное сокращеніе этой краткой программы послѣ 1897 г. Устарѣлость опубликованныхъ данныхъ.

Составляющія Юго-западный край три губерніи занимають площадь въ 144.735 кв. версть, превышая своимъ пространствомъ Швейцарію и Португалію, вмѣстѣ взятыя. Наличное населеніе края равно 9.567.010 чел., т. е. на полтора милліона болѣе населенія этихъ странъ. Губерніи эти далеко не одинаковы по занимаемому ими пространству: первое мѣсто по величинѣ занимаетъ Волинская губернія (63.036 кв. в.), почти вдвое превышающая своимъ пространствомъ губернію Подольскую (36.921 кв. в.); Кіевская же губернія занимаетъ въ этомъ отношеніи среднее между ними положеніе (44.778 кв. в.), въ то же время болѣе приближаясь по своей величинѣ къ Подольской губ. Наоборотъ, по абсолютной численности своего наличнаго населенія Волинская губ. занимаетъ послѣднее мѣсто—2.989.482 душъ о. п., Кіевская же—первое: 3.559.229 душъ о. п. (на что отчасти оказываетъ вліяніе присутствіе такого крупнаго городского центра, какъ Кіевъ, безъ котораго цифра населенія губерніи равна 3.311.506 душъ о. п.); что касается численнаго состава населенія Подольской губ., то онъ немного выше такого же состава Волинской—3.018.299 душъ о. п.

Отсюда ясно, что плотность населенія этихъ трехъ губерній неодинакова: при средней для края плотности населенія 66 душъ о. п. на кв. версту, наибольшую плотностію отличается Подольская губернія—81,8 душъ о. п. на кв. версту, близко къ которой находится плотность населенія кіевской губ.—79,7 душъ на кв. в., тогда какъ плотность населенія волинской губ. почти вдвое меньше—47,4 д. на кв. в.

Аналогичныя явленія замѣчаются и по отношенію къ отдѣльнымъ уѣздамъ этихъ губерній: они очень неодинаковы и по пространству и по населенію, и плотность ихъ населенія весьма разнообразна. Такъ какъ въ каждой изъ этихъ трехъ губерній по 12 уѣздовъ, то, по расчету пространства каждой изъ нихъ, средний размѣръ уѣзда долженъ бы быть: въ Волинской губ. 5250 кв. версть, въ Кіевской 3700, въ Подольской 3100. На самомъ же дѣлѣ это далеко не такъ: въ волинской губ. самый обширный уѣздъ, Овручскій, занимаетъ пространство, почти вдвое превышающее вышеуказанную среднюю цифру—9274 кв. в., а самый мень-

шій—Старо-Константиновскій, наоборотъ, вдвое меньше ея (2246 кв. в.); въ подольской губерніи самымъ крупнымъ по пространству является Балтскій уѣздъ (6824 кв. в.) и слѣдующій за нимъ Ольгопольскій, имѣющій уже вдвое меньшій объемъ—3521 кв. в., а наименьшими Проскуровскій и Летичевскій (2364 и 2371 кв. в.). Въ свою очередь, въ Кіевской губ. уѣзды тоже весьма различны по величинѣ: наибольшій—Радомысльскій занимаетъ 8435 кв. в. а слѣдующій за нимъ Кіевскій 4968 кв. в., наименьшій же Липовецкій—2540 кв. в.

По абсолютной численности населенія уѣзды этихъ трехъ губерній, какъ было сказано, тоже весьма неодинаковы и численность населенія уѣздовъ не всегда совпадаетъ съ занимаемымъ ими пространствомъ. Такъ, наиболѣе обширные уѣзды Овручскій и Радомысльскій принадлежать къ группѣ уѣздовъ съ сравнительно невысокой цифрой абсолютной численности населенія (всего отъ 220 до 315 тыс. насел. на уѣздъ). Словомъ, густота населенія отдѣльныхъ уѣздовъ тоже весьма неодинакова и колеблется между цифрами: 22 души о. п. на кв. в. (для Овручскаго уѣзда) и 109 (для Кіевскаго—считая его съ населеніемъ г. Кіева), или, если не считать населенія городовъ—между 21 душа о. п. на кв. в. (для Овручскаго же уѣзда) и 92 д. о. п. (для Капевскаго уѣзда), изъ которыхъ первый является такимъ образомъ наименѣе, а второй—наиболѣе густонаселеннымъ изъ всѣхъ уѣздовъ края. О распредѣленіи уѣздовъ на группы по отношенію къ густотѣ населенія (считая съ населеніемъ городовъ) можно судить по нижеслѣдующей табличкѣ.

Количество уѣздовъ съ густотой населенія на 1 кв. версту

Въ губерн.: 20—30 30—40 40—50 50—60 60—70 70—80 80—90 90 и болѣе

д у ш ъ о б о е г о п о л а .

Кіевской	—	1	—	—	—	2	5	4
Волинской	1	3	1	2	3	1	1	—
Подольской	—	—	—	1	—	2	5	4
Итого	1 ¹⁾	4 ²⁾	1 ³⁾	3 ⁴⁾	3 ⁵⁾	5 ⁶⁾	11 ⁷⁾	8 ⁸⁾

1) Овручскій. 2) Радомысльскій, Ковельскій, Луцкій, Ровенскій.
3) Владиміровъ. 4) Дуб., Новоградвол., Балтск. 5) Житом., Засл., Остр.

Такъ какъ средняя плотность населенія края опредѣляется (см. выше) въ 66 (или круглымъ счетомъ 60 — 70) душъ о. п. на кв. версту, то съ густотой населенія меньше средней для края оказывается 9 уѣздовъ (изъ которыхъ 8 принадлежатъ къ Волынской губ.), а съ густотой населенія выше средней—24 уѣзда (въ большинствѣ уѣзды Подольской и Кіевской губ.).

Эта группа уѣздовъ относится, такъ сказать, вообще ко всему населенію уѣздовъ. Исключеніе же изъ общей цифры населенія уѣздовъ населенія собственно городского нѣсколько видоизмѣняетъ эту группировку—въ смыслѣ перемѣщенія нѣкоторыхъ уѣздовъ (гдѣ имѣются болѣе крупные города) въ группы съ меньшею плотностью населенія. Это относится главнымъ образомъ къ Кіевскому уѣзду, который, за исключеніемъ населенія города, оказывается имѣющимъ плотность населенія 61 чел. на кв. вер., къ Житомирскому (54), Кременецкому (69), Чигиринскому, Бердичевскому, Уманскому и Староконстантиновскому (75—78), Звенигородскому, Могилевскому, Проскуровскому и Винницкому (81—86 ч. на кв. в.).

Городское населеніе группируется въ краѣ въ 3 губернскихъ, 33 уѣздныхъ городахъ, 5 безуѣздныхъ городахъ и мѣстечкахъ особо поименованныхъ въ изданіи «первой всеобщей переписи» (т. XXXII) по Подольской губ.¹⁾, а также во многихъ мѣстечкахъ Кіевской, Волынской и Подольской губ., совершенно не выдѣленныхъ при переписи и цѣликомъ причисленныхъ къ сельскому населенію; таковы, наприм., такіе крупные центры, имѣющіе характеръ городскихъ поселеній, какъ Жмеринка и м.м. Дунаевцы, Ермолинцы, Новокиевскіе, Шепетовка, Славута, Смѣла, Златополь, Корсунь, Чернобылъ, Богуславъ, Шпола и т. п. Само

6) Сквир., Чигир., Кремен., Летич., Литин. 7) Васильк., Липов., Тараш., Уман., Черкас., Старокон., Брацл., Ольгон., Ушицк., Ямпол., Гайсинск.

8) Кіевск., Бердичев., Звениг., Каневск., Камен., Винницк., Могилев., Проскур.

1) Сальница, Хмѣльникъ, Баръ, Ст. Ушица, Вербовецъ.

собою разумѣется, что такое невыдѣленіе данныхъ о значеніи такихъ пунктовъ изъ общаго счета сельскаго населенія уѣздовъ составляетъ несомнѣнную ошибку центрального статистическаго комитета. Благодаря ей, цифра чисто сельскаго населенія въ произведенной комитетомъ сводкѣ данныхъ является преувеличенной, а городского—преуменьшенной и самое число поименованныхъ въ «переписи» городскихъ поселеній оказывается тоже значительно уменьшеннымъ. При различіи характера того и другого населенія и занятій его, слѣдовало бы выдѣлить городскія поселенія оффиціального названія городовъ въ особую группу отдѣльно отъ сельскихъ и городскихъ поселеній, что было бы совсѣмъ не трудно ¹⁾.

Оперирруя съ этимъ преуменьшеннымъ количествомъ (41) городскихъ поселеній, слѣдуетъ признать, что населенность ихъ, какъ это видно изъ нижеприводимой таблички ²⁾, крайне разнообразна:

Число городск. посел. съ насел. тыс. душъ:

до 5 отъ 5 до 10 10-15 15-20 20-25 25-30 30-35 35-40 50-65. Итого.

Кіевской . .	—	3	3	2	—	1	1	—	1	11
Подольской	—	2	4	4	1	—	—	—	1	12
Волынской	3	8	1	—	3	—	1	1	—	17

Итого . 3³⁾ 13⁴⁾ 8⁵⁾ 6⁶⁾ 4⁷⁾ 1⁸⁾ 2⁹⁾ 1¹⁰⁾ 2¹¹⁾ 40

¹⁾ Само собою разумѣется, что, благодаря этому, и всѣ послѣдующіе выводы изъ этихъ цифръ должны страдать нѣкоторою неточностью.

²⁾ Откуда выдѣленъ г. Кіевъ, какъ имѣющій исключительно крупную цифру населенія: 247,723 чел.—по переп. 1897 г.

³⁾ Сальница, Ст. Ушица, Вербовецъ. ⁴⁾ Каневъ, Липовець, Чигиринъ; Овручъ, Владиміров.; Брацл., Гайс., Летич., Литинь, Барь, Ольгоп., Н. Ушица, Ямполь. ⁵⁾ Васильковъ, Радом., Тараща; Дубно, Заславъ, Луцкъ, Острогъ; Хмѣльникъ. ⁶⁾ Звенигородка, Сквиря; Ковель,

Въ общемъ, населеніе этихъ городовъ (съ Кіевомъ) составляетъ 9,6% всего населенія края (въ дѣйствительности, если присоединить городскія поселенія, ошибочно привлоченныя къ сельскому населенію, этотъ % долженъ быть выше); при этомъ въ Кіевской губ. оно составляетъ 12,8%, въ Волынской 7,8% и въ Подольской 7,4%¹⁾. Сравнительно съ губерніями Европ. Россіи, гдѣ городское населеніе составляетъ 12,8%, городское населеніе края составляетъ меньшій процентъ. Считая вмѣстѣ съ Кіевомъ, средняя населенность городскихъ пунктовъ составляетъ въ край 22000 чел., а безъ Кіева 16600 чел., въ томъ числѣ для Подольской губ., въ среднемъ на 1 городъ приходится 13000 ч. населенія²⁾, въ Волынской 17800, въ Кіевской 22500. Изъ приведенной таблицы видно, что большинство городскихъ поселеній края имѣютъ населенность ниже средней.

Кончая съ группировкой населенія по городамъ, не лишнее упомянуть о невозможности охарактеризовать условія расселенія сельскихъ жителей по сельскимъ населеннымъ пунктамъ въ виду того, что центральный статистическій комитетъ, къ сожалѣнію, не опубликовалъ этихъ добытыхъ переписью 1897 г. данныхъ.

Распредѣленіе населенія края по половому составу выражается нѣкоторымъ преобладаніемъ женскаго пола надъ мужскимъ: въ среднемъ выводъ для всѣхъ трехъ губерній на 1000 мужчинъ приходится 1002 женщины; въ частности по отдѣльнымъ губер-

Кременецъ, Новоградволынск., Староконст. 7) Ровно; Балта, Проскуровъ, Могилевъ. 8) Черкасы. 9) Умань; Винница. 10) Каменецъ. 11) Бердичевъ; Житомиръ.

1) Если же взять, по примѣру остальныхъ двухъ губерній, только губернской и уѣздные города—то 7%.

2) Если же исключить (какъ въ предыдущемъ примѣчаніи) безъуѣздные города и мѣстечки, то—15800.

нiямъ численное преобладанiе женскаго пола надъ мужскимъ замѣчается однако только въ Подольской (на 1000 м.—1006 ж.) и Кiевской губ. (на 1000 м.—1014 ж.). Волинская же губернiя представляетъ исключенiе: въ ней на 1000 мужчинъ приходится только 989 женщинъ. Въ частности въ городскомъ населенiи края замѣчается почти повсюду численное преобладанiе мужскаго пола надъ женскимъ: въ среднемъ итогѣ на 1000 мужчинъ въ городахъ края приходится 892 женщины; это преобладанiе въ большинствѣ городовъ мужскаго пола надъ женскимъ въ значительной степени объясняется присутствiемъ въ нихъ войскъ и приходомъ на зимнiе заработки (перепись 1897 г. производилась зимой) мужчинъ изъ селъ. Исключенiе (въ распредѣленiи полового состава) составляютъ лишь отдѣльные города: Овручъ, Летичевъ, Ямполь, Сальница, Хмѣльниць, Баръ, Каневъ, Липовець, Радомысль, Тараща и Чигиринъ, гдѣ, наоборотъ, женское населенiе превышаетъ мужское.

Если же исключить изъ счета все городское населенiе, чтобы такимъ образомъ установить соотношенiе половъ среди одного только сельскаго населенiя, то окажется, что въ итогѣ для каждой губернiи (считая и Волинскую) женскiй полъ численно преобладаетъ надъ мужскимъ (составляя въ Подольской губ. 50,5% всего сельскаго населенiя, въ Кiевской 51%, въ Волинской 50,1%).

Слѣдовательно, вышеуказанное численное преобладанiе мужскаго пола надъ женскимъ среди всего вообще наличнаго (сельскаго плюсъ городскаго) населенiя Волинской губ. объясняется влиянiемъ на этотъ выводъ цифръ городскаго населенiя этой губернiи, гдѣ, кстати сказать, въ одномъ только (самомъ маленькомъ уѣздномъ) городѣ Овручѣ замѣчается небольшое численное преобладанiе женскаго пола надъ мужскимъ, въ остальныхъ же городахъ—вездѣ наоборотъ. Только что указанное явленiе—численное преобладанiе среди сельскаго населенiя женскаго пола надъ мужскимъ—замѣчается однако не во всѣхъ уѣздахъ края: исключенiе въ этомъ отношенiи составляютъ 5 уѣздовъ волин-

ской¹⁾ и 3 уѣзда подольской²⁾ губ., гдѣ—въ первыхъ—на 1000 душъ м. п. приходится въ среднемъ 988 женщинъ, и во вторыхъ 990.

Въ общемъ итогѣ для всего края вышеуказанное численное преобладаніе женскаго пола надъ мужскимъ (на 1000 м. — 1002 ж.) представляется менѣе значительнымъ, чѣмъ въ большинствѣ остальныхъ губерній Евр. Россіи (на 1000 м. около 1005 ж.).

Повозрастное распредѣленіе населенія, какъ и вообще въ Евр. Россіи, отмѣчается пониженіемъ группового состава по мѣрѣ повышения возрастной градаціи, при чемъ наибольшая величина группового состава, или, иначе говоря, наибольшій процентъ лицъ, приходится на принятую переписью возрастную градацію въ 0—9 лѣтъ, а слѣдующій затѣмъ—на возрастную градацію отъ 10—19 лѣтъ, начиная съ которой пониженіе группового состава становится особенно замѣтнымъ:

% ко всему населенію:	Волынская	Кіевская	Подольская
отъ 1—9 л.	29,4	28,6	27,8
— 10—19 л.	21,9	22,9	22,8
— 20—29 л.	17,1	15,4	15,4
— 30—39 л.	11,9	12,1	12,3
— 40—49 л.	8,2	9,2	9,3
— 50—59 л.	6,2	6,3	6,6
60 и болѣе	4,3	5,5	5,8
	100,0	100,0	100,0

О распредѣленіи состава населенія по возрастамъ и полу въ городахъ и уѣздахъ можно судить по слѣдующимъ цифрамъ (въ % къ количеству городского и сельскаго населенія):

- 1) Житомирскій, Ковельскій, Кременецкій, Луцкій, Ровенскій.
- 2) Балтскій, Винницкій, Летичевскій.

В ъ г о р о д а х ъ

Возрасть	Кіевск. губ.		Волинск. губ.		Подольск. губ.	
	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.
1—9 л.	19,7	21,6	20,0	24,3	22,6	24,9
10—19 л.	19,4	23,1	17,7	24,3	20,0	24,8
20—29 л.	28,1	19,1	35,2	17,5	24,7	16,1
30—39 л.	13,4	13,5	10,4	12,3	10,8	12,0
40—59 л.	14,5	16,6	11,8	15,6	14,0	16,2
60 и выше	4,9	6,1	4,9	6,0	5,1	6,0

В ъ у ѣ з д а х ъ

Возрасть	Кіевск. губ.		Волинск. губ.		Подольск. губ.	
	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.
1—9 л.	30,0	29,5	30,1	29,9	28,0	28,0
10—19 л.	23,9	23,5	21,6	22,5	22,0	23,4
20—29 л.	13,5	14,8	15,9	16,5	14,5	15,3
30—39 л.	11,8	11,9	11,9	11,9	12,0	12,5
40—59 л.	15,9	15,2	14,6	14,4	17,2	15,7
60 и выше	4,9	5,1	5,8	4,7	6,3	5,1

Разсмотрѣніе процентнаго отношенія возрастныхъ группъ указываетъ, что наиболѣе многочисленной возрастной группой среди сельскаго населенія является дѣтская группа (0—9 лѣтъ), а второе мѣсто занимаетъ группа подростковъ (возраста 10—19 л.) и въ такомъ же порядкѣ каждая послѣдующая возрастная группа представлена все меньшими и меньшими числами¹⁾. Въ городскомъ же населеніи это распредѣленіе отличается преобладаніемъ жителей въ цвѣтущемъ возрастѣ—отъ 20—29 л., наблюдаемымъ однако только по отношенію къ мужскому полу и объясняющимся

¹⁾ Группа въ возрастѣ 40—59 л. хотя и характеризуется (въ таблицѣ) болѣе крупными цифрами, но не составляетъ исключенія, такъ какъ въ ней совмѣщено двѣ десятилѣтнія группы (тогда какъ въ прочихъ по одной).

значительнымъ притокомъ молодыхъ мужчинъ этого возраста въ города. Рядомъ съ этимъ, въ городахъ замѣчается значительно ббльшее колебаніе въ соотношеніяхъ обѣихъ половъ, чѣмъ въ селеніяхъ: въ возрастѣ отъ 20—29 л. женщинъ значительно меньше, чѣмъ мужчинъ, въ возрастѣ же отъ 40—59—наоборотъ.

По семейному состоянію взрослое (съ 15 л. и выше) населеніе края распредѣляется въ относительныхъ величинахъ такъ:

	% ко всему взрослому населенію губерніи		Волынская		Кіевская		Подольская	
	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.
Холостыхъ и дѣвиць	31,9	23,7	31,0	24,5	29,9	21,9		
Состоящихъ въ бракѣ	62,9	65,4	64,5	63,6	65,9	65,4		
Вдовыхъ	5,0	10,6	4,3	11,5	4,0	12,3		
Разведенныхъ	0,07	0,2	0,1	0,3	0,1	0,2		
Неуказавшихъ	0,07	0,09	0,1	0,1	0,1	0,2		
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0		

Какъ не трудно видѣть изъ этой таблички, наибольшая часть взрослого населенія края состоитъ въ бракѣ, при чемъ процентъ мужскаго и женскаго пола приблизительно одинаковъ. Холостая группа вездѣ почти вдвое меньше только что упомянутой; это уменьшеніе въ особенности замѣтно у женщинъ, у которыхъ за то болѣе значительный процентъ вдовыхъ сравнительно съ мужчинами.

Этнографическій составъ населенія опредѣлялся во время переписи на основаніи показаній самихъ жителей о родномъ языкѣ. Поэтому, прежде чѣмъ воспользоваться данными объ этнографическомъ составѣ, необходимо остановиться на уясненіи вопроса, на сколько точны были показанія населенія, а слѣдова-

тельно и записи счетчиковъ въ этомъ отношеніи. Степень точности показаній населенія по этому вопросу въ значительной мѣрѣ зависѣла отъ той внимательности и сознательнаго отношенія къ дѣлу, какое проявляли въ данномъ случаѣ опрашивавшіе населеніе счетчики. Составъ производившихъ перепись счетчиковъ, въ общемъ, достаточно извѣстенъ. Это—добровольцы, до того момента никогда переписью не занимавшіеся, а статистикою не интересовавшіеся, т. е. люди, къ этому дѣлу недостаточно подготовленные и работавшіе или изъ-за вознагражденія, или изъ-за «статистической медали». Для многихъ изъ нихъ совершенно не было интересно при опросѣ каждой семьи обстоятельно разъяснять опрашиваемымъ, что именно нужно подразумѣвать подъ понятіемъ «родной языкъ»; а немалое ихъ количество, не смотря на полученныя инструкціи, вѣроятно, не сумѣло бы даже и дать такого разъясненія. Опрашивавшіе удовлетворялись часто тѣмъ пониманіемъ заданныхъ ими вопросовъ, какое обнаруживали опрашиваемые въ своихъ отвѣтахъ, не интересуясь удостовѣриться степенью правильности этого пониманія, а опрашиваемые отвѣчали такъ, какъ умѣли. И вотъ часто на вопросъ о родномъ языкѣ опрашиваемый отвѣчалъ «русскій», а опрашивающій, ничтоже сумняшеся, сейчасъ же зачислялъ его въ великороссы, хотя бы отвѣчавшій въ качествѣ малорусса, подразумѣвалъ именно языкъ малорусскій. Съ другой стороны тѣ изъ малороссовъ, которые одинаково владѣютъ и малорусскимъ и великорусскимъ языкомъ, могли и сами вполне безразлично относиться къ вопросу о томъ, куда ихъ запишутъ по одному изъ двухъ родныхъ имъ языковъ. Малороссы, обучавшіеся въ школахъ, гдѣ преподаваніе, какъ извѣстно, повсюду ведется на великорусскомъ языкѣ, и потому съ дѣтства привыкшіе къ этому языку, а также малороссы, въ семьяхъ которыхъ принято говорить по-великорусски (что главнымъ образомъ, конечно, относится къ интеллигенціи), могли, благодаря именно этому, показывать своимъ роднымъ языкомъ, по собственному усмотрѣнію, или великорусскій или малорусскій, смотря по желанію, или точкѣ зрѣнія, съ которой они смотрѣли на данный вопросъ. И тѣ изъ нихъ, которые показывали при этихъ усло-

віяхъ роднымъ своимъ языкомъ великороссійскій, попадали въ число великороссовъ, хотя не только сами родились въ Малороссіи, имѣя своими предками исконныхъ малороссовъ, но можетъ быть никогда даже и не выѣзжали изъ Малороссіи. Отсюда неизбежная неточность въ цифрахъ, сводящаяся къ увеличенію числа великороссовъ за счетъ уменьшенія цифры малороссовъ. Отсюда неточность въ выводахъ хотя бы, напр., относительно развитія грамотности и образованія среди того и другого племени¹⁾. Въ этомъ отношеніи особенно бросаются въ глаза цифры лицъ, получившихъ образованіе выше начальнаго. При полной одинаковости условій полученія образованія выше начальнаго какъ въ Малороссіи, такъ и внѣ ея, при общеизвѣстности факта, что малорусская интеллигенція въ общемъ отнюдь не менѣе многочисленна (по сравненію съ общей массой *своего* населенія), чѣмъ великорусская, по даннымъ переписи оказывается, что (въ общемъ итогѣ для Евр. Россіи) изъ общаго числа грамотныхъ своего племени у малороссовъ только 1 $\frac{1}{2}$ % лицъ мужеск. пола и 4,4% женскаго принадлежитъ къ числу получившихъ образованіе выше начальнаго, тогда какъ у великороссовъ эти же проценты равны 5,8% и 11,1% т. е. вчетверо и втрое больше. Такая значительная разница только и можетъ быть объяснена указанною неточностью цифръ, такъ какъ въ дѣйствительности нѣтъ никакихъ данныхъ для существованія и объясненія столь значительнаго различія. Такое различіе по цифрамъ переписи замѣчается не только въ итогахъ для цѣлыхъ губерній (гдѣ слѣдовательно превалируютъ цифры сельскаго населенія), но и въ цифрахъ, относящихся къ городскому населенію—и тамъ % лицъ, получившихъ образованіе выше начальнаго (къ общему числу грамотныхъ), больше у великороссовъ, чѣмъ у малороссовъ даже и въ городахъ Малороссіи. Такъ, въ уѣздныхъ гор. Кіевской г. процентъ этихъ лицъ среди великороссовъ составляетъ 21,7, а среди мало-

1) О чемъ подробнѣе будетъ ниже.

россовъ только 5,2. Единственнымъ объясненіемъ такихъ странныхъ цифровыхъ комбинацій является именно неточность самихъ переписныхъ данныхъ, обусловленная самымъ способомъ установленія принадлежности населенія къ той или иной этнографической группѣ.

Отмѣтимъ кстатч совершенно правильную оцѣнку этого приѣма, сдѣланную въ № 30 «Южныхъ Записокъ» за 1905 г. въ статьѣ «Народное Образование въ Юго-западномъ краѣ по даннымъ переписи 1897 года» Б. Лелича:

... «языкъ, которымъ говоритъ человѣкъ, не представляетъ никогда достаточно вѣрнаго и полного доказательства его національности. Не приводя никакихъ доказательствъ этой безспорной истины, мы ограничимся ссылкой хотя бы на столь широко распространенную на русскомъ языкѣ книгу знаменитаго англійскаго ученаго Эд. Б. Тайлора «Антропологию», въ которой названный авторъ, приходя къ тому же выводу, говоритъ между прочимъ, что «языкъ человѣка въ дѣйствительности свидѣтельствуеетъ не о его происхожденіи, но о его воспитаніи». Если такая истина, извѣстная каждому, хоть сколько-нибудь научно-образованному человѣку, неизвѣстна была лицамъ, организовавшимъ разработку данныхъ переписи, то можно только удивляться ихъ невѣжеству. Подобные руководители возможны лишь въ такомъ бюрократическомъ учрежденіи, какимъ является Центр. Стат. Комитетъ».

Обращаясь теперь къ этнографическому составу населенія края, мы встрѣчаемся съ слѣдующими цифрами, располагая этнографическія группы въ нисходящемъ порядкѣ¹⁾.

¹⁾ Что отнюдь не соблюдается въ цитируемыхъ изданіяхъ Ц. Ст. К-та, гдѣ на первомъ планѣ, несмотря на ихъ малочисленность, непременно красуются великороссы, евреи же занимаютъ всегда одно изъ послѣднихъ мѣстъ.

	Всего по краю.	Въ томъ числѣ въ губерніяхъ:		
		Кіевской.	Волынской.	Подольской.
малороссы	7357543	2819145	2095579	2442819
евреи	1194569	430489	394774	369306
великороссы	413290	209427	104889	98974
поляки	322108	68771	184161	69156
нѣмцы	190107	14707	17331	4069
чехи	31850	3294	27670	886
молдаване	27592	250	314	27028
бѣлоруссы	11017	6389	3794	834,

при чемъ надо имѣть въ виду, что цифры малороссовъ, какъ видно изъ предыдущаго изложенія, являются преуменьшенными за счетъ увеличенія количества великороссовъ, которыхъ такимъ образомъ должно считаться еще меньше, чѣмъ показано. Въ процентахъ эти числа выражаются слѣдующимъ образомъ:

	Всего по краю.	Въ томъ числѣ въ губерніяхъ:		
		Кіевской.	Волынской.	Подольской.
малороссовъ	77,6	79,3	70,3	81,0
евреевъ	12,5	12,3	13,2	12,2
великороссовъ	4,4	6,0	3,5	3,3
поляковъ	3,4	1,9	6,3	2,3
нѣмцевъ	2,0	0,4	5,7	—
чеховъ	— ¹⁾	—	0,1	—
молдаванъ	—	—	—	0,9
бѣлоруссовъ	—	—	—	—
прочихъ	—	—	—	—
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Отсюда ясно, (даже и безъ поправокъ указанной не-точности цифръ), что во всѣхъ трехъ губерніяхъ главную массу населенія составляютъ малороссы, а слѣдующее за ними мѣсто

1) Черточками отмѣчены процентныя величины ниже 0,1.

принадлежить евреямъ. Великороссы же занимаютъ по численности своей только третье мѣсто въ итогѣ по краю, уступая даже въ Волынской губ. это третье мѣсто полякамъ; но вообще поляковъ въ краѣ сравнительно мало—всего 3,4% общаго количества населенія (отъ 1,9% въ Кіевской до 6,3% въ Волынской).

Преобладающій малорусскій составъ населенія края (и, какъ увидимъ ниже, въ особенности сельскаго) предопредѣляетъ крупное значеніе въ немъ такъ наз. малорусскихъ вопросовъ, каковы, напр., вопросъ о преподаваніи на малорусскомъ языкѣ, о малорусской печати и т. п.; съ другой стороны немаловажное значеніе имѣетъ здѣсь и вопросъ о положеніи и судьбахъ еврейскаго населенія, какъ занимающаго по численности своей первое мѣсто послѣ малороссовъ. Съ другой стороны, хотя поляки, въ среднемъ по краю, занимаютъ по своей численности четвертое мѣсто, но, благодаря огромности численнаго состава первой группы, право ихъ на это четвертое мѣсто опредѣляется сравнительно ничтожной цифрой 3,4% общей численности всего мѣстнаго населенія. Одна уже ничтожность этой цифры съ полной убѣдительностью должна показать каждому непредубѣжденному человѣку, какъ неосновательно и чрезмѣрно вздуть здѣсь такъ наз. «польскій вопросъ», сводящійся къ опасеніямъ вреднаго вліянія «польскаго элемента» на остальное населеніе края; то же самое можно сказать и по вопросу объ иностранныхъ колонистахъ (нѣмцахъ и чехахъ), которыхъ въ краѣ всего 2%.

Обращаясь къ вопросу о распредѣленіи отдѣльныхъ національностей въ сельскомъ и городскомъ населеніи края, надо отмѣтить прежде всего, что малорусское племя является численно преобладающимъ среди сельскаго населенія, а еврейское—среди городского, что замѣчается въ итогахъ для всѣхъ 38 губерній по исключеніи лишь изъ итога по Кіевской губ. города Кіева (съ его въ процентномъ отношеніи значительно меньшимъ количествомъ евреевъ), присутствіе котораго отчасти вліяетъ на итогъ по его губерніи.

Вотъ эти процентныя отношенія въ городахъ (съ Кіевомъ):

	Еврей	Мал.	Велик.	Пол.	Нѣм.	Бѣл.	Чехи	Проч.	Итогъ
Весь край:	40,0	27,0	25,0	5,5	0,8	0,4	0,2	1,1	100,0
въ томъ числѣ:									
Кіевская	31,0	28,0	33,0	4,7	1	0,7	0,2	1,4	100,0
Волынская:	51,0	19,0	19,0	7,9	0,8	0,1	0,9	1,7	100,0
Подольская:	46,1	32,5	14,8	4,9	— ¹⁾	—	—	1,7	100,0

Кромѣ того замѣчается, что въ городахъ численность малороссовъ и великороссовъ въ общемъ почти одинакова. Изъ детальнаго же разсмотрѣнія опубликованныхъ цифровыхъ таблицъ по отдѣльнымъ городамъ видно, что въ громадномъ большинствѣ городовъ малороссы численно преобладаютъ надъ великороссами, въ Кіевѣ же, Бердичевѣ, Балтѣ и Житомирѣ, наоборотъ, преобладаютъ великороссы.

Обращаясь затѣмъ къ дальнѣйшему сравненію племеннаго состава населенія городовъ и уѣздовъ безъ городовъ, мы видимъ, что численное преобладаніе евреевъ въ городскихъ поселеніяхъ далеко не такъ замѣтно, какъ преобладаніе малороссовъ среди сельскаго населенія, такъ какъ въ городахъ имѣются еще двѣ довольно многочисленныя племенные группы: малороссы и великороссы (27 и 25%). тогда какъ среди сельскаго населенія остальные племенные группы крайне малочисленны. Наиболѣе видной изъ нихъ по величинѣ является группа евреевъ (9,6%), но и то, очевидно, главнымъ образомъ потому, что въ составъ сельскихъ поселеній при переписи, какъ было сказано выше, зачислено много такихъ (мѣстечковыхъ) поселеній, которыя и по характеру своему, и по многочисленности населенія должны быть причислены къ городскимъ. Что касается поляковъ, то въ процентномъ отношеніи къ составу мѣстнаго населенія они болѣе многочисленны въ городахъ, чѣмъ въ уѣздахъ²⁾. Все это видно

¹⁾ Черточки тамъ, гдѣ % ниже 0,1.

²⁾ Среди сельскаго населенія волынской губ. они, не въ примѣръ другимъ губерніямъ, многочисленнѣе малороссовъ, и это вліяетъ на итогъ по краю.

изъ нижеприведенной таблички, относящейся исключительно къ сельскому населенію, и изъ сравненія ея съ предыдущею:

	Мал.	Евреи	Велик.	Пол.	Нѣм.	Чехи	Молд.	Проч.	Итого
Весь край:	82,0	9,6	2,1	3,2	2,1	0,3	0,3	0,4	100,0
въ томъ числѣ:									
Кіевская:	87,0	9,3	1,9	1,5	0,3	—	—	—	100,0
Волынская:	74,2	10,0	2,2	6,0	6,1	0,9	—	0,6 ¹⁾	100,0
Подольская:	85,0	9,6	2,3	2,1	0,1	—	0,9	—	100,0

Сказаннымъ уясняется только вопросъ о племенномъ составѣ населенія деревенскихъ поселеній и населенія городовъ; но изъ приведенныхъ цифръ не видно еще, гдѣ преимущественно живетъ *каждая* отдѣльно взятая національность: въ городахъ или внѣ ихъ. Это уясняется нижеприводимую табличкою (гдѣ въ процентахъ выражено, какая часть каждаго даннаго племени живетъ внѣ городовъ и какая въ городахъ):

	Кіевская		Волынская		Подольская		Въ итогъ по краю	
	въ уѣз. безъ г.	въ г.	въ уѣз. безъ г.	въ г.	въ уѣз. безъ г.	въ г.	въ уѣз. безъ г.	Въ гор.
Малороссовъ	95	5	97,5	2,5	97	3	97	3
Евреевъ	67	33	70	30	72	28	70	30
Великороссовъ	27	73	57	43	66	34	45	55
Поляковъ	69	31	90	10	84	16	87	13
Нѣмцевъ	67	33	99	1	89	11	96	4
Чеховъ	67	33	97	3	82	18	96	4
Молдовацъ	54	46	50	50	95	5	98	2
Бѣлорусовъ	47	53	92	8	74	26	63	37

Изъ этой таблички видно, что малороссы живутъ главнымъ образомъ внѣ городовъ (97% по всему краю). Евреи оказываются живущими тоже по преимуществу среди сельскаго населенія (70% по всему краю), но на это показаніе, какъ было указано,

1) Въ т. ч. 0,1% бѣлорусовъ.

повліяло зачисленіє многихъ поселеній городскаго характера въ число сельскихъ поселеній,—извѣстно, что евреи края, живущіе «среди сельскаго населенія», ютятся въ чертѣ такъ наз. мѣстечковыхъ поселеній. Относительно великороссовъ замѣчается разница между показаніями по кіевской губ.—съ одной стороны, и остальными двумя—съ другой: въ то время какъ въ кіевской великороссы живутъ преимущественно въ городахъ, въ волинской и подольской—они живутъ преимущественно въ селахъ. На эту разницу показаній, какъ оказывается, вліяютъ цифры, относящіяся къ г. Кіеву. Если изъ итога великороссовъ (152190 душъ о. п.), живущихъ въ городахъ этой губерніи, выключить цифру великороссовъ, живущихъ собственно въ Кіевѣ (134278), то оказалось бы, что и въ кіевской губерніи процентъ великороссовъ (76%), живущихъ внѣ городовъ (въ данномъ случаѣ только уѣздныхъ), выше % великороссовъ (24), живущихъ въ городахъ. Поляки, нѣмцы и чехи во всѣхъ губерніяхъ (и въ особенности въ волинской—90, 99 и 97%) живутъ преимущественно среди сельскаго населенія, какъ и молдаване въ подольской губ. 1).

Что касается распредѣленія различныхъ этнографическихъ группъ по отдѣльнымъ уѣздамъ края, то въ этомъ отношеніи отличаются: по волинской губ.—житомірскій, луцкій, новоградволинскій уѣзды, гдѣ нѣмцы составляютъ свыше десятой части населенія; поляки же и чехи преобладаютъ въ западной полосѣ губерніи: первые главнымъ образомъ въ уѣздахъ ровенскомъ, луцкомъ и владимірволинскомъ, также въ заславскомъ, дубенскомъ и острожскомъ, вторые составляютъ свыше 5% населенія дубенскаго уѣзда. По кіевской губ. поляковъ болѣе всего въ кіевскомъ уѣздѣ (3,4%) и бердичевскомъ (5,8%), нѣмцевъ въ радомысльскомъ (2,2%) и кіевскомъ (1,1%), евреевъ—въ бердичевскомъ—

1) Соотвѣтственныя цифры по остальнымъ двумъ губерніямъ могутъ не приниматься въ расчетъ въ виду ничтожности самаго числа молдаванъ въ нихъ: 250 и 314; то же слѣдуетъ сказать и о бѣлорусахъ въ подольск. губ. (834), которыхъ впрочемъ и вообще мало въ краѣ (11016 душъ о. п.).

23,1% (въ томъ числѣ въ г. Бердичевѣ, гдѣ ихъ 77,1% всего населенія города) и въ чигиринскомъ (8,6%). Въ подольской губ.—наибольшій % поляковъ въ проскуровскомъ (6,4) и винницкомъ (5,2) уѣздахъ; молдаванъ—въ балтскомъ (4,5%) и ольгопольскомъ (2,8%), евреевъ—въ могилевскомъ (14,5%), балтскомъ (13,6%) и летицевскомъ (13%).

Вѣроисповѣднѣй составъ населенія отчасти предопредѣляется его племеннымъ составомъ, такъ какъ племя, главенствующее по численности—малороссы—въ огромномъ большинствѣ исповѣдуютъ православную вѣру (въ волын. губ. 94,8% всѣхъ малороссовъ, въ подольской 92%, въ кievской 98,8%); изъ нихъ лишь небольшое число принадлежитъ къ римско-католикамъ (отъ 1% въ кievск. губ. до 7,5% въ подольской) и еще меньше къ старообрядцамъ (отъ 0,01% въ волынск. губ. до 0,7% въ под. губ.). Второе по численности племя—еврейское почти сплошь исповѣдуетъ иудейскую вѣру¹⁾. Великоросы тоже по преимуществу принадлежатъ къ православнымъ (отъ 79% въ под. губ. до 90% въ кievской), и затѣмъ среди нихъ имѣется нѣкоторое число старообрядцевъ—

1) Въ этомъ отношеніи очень интересны данныя таблицы XIV «распределеніе населенія по вѣроисповѣданіямъ и родному языку». Тамъ, согласно опредѣленію племеннаго состава по показаніямъ о родномъ языкѣ, показано: по кievск. губ. великороссовъ *иудейскаго вѣроисповѣданія* 3091, малороссовъ 345, бѣлороссовъ 6 и т. д.; по подольск.: великор. 887, малороссовъ 536 и т. д.; по вол. губ. великорос. 600, малорос. 537 и т. д. Хотя это и надо, всего вѣроятнѣе, понимать такъ, что эти числа обозначаютъ евреевъ, показавшихъ своимъ роднымъ языкомъ не еврейскій, а малорусскій, великорусскій и т. д., но и при такомъ толкованіи, цифры эти представляются до нѣкоторой степени сомнительными, такъ какъ евреи края обыкновенно знаютъ и свой, и малорусскій, и великорусскій языки одновременно, и зачисленіе ихъ «по родному языку» въ названныя группы должно быть объяснено произвольнымъ толкованіемъ дававшихъ показанія или ведшихъ регистрацію о родномъ языкѣ.

значительно впрочемъ большее, чѣмъ и у малорос. и у бѣлорусовъ— въ кіевск. губ. 5,6%, въ вол. губ. 7,6% и въ под. губ. 18%. Большинство бѣлорусовъ тоже православные (74% въ вол. губ. и 90 и 94% въ под. и кіев.); старообрядцевъ среди нихъ только отъ 2,5 (под. губ.) до 4% (кіев. губ.); но значительно больше римско-католиковъ (22,3% въ вол. губ. и 7,5% въ пол., а въ кіев. только 1,8%). Надо впрочемъ помнитъ, что вообще число бѣлорусовъ очень незначительно въ краѣ—всего 11016 ч. (въ томъ числѣ въ вол. губ. только 834 чел.). Поляки — въ огромномъ большинствѣ римско-католики (97,7—99%); нѣмцы по преимуществу протестанты (81% въ под. губ., 87 въ кіев. и 98,7% въ вол. губ.) и частію римско-католики (0,9% въ вол. губ., 6,5% въ кіев. и 16% въ под. губ.). Изъ таблицы по кіевской губ. видно также, что 4% изъ нихъ принадлежатъ къ баптистамъ, въ подольск. губ. таковыхъ нѣтъ, а имѣются ли баптисты изъ нѣмцевъ или даже какихъ либо иныхъ національностей по волинской г., изъ таблицъ видѣть нельзя, такъ какъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, таблица (XIV) о распредѣленіи населенія по вѣроисповѣданіямъ и родному языку для волинской губ. составлена въ сокращенномъ видѣ—безъ выдѣленія въ особыя графы (какъ это сдѣлано для остальныхъ двухъ губерній) такихъ исповѣданій, какъ армяно-григоріане, армяно-католики, баптисты, лютеране, реформаты, англикане-менониты, караимы; вслѣдствіе этого данныя по тремъ губерніямъ являются въ этомъ изъясненіи недостаточно сравнимыми. Закапчивая затѣмъ съ вопросомъ о вѣроисповѣдномъ составѣ главнѣйшихъ племенныхъ группъ мѣстнаго населенія, надо сказать еще, что большинство чеховъ исповѣдуютъ православную вѣру (въ под. губ. 30%, въ кіев. 40,5, въ вол. 66%) и римско-католическую (въ вол. губ. 28,6%, въ кіев. 55 и въ под. губ. 65%); кромѣ того между ними имѣется нѣкоторое количество протестантовъ (въ кіевск. губ. 2,9%, въ под. 4 и въ вол. губ. 5,2%)¹⁾.

¹⁾ Не лишне замѣтитъ кстати, что какъ бы ни подлежала сомнѣнію въ нѣкоторыхъ случаяхъ степень достовѣрности данныхъ пе-

Что касается вопроса о распредѣленіи вѣроисповѣдныхъ группъ между сельскимъ и городскимъ населеніемъ, то на немъ нѣтъ надобности подробно останавливаться послѣ сдѣланныхъ выше указаній о племенномъ составѣ городского и вѣнгородского населенія и только что приведенныхъ данныхъ о вѣроисповѣдномъ составѣ племенныхъ группъ, такъ какъ распредѣленіе это достаточно характеризуется сказаннымъ.

О сословномъ распредѣленіи населенія можно судить по даннымъ нижеприводимой таблички (въ % къ общему числу населенія):

	Кіев г.	Вол. г.	Под. г.
Крестьянъ	77,8	75,0	81,0
Мѣщанъ	18,9	21,4	16,3
Дворянъ пот. и личн.	1,7	1,6	1,3
Лицъ духовн. зван.	0,5	0,5	0,5
Купцовъ и поч. гражд.	0,3	0,3	0,4
Иностр. подданныхъ	0,3	1,0	0,4
Лицъ прочихъ сослов.	0,5	0,2	0,1
Итого	100,0	100,0	100,0

Отсюда слѣдуетъ, что первое мѣсто по численности принадлежитъ во всѣхъ трехъ губерніяхъ (послѣ крестьянъ) мѣщанамъ, а слѣдующее затѣмъ дворянамъ, которыхъ однако не свыше 1,7%. Это же соотношеніе, въ общемъ, сохраняется и—въ частности—въ городахъ; въ городахъ же первое мѣсто принадлежитъ обыкновенно мѣщанамъ, второе крестьянамъ и третье тоже дворянамъ.

реписи по такимъ, наприм., такъ сказ. шекотливымъ пунктамъ, какъ принадлежность къ извѣстному вѣроисповѣданію (старовѣры, шундисты и т. п.), тѣмъ не менѣе опубликованное изслѣдованіе не содержитъ никакихъ данныхъ для ихъ провѣрки и поправки. Поэтому всѣ такія данныя принимаются мною безъ всякихъ оговорокъ, какъ они есть, независимо отъ ихъ качества.

Затѣмъ данныя переписи уясняютъ, что изъ первенствующихъ по численности сословій крестьяне живутъ въ городахъ лишь въ сравнительно весьма небольшомъ числѣ (отъ 1,6% въ под. губ. до 4,6% всего числа крестьянъ въ кіевской губ.); мѣщане же живутъ преимущественно внѣ городовъ (отъ 61,5 въ кіевской губ. до 76% общаго числа мѣщанъ въ волинск. губ.), но такъ какъ большую часть мѣщанъ составляютъ евреи, которые, какъ извѣстно, въ большинствѣ составляютъ населеніе поселеній, имѣющихъ городской характеръ, но переписью въ города незачисленныхъ (да и особо не выдѣленныхъ), то приведенныя только что цифры (собственно о мѣщанахъ) не могутъ считаться выражающими дѣйствительность.

Изъ какихъ именно сословныхъ группъ состоитъ каждая національность, это видно изъ слѣдующей—сводной для всего края—таблички (въ процентахъ):

	Дворян. пот.	Дворян. личн.	Духов. хр. исп. съ ихъ семьями.	Поч. гражд. и кушцы.	Мѣщ.	Крест.	Иностран. подд.	Проч.	Итого.
Малорос.	0,3	— ¹⁾	0,2	0,1	5,1	93,8	—	0,5	100,0
Еврей.	—	—	—	1,1	96,8	2,1	—	—	100,0
Великорос.	7,4	6,5	5,3	3,5	30,1	43,0	0,5	3,7	100,0
Поляки	14,3	2,6	—	—	27,2	38,2	6,9	10,8	100,0
Нѣмцы	0,3	0,3	—	0,4	27,5	57,5	7,7	7,3	100,0
Чехи	0,1	0,2	—	0,1	6,9	80,3	1,9	10,5	100,0
Молдаваны.	—	—	—	—	1,8	98,2	—	—	100,0
Бѣлоруссы.	1,7	1,1	0,5	0,6	16,1	78,5	0,4	1,1	100,0

Изъ этой таблички видно, что огромное большинство мѣстныхъ жителей малороссовъ—крестьяне и частію мѣщане, къ остальнымъ же сословіямъ принадлежить лишь ничтожный процентъ малороссовъ. Еврей—почти всѣ мѣщане; 2,1% ихъ принад-

1) Черточкой обозначены величины менѣе 0,1.

лежащихъ къ крестьянскому сословію — это евреи земледѣльцы, живущіе отдѣльными колоніями. Одну изъ наиболѣе разношерстныхъ группъ по сословному составу своему представляютъ великороссы, дающіе значительный процентъ дворянъ (13,9), духовенства (5,3), купцовъ и почетныхъ гражданъ (3,5), еще болѣе большой — мѣщанъ (30,1) и наибольшей — крестьянъ (43%). Довольно разнообразенъ и сословный составъ поляковъ, дающій сравнительно меньшіе проценты мѣщанъ (27,2) и крестьянъ (38,2) и болѣе проценты дворянъ — 16,9%¹⁾, иностранныхъ подданныхъ — 6,9% (въ значительной части — «колонисты») и «прочихъ сословій» — 7,3%. Большинство чеховъ принадлежитъ къ крестьянскому (57,5%) и мѣщанскому (27,5%) сословію, а также къ числу иностранныхъ подданныхъ (тоже — наши колонисты) и прочихъ сословій (7,7 и 7,3%). Молдаване — почти всѣ крестьяне (98,2%); изъ бѣлорусовъ же большинство тоже принадлежитъ къ крестьянскому сословію (78,5%) и довольно значительная часть къ мѣщанамъ (16,1%); кромѣ того въ числѣ бѣлорусовъ имѣется 2,8% дворянъ. Если теперь сравнить данныя только что приведенной таблички съ данными приведенной раньше таблички, уясняющей, какой процентъ численнаго состава каждаго племени живетъ въ городахъ и какой виѣ городовъ, то окажется, что (не считая евреевъ, какъ поставленныхъ въ смыслѣ сословности и жизни въ селахъ въ исключительныя условія) племенные группы, дающія наибольший процентъ лицъ, живущихъ въ городахъ (великороссы, бѣлоруссы и поляки) отличаются и большимъ разнообразіемъ своего сословнаго состава; онѣ же, кстати сказать, отличаются и наибольшимъ процентомъ лицъ, принадлежащихъ къ дворянскому сословію.

¹⁾ Въ томъ числѣ личныхъ дворянъ только 2,6%, что объясняется незначительностью процента поляковъ, состоящихъ на госуд. службѣ въ краѣ.

Чтобы покончить съ характеристикой состава мѣстнаго населенія, необходимо еще привести данныя о количествѣ лицъ съ физическими недостатками. Данныя объ абсолютномъ и относительномъ количествѣ ихъ приведены ниже:

	Всего съ физ. недостаток.		Въ томъ же числѣ (въ % къ об. ч.)					% лицъ съ нед. къ об. числу нас.
	мужч.	женщ.	слѣп.	ослѣп.	глухонѣм.	нѣм.	умал.	
Кіевская.	7783	6561	17,5	26,1	26,2	8,1	22,1	0,4
Волынская	5651	4530	18,2	22,0	31,4	11,4	17,0	0,3
Подольск.	6543	5140	16,4	26,3	26,4	8,6	22,3	0,4

Изъ этихъ цифръ видно, что % лицъ съ физическими недостатками въ общей массѣ мѣстнаго населенія составляетъ не свыше 0,4% и что оны приблизительно одинаковы во всѣхъ трехъ губерніяхъ, при чемъ женщинъ съ физическими недостатками нѣсколько меньше, чѣмъ мужчинъ. Во всѣхъ трехъ губерніяхъ изъ числа лицъ, имѣющихъ физическіе недостатки, наибольшій процентъ даютъ глухонѣмые (26,2—31,4), по если къ слѣпымъ отъ рожденія присоединить ослѣпшихъ впоследствии, то общій процентъ всѣхъ слѣпыхъ превыситъ и % глухонѣмыхъ (40,2—43,6); что касается нѣмыхъ, то они даютъ наименьшій процентъ (8,1—11,4) изъ числа лицъ съ физическими недостатками.

Такъ какъ процентъ лицъ съ физическими недостатками, несомнѣнно, можетъ находиться въ зависимости отъ условій жизни населенія, то безъинтересно отмѣтить, что среди сельскаго населенія края замѣчается значительно меньшій процентъ умалишенныхъ, чѣмъ среди городского населенія, и—наоборотъ—значительно большій процентъ слѣпыхъ и глухонѣмыхъ, что видно изъ нижеслѣдующихъ цифровыхъ сопоставленій (въ процентахъ) къ общему числу увѣчныхъ:

	слѣпыхъ	ослѣпш.	итого	глухон.	нѣм.	умалиш.	
въ городахъ	11,5	22	33,5	20,5	6,5	39,5	=100
въ городѣ	17,8	25,3	43,1	28,8	9,4	18,7	=100

Что касается степени распространенности физическихъ недостатковъ среди различныхъ (наиболѣе крупныхъ) этнографич-

ческихъ группъ, то объ этомъ можно судить по нижеслѣдующей таблицѣ (въ процентахъ) къ общему числу увѣчныхъ):

	слѣпыхъ ослѣпш.		итого	глухонѣм. нѣмыхъ		умалиш.	Итого
малор.	18,5	26,1	44,6	28,2	9,0	18,2	100
еврей	12,3	19,6	31,9	27,8	12,8	27,5	100
великор.	13,1	25,1	38,2	22	6,2	33,6	100
поляки	15,8	18,6	34,4	24,5	8,3	32,8	100
нѣмцы	11,2	22,0	33,2	29,7	9,3	27,8	100

Наименьшимъ процентомъ умалишенныхъ отличаются малороссы, что объясняется, конечно, принадлежностью огромнаго ихъ большинства къ негородскимъ жителямъ, среди которыхъ % умалишенныхъ, какъ было сказано, наименьшій. Если приять во вниманіе, что значительная часть нѣмцевъ тоже живетъ въ селеніяхъ, великороссы же, еврей и поляки отличаются значительнымъ процентомъ лицъ, живущихъ въ городахъ, то отсюда понятнымъ станетъ болѣе высокій % умалишенныхъ именно среди этихъ трехъ этнографическихъ группъ, у которыхъ онъ выше всего у великороссовъ (33,6%) и ниже—у евреевъ (27,5%). Наибольшимъ процентомъ слѣпыхъ, какъ и слѣдовало ожидать послѣ всего сказаннаго, отличаются малороссы; наименьшій же процентъ ихъ замѣчается у евреевъ и нѣмцевъ. Распределеіе различныхъ категорій физическихъ недостатковъ въ предѣлахъ различныхъ сословныхъ группъ только подтверждаетъ направляющійся изъ предыдущаго выводъ, что повидимому болѣе культурныя группы населенія отличаются меньшимъ процентомъ слѣпыхъ и большимъ процентомъ умалишенныхъ, сравнительно съ менѣе культурною частью населенія. Такъ:

	% къ общему числу			лицъ съ физич. недостатками:			
	слѣп.	ослѣпш.	итого	глухон.	нѣмыхъ	умалиш.	Итого
у дворянъ	8,0	19,0	27,0	16,0	4,0	53,0	100
у духовенства	7,4	12,4	19,8	48,5	4,4	27,3	100
у гор. сосл. 1)	12,3	20,3	32,6	29,1	10,2	28,1	100
у сельс. сосл.	17,5	27,5	45,0	28,0	9,0	18,0	100

1) Поч. гражданъ, купцовъ, мѣщанъ и т. п.

У сельскихъ сословій слѣбныхъ значительно больше, чѣмъ у остальныхъ, умалишенныхъ же, наоборотъ, процентъ всего меньше, и особеннаго размѣра достигаетъ онъ среди дворянъ.

Что же касается распределенія тѣхъ же физическихъ недостатковъ въ связи съ возрастнымъ составомъ населенія, то наименьшимъ развитіемъ ихъ, отличаются, съ одной стороны, мало-возрастные группы, съ другой—наиболѣе пожилыя группы:

‰ лицъ съ физическими недостатками въ возрастѣ:									
до 1 года,	1-9 л.,	10-19,	20-29,	30-39,	40-49,	50-59,	60 и бол.	Итого:	
0,5	7,5	21,8	20,5	15,3	11,5	8,8	14,1	100,0	

Переходя къ вопросу о грамотности мѣстнаго населенія, необходимо помнитъ тѣ указанія на неточность переписныхъ данныхъ, о которыхъ говорилось при характеристикѣ собраннаго переписью матеріала объ этнографическомъ составѣ населенія (малороссахъ и великороссахъ). Но напомнивъ объ этой неточности переписныхъ данныхъ, относящихся къ вопросу о грамотности населенія, слѣдуетъ указать еще на неточную формалистику заголовковъ переписныхъ таблицъ въ опубликованныхъ изданіяхъ центрального статистическаго комитета: въ таблицѣ XV грамотные подраздѣляются на: 1) грамотныхъ по-русски, 2) грамотныхъ на другихъ языкахъ и 3) получившихъ образованіе выше начальнаго. Такіе заголовки даютъ право предполагать, что въ число «грамотныхъ по-русски» должны быть зачислены, кромѣ грамотныхъ *только* по-русски, также и тѣ, которые грамотны и на другихъ языкахъ, что всѣ «получившіе образованіе выше начальнаго», въ качествѣ грамотныхъ, тоже должны быть засчитаны и въ первую графу, и что, съ другой стороны, тѣ «грамотные (только) на другихъ языкахъ», которые получили (напр., за границей) образованіе выше начальнаго, должны быть включены и въ графу «получившихъ образованіе выше начальнаго». Однако, этого въ таблицахъ не сдѣлано. Въ таблицахъ «грамотные по-русски» плюсъ «грамотные на другихъ языкахъ» и плюсъ «получившіе образованіе выше средняго» составляютъ *общій итогъ*

всѣхъ грамотныхъ. Видимо, таблицы включают въ число «грамотныхъ на другихъ языкахъ» только тѣхъ, кто грамотный *не* по-русски (?), ¹⁾—въ такомъ случаѣ таблицы эти не даютъ свѣдѣній о томъ, сколько же *всѣхъ* «грамотныхъ на другихъ языкахъ». Словомъ, заголовки далеко не исчерпываютъ дѣйствительности и, сбивая въ кучу величины, подлежащія (по смыслу самихъ заголовковъ) разьединенію, даютъ неточное представленіе объ этой дѣйствительности. Объ этихъ дефектахъ необходимо помнитъ при пользованіи опубликованными цифрами относительно грамотности населенія, принимая ихъ съ должною осторожностью и соотвѣствующими оговорками, какъ данныя, не отличающіяся желательною точностью.

Степень грамотности населенія видна изъ слѣдующихъ данныхъ:

	Кіев. г.		Вол. г.		Под. г.	
	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.
% грамотныхъ къ общему количеству населенія.	27,6	8,9	24,4	9,8	23,0	6,9

Для обоого пола.

% грамотныхъ къ общему количеству населенія.	Кіев. г.	Вол. г.	Под. г.	Итого по краю
		18,1	17,1	15,5

Изъ этой таблички видно, что во всѣхъ трехъ губерніяхъ грамотность развита очень слабо и что повсюду процентъ грамотныхъ значительно ниже среди женщинъ, чѣмъ у мужчинъ; но и у послѣднихъ онъ все-таки весьма не великъ. Наименьшимъ развитіемъ грамотности у обоихъ половъ отличается подольская губернія. Грамотность значительно выше развита среди городского населенія сравнительно съ сельскимъ, что видно изъ нижеслѣдующаго:

¹⁾ Включая всѣхъ грамотныхъ одновременно и по-русски и на другихъ языкахъ въ число «грамотныхъ по-русски».

	Кіев. г.		Вол. г.		Под. г.	
	м.п.	ж.п.	м.п.	ж.п.	м.п.	ж.п.
% грамотн. къ въ городахъ	55,7	35,0	50,2	30,8	44,2	22,6
общ. кол. насел. въ уѣзд. безъгор.	23,1	5,2	22,0	8,2	22,0	6,1

Волынская губ. отличается нѣсколько меньшею разницею въ развитіи грамотности между мужскимъ и женскимъ поломъ, какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ, сравнительно съ остальными двумя губерніями.

Развитіе грамотности въ различныхъ городахъ не одинаково; по проценту грамотныхъ (къ общему количеству населенія этихъ городовъ) оно колеблется между 17,4 и 53,4%. Такъ какъ для читателей нашего края небезинтересно знать, какіе города наиболѣе отстали и какіе наиболѣе ушли впередъ, по распространенности грамотности, то ниже приводится полный перечень всѣхъ городскихъ поселеній, о которыхъ имѣются свѣдѣнія этого рода: Кіевъ 53,4%; Владимірволинскъ 49%; Дубно 46,5%; Каменецъ и Ровно по 46; Житомиръ 45; Бердичевъ 43,8; Острогъ 42,5; Ковель 41,5; Радомысль 39,1; Винница и Луцкъ по 38,5; Проскуровъ 38; Черкассы и Летичевъ по 37,5; Сквиря 37,4; Заславъ 37,3; Кременецъ 37; Умань 36,9; Могилевъ 35; Староконстантиновъ 33,7; Новоградволинскъ 32,7; Ямполь 31,8; Тараща 30,7; Звенигородка 29; Брацлавъ 27,2; Баръ 27; Овручъ 26,7; Каневъ 26,2; Липовець 25,7; Гайсинъ и Литинъ по 25,5; Н. Ушица 24,7; Васильковъ 24,3; Ст. Ушица 24; Ольгополь и Чигиринъ по 23,3; Хмѣльникъ 20,7; Сальница 20,3 и Вербовецъ 17,4.

Въ среднемъ для всего края грамотность городского населенія выражается 42%, для отдѣльныхъ же губерній: Подольской 33,8, Волынской 41,2 и Кіевской 45,7%, а безъ г. Кіева 34,4%. Какъ видно изъ только что приведеннаго перечня, только 8 городовъ имѣютъ % грамотныхъ выше средняго для городовъ края (42), всѣ же остальные отличаются меньшимъ развитіемъ грамотности.

Грамотность сельскаго населенія, какъ видно изъ предыдущаго, значительно ниже, чѣмъ у городского населенія. Въ среднемъ для края она достигаетъ всего 14,5% общаго числа насе-

ленія, живущаго внѣ городовъ; по отдѣльнымъ губерніямъ эти цифры колеблются такъ: по Кіевской губ. 14%, по Подольской 14,2%, по Волынской 16,2%. Такимъ образомъ, если исключить изъ счета населеніе г. Кіева, то надо признать, что изъ трехъ губерній края, въ среднемъ, грамотность и городского и сельскаго населенія въ Волынской губ. выше, чѣмъ въ остальныхъ двухъ.

При указанной средней для края—14,5% грамотныхъ къ общему количеству сельскаго населенія, уѣзды дѣлятся по степени распространенности грамотности почти пополамъ, т. е. въ половинѣ уѣздовъ грамотность выше средней и въ половинѣ—ниже ея. По проценту грамотныхъ среди сельскаго населенія уѣзды распределяются (въ порядкѣ пониженія %) такъ: Житомирскій 23,5%; Новоградволынкскій 18,6; Винницкій 17,6; Заславскій 17,4; Ровенскій 16,3; Дубенскій, Луцкій и Капневскій по 16,1; Каменецкій, Острожскій и Звенигородскій по 15,3; Бердичевскій и Брацлавскій по 15,1; Кіевскій 14,7; Черкасскій, Старокопстантиновскій, Ушицкій и Летичевскій по 14,5; Гайсинскій, Чигиринскій, Владимірволынкскій и Липовецкій по 14,4 — 14,1; Балтскій и Васильковскій по 13,6; Литинскій, Проскурровскій, Ямпольскій, Кременецкій, Сквирскій и Уманскій по 13,5—13,0; Радомысльскій, Таращанскій, Могилевскій и Ольгопольскій 12,8—12,1; Ковельскій 10,5; и Овручскій 6,4%.

О степени грамотности населенія по возрастамъ можно судить изъ нижеприведенныхъ данныхъ:

Возрасты.	Въ процентахъ къ общему колич. населен.					
	Кіевской губ.		Волынск. губ.		Подольск. губ.	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
1—9 л.	5,0	2,3	5,2	2,3	4,3	1,8
10—19 »	42,1	14,0	35,8	14,8	38,5	12,7
20—29 »	43,4	13,7	38,2	14,4	37,6	10,8
30—39 »	37,8	10,5	32,7	12,3	30,0	7,4
40—49 »	32,5	8,4	28,5	10,8	27,2	6,3
50—59 »	23,5	7,5	22,7	10,2	19,8	5,4
60 л. и выше	18,0	6,9	19,5	10,4	14,3	5,2

Отсюда видно, что по развитію грамотности женскій полъ отстаетъ отъ мужскаго во всѣхъ возрастахъ безъ исключенія. У обоихъ половъ процентъ грамотныхъ убываетъ параллельно съ повышеніемъ возраста, при чемъ наибольшей высоты % грамотныхъ достигаетъ въ возрастѣ 20—29 л., у мужчинъ и 10—19 л. у женщинъ, что вѣроятно можно объяснить тѣмъ, что склонность населенія къ обученію женщинъ грамотѣ развилась лишь въ последнее время.

Тѣ же данныя относительно городского населенія выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ:

Возрасты:	Въ процентахъ къ общему числу населенія городовъ					
	Кіевск. губ.		Волынск. губ.		Подольск. губ.	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
1—9 л.	14,8	11,3	12,2	9,0	9,5	6,8
10—19 —	70,3	48,4	60,9	42,2	53,0	33,0
20—29 —	67,2	47,2	59,7	42,6	58,5	34,2
30—39 —	67,7	41,2	64,3	37,2	57	25,9
40—49 —	63,4	33,9	62,0	32,0	53	20,7
50—59 —	59,0	29,8	56,7	28,4	44,5	17,8
60 л. и выше	45,3	27,5	50,1	27,7	41,3	17,6

Здѣсь также у обоихъ половъ процентъ грамотныхъ убываетъ съ повышеніемъ возраста, при чемъ въ Кіевской и Волынской губ. наивысшаго размѣра процентъ этотъ достигаетъ въ группѣ возраста 10—19 л., а въ Подольской—20—29 л.

Данныя о грамотности по возрастамъ среди сельскаго населенія приведены въ нижеслѣдующей табличкѣ:

Возрасты:	Въ процентахъ къ общему числу сельскаго населенія					
	Кіевск. губ.		Волынск. губ.		Подольск. губ.	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
1—9 л.	3,3	1,4	4,8	1,4	3,9	1,5
10—19 —	38,3	9,3	33,9	12,5	37,4	11,2
20—29 —	35,6	8,0	33,8	12,1	34,3	9,0
30—39 —	32,5	5,7	30,1	10,4	28,0	6,0
40—49 —	27,8	4,6	26,0	8,6	27,4	5,3
50—59 —	18,6	3,9	16,9	8,7	17,7	4,4
60 л. и болѣе	13,7	3,5	29,0	9,4	12,4	4,1

Тѣ же явленія пониженія процента грамотныхъ съ повышеніемъ возраста (не считая дѣтскаго, какъ и выше) замѣчаются и здѣсь. Разница между % грамотныхъ мужчинъ и женщинъ, вообще очень значительная во всѣхъ возрастахъ, особенной высоты достигаетъ въ возрастахъ 30—49 и частію 50—59 лѣтъ.

Степень грамотности по національностямъ выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

	% грамотныхъ къ общ. числу лицъ даннаго племени			
	Кіевск. губ.	Волинск. губ.	Подол. губ.	Итого по кр.
Малороссы	10,4	9,26	10,4	10,8
Евреи	35,0	33,0	33,7	34,0
Великороссы	56,1	37,0	44,5	54,0
Поляки	52,0	25,5	29,5	43,0
Нѣмцы	51,8	37,8	72,0	39,5
Чехи	68,0	59,0	59,5	61,0
Бѣлорусы	39,5	25,9	48,0	36,0

Изъ этой таблички ясно, что въ среднемъ выводѣ для всего края (а также и для отдѣльныхъ губерній) наибольшимъ развитіемъ грамотности отличаются чехи, а затѣмъ великороссы, значительная часть которыхъ, какъ видно изъ предыдущаго положенія, представляютъ собою жителей городовъ. Слѣдующее затѣмъ мѣсто по развитію грамотности принадлежитъ полякамъ и нѣмцамъ, съ нѣкоторыми впрочемъ отступленіями въ ту или другую сторону по отдѣльнымъ губерніямъ,—отступленіями, частію зависящими отъ малочисленности племенныхъ группъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ¹⁾. Пятое мѣсто въ краѣ по распространенности грамотности занимаютъ евреи, если не считать очень малочисленную во всѣхъ трехъ губерніяхъ этнографическую группу бѣлорусовъ, значительная часть которыхъ, какъ выяснилось, тоже живетъ въ городахъ. Послѣднее же мѣсто — и при томъ выдающееся по крайне слабому развитію грамотности — занимаетъ представляющее глав-

¹⁾ Напр., въ Под. губ. всѣхъ нѣмцевъ 4069 чел., тогда какъ въ Вол. губ. свыше 17000.

ную массу нашего сельскаго населенія многочисленнѣйшее въ краѣ племя малороссовъ, малограмотность котораго оказываетъ вліяніе и на общее пониженіе процента грамотности по краю (всего только 17,3%).

Изъ всего этого видно, что дѣло народнаго образованія въ краѣ стоитъ---въ особенности среди мѣстнаго сельскаго, по преимуществу малорусскаго населенія—на весьма низкой степени развитія, чѣмъ и обуславливается, конечно, крайняя необходимость широкихъ мѣръ, направленныхъ къ повышенію грамотности въ краѣ.

Судить о томъ, на сколько развита грамотность у разныхъ этнографическихъ группъ у мужчинъ и у женщинъ, можно изъ слѣдующихъ данныхъ:

	% грамотныхъ къ общ. числу лицъ дан. плем. и пола							
	Кіевск. губ.		Вол. губ.		Под. губ.		Въ средн. по краю.	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
Малороссы	21,0	2,1	16,6	2,3	18,4	3,1	18,7	2,5
Евреи	47,5	23,5	44,5	21,5	46,5	21,6	48,0	22,3
Великороссы	61,5	41,5	54,1	35,4	53,0	33,5	57,0	38,0
Поляки	55,0	46,1	30,0	25,9	48,0	42,0	39,2	34,3
Нѣмцы	53,5	51,0	40,1	38,5	71,7	70,0	42,0	40,5
Чехи	70,0	65,0	64,5	55,0	69,0	47,0	64,0	55,0
Бѣлорусы	44,9	28,5	34,6	17,5	57,0	25,6	42,5	2,4

Пользуясь приведенными въ таблицѣ процентами, надо не упускать изъ виду указанную выше немногочисленность этнографическихъ группъ: нѣмцевъ и чеховъ въ Подольск. и Кіевск. губ. и бѣлорусовъ во всѣхъ трехъ губерніяхъ—чтобы имѣть въ виду, что относящіяся къ нимъ процентныя величины могутъ въ извѣстной мѣрѣ считаться случайными. Остановливаясь поэтому главнымъ образомъ на остальныхъ этнографическихъ группахъ, необходимо прежде всего указать на то, что малороссійская (къ которой, повторяемъ, принадлежитъ по преимуществу сельское населеніе) отличается слабѣйшимъ развитіемъ грамотности у

обоихъ половъ, при чемъ грамотность мужчинъ въ 6—10 разъ превышаетъ все-таки грамотность женщинъ. Наиболее близка грамотность женщинъ къ грамотности мужчинъ у нѣмцевъ и чеховъ, затѣмъ у поляковъ и великороссовъ (изъ нихъ, какъ известно, много городскихъ жителей); грамотность женщинъ у евреевъ, въ общемъ, вдвое ниже, чѣмъ у мужчинъ. Наивысшаго развитія грамотность мужчинъ достигаетъ у чеховъ, затѣмъ у великороссовъ. Первое же мѣсто по грамотности женщинъ принадлежитъ чехамъ и нѣмцамъ.

Обращаясь къ даннымъ относительно развитія грамотности среди главнѣйшихъ вѣроисповѣдныхъ группъ въ краѣ, необходимо прежде всего отмѣнить разницу въ степени распространенности грамотности между православными и единовѣрцами—съ одной стороны, и старообрядцами и уклоняющимися отъ православія—съ другой.

% грамотныхъ.

	Кіев губ.		Вол. губ.		Под. губ.	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
Правосл. и единов.	23,7	5,3	19,3	3,8	20,2	4,0
Старов. и уклоняющ.	38,6	12,0	22,6	3,8	22,4	2,3

Изъ этой таблички видно, что старообрядцы и уклоняющіеся, въ общемъ болѣе грамотны, чѣмъ православные и единовѣрцы.

Что касается развитія грамотности у другихъ вѣроисповѣдныхъ группъ, то судить о немъ можно по нижеслѣдующимъ даннымъ:

% грамотныхъ.

	Кіев. губ.		Волын. губ.		Под. губ.	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
римско-катол.	44,7	37,7	25,3	20,3	24,3	16,4
протест. всѣхъ наименованій	95,0	52,0	40,3	36,1	73,1	71,4
іудей	48,0	23,8	44,7	21,7	41,3	21,7

Изъ приведенныхъ цифръ видно, что наивысшимъ развитіемъ грамотности обладаютъ протестанты, у которыхъ высока и грамотность женщинъ, значительно при томъ менѣе отличающаяся у нихъ отъ грамотности мужчинъ, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ вѣроисповѣдныхъ группахъ. При всемъ этомъ грамотность вѣроисповѣдныхъ группъ, помещенныхъ въ только что приведенной таблицѣ, значительно выше грамотности вѣроисповѣдныхъ группъ предшествовавшей таблички (православныхъ, старовѣровъ и пр.)

О степени развитія грамотности въ предѣлахъ отдѣльныхъ сословіи можно судить по слѣдующимъ даннымъ:

	Двор. пот. и личн.	Лица дух. зв. хр. ис- повѣд.	Поч. гражд., куп. мѣщ. и др. гор. сос.	Лица сел. сосл. (кр., каз., иностр. посел. и т. п.)	Иностран- ные под- данные.	Итого по краю (всѣ сословія).
% грам. къ общ. колич. лицъ въ сословіи.	70,0	74,0	31,5	11,8	38,0	17,3

Такимъ образомъ наибольшимъ развитіемъ грамотности отличается духовное сословіе (74%), а за нимъ дворянское¹⁾; третье мѣсто по грамотности занимаютъ иностранные подданные и предпоследнее—лица «городскихъ сословіи»: почетные граждане, купцы, мѣщане и т. п. Но несмотря на это, грамотность этой предпоследней группы все-таки почти вдвое выше средней по краю (17,3%) и почти втрое выше грамотности сельскихъ сословіи, безграмотность которыхъ при ихъ многочисленности и оказываетъ свое понижающее вліяніе на цифру процента грамотныхъ по краю.

Эти цифры грамотныхъ слагаются изъ слѣдующихъ:

¹⁾ Въ эту группу включены въ итогахъ переписи дворяне пот. и личные, чиновники не изъ дворянъ и ихъ семьи.

СОСЛОВІЯ.	% кѣ общему количеству грамотныхъ даннаго состоянія и пола.															
	% всѣхъ грамотныхъ.		всѣхъ съ образов. выше начальнаго.		учившихся въ унив.		учившихся въ высш. спец. учеб. завед.		учившихся въ средн. специальн. учебн. зав.		учивш. въ средн. уч. завед.		учившихся въ высш. воен. уч. завед.		въ средн. воен. уч. завед.	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
Двор. и пр. 1)	72,0	68,5	55,4	25,3	12,0	0,4	2,0	0,04	3,5	0,4	27,5	24,5	0,4	10,0		
Духовные	80,5	68,0	62,5	29,0	2,8	— ²⁾	—	—	0,7	—	59,0	28,6	—	—		
Город. сосл.	42,0	21,5	3,6	2,8	0,4	—	0,05	—	0,5	0,01	2,6	2,7	—	0,05		
Сельск. сосл.	20,0	3,2	0,5	1,0	—	—	—	—	0,1	—	0,3	0,8	—	—		
Иностр. поддан.	40,0	35,5	13,2	7,2	2,7	0,1	0,6	—	1,4	0,4	8,5	6,7	—	—		
Средній выводъ изъ данныхъ по этимъ 5 сослов. группамъ.	25,0	8,0	4,9	6,1	0,7	—	0,1	—	0,4	—	3,2	6,1	—	0,4		

1) Заголовки предыд. таблицы.

2) Черточкой обозначены величины менѣе 0,01.

Ясно, что рядомъ съ одинаковымъ процентомъ грамотныхъ среди женщинъ изъ дворянъ и женщинъ изъ духовнаго вѣдомства, духовные отличаются наиболѣе высокимъ развитіемъ грамотности, — именно у мужчинъ. При наиболѣе видномъ процентѣ¹⁾ получившихъ образованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ у духовнаго сословія (и у мужчинъ и у женщинъ), у нихъ сравнительно малъ процентъ лицъ, окончившихъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, который наиболѣе великъ, наоборотъ, именно у дворянъ. Надо замѣтить кстати, что дворяне отличаются также и высшимъ процентомъ окончившихъ среднія военныя учебныя заведенія. Что же касается вообще окончившихъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, то послѣ дворянъ наибольшій процентъ ихъ даютъ иностранныя подданные и затѣмъ духовное сословіе. По распространенности средняго образованія слѣдующее мѣсто послѣ духовенства и дворянъ занимаютъ иностранныя подданные, а затѣмъ городскія сословія, занимающіе такимъ образомъ четвертое (въ ряду указанныхъ сословныхъ группъ) мѣсто и по проценту лицъ имѣющихъ образованіе выше начальнаго. Последнее мѣсто, какъ и слѣдовало ожидать, принадлежитъ во всѣхъ указанныхъ отношеніяхъ сельскому сословію и въ немъ въ особенности женскому полу. Въ общемъ же итогъ для всѣхъ названныхъ сословныхъ группъ (при условіи, что % грамотныхъ женщинъ значительно менѣе % грамотныхъ мужчинъ), въ числѣ грамотныхъ женщинъ получившихъ среднее образованіе вдвое больше, чѣмъ у мужчинъ. Но у обоихъ половъ процентъ лицъ, какъ получившихъ образованіе высшее, такъ и получившихъ образованіе среднее, чрезвычайно малъ, что опять указываетъ на слабое развитіе образованія въ населеніи края.

Надо признать вполне естественнымъ, что при огромномъ преобладаніи русскаго элемента среди населенія края, грамотность на русскомъ языкѣ довольно развита и среди лицъ другихъ національностей. Изъ данныхъ переписи дѣйствительно видно, что у поляковъ, напр., лица грамотныя по-русски превышаютъ число

¹⁾ Къ общему числу грамотныхъ у нихъ.

лицъ грамотныхъ не по-русски, т. е. на другихъ только языкахъ (преимущественно на польскомъ?). То же явленіе наблюдается и у чеховъ и у евреевъ. Нѣмцы же Волынской и Подольской губ. усвоили русскую грамоту менѣе другихъ національностей, благодаря чему грамотные не по-русски у нихъ численно преобладаютъ надъ грамотными по-русски. Интересно также, что и у поляковъ и у нѣмцевъ въ числѣ грамотныхъ не по-русски женщины численно преобладаютъ надъ мужчинами.

Переходя къ даннымъ о промысловыхъ занятіяхъ населенія, необходимо прежде всего остановиться на вопросѣ о степени точности этихъ данныхъ. Точная регистрація промысловыхъ занятій населенія составляетъ одну изъ труднѣйшихъ задачъ подворной переписи даже въ земской статистикѣ, гдѣ это дѣло ведется людьми, обыкновенно вполне подготовленными къ этой работѣ, интересующимися и преданными дѣлу. Не то при данныхъ условіяхъ, когда перепись производилась людьми неопытными и случайными; подъ руководствомъ людей, тоже не обладающихъ достаточнымъ опытомъ и знаніемъ дѣла, имъ порученнаго. Тутъ неточности данныхъ о промыслахъ должны, конечно, значительно усугубиться. Главную трудность правильнаго учета промышленниковъ составляетъ отношеніе самаго населенія къ этому вопросу. Во первыхъ, вопросъ о занятіяхъ обыкновенно вселяетъ въ опрашиваемыхъ подозрѣніе относительно дѣйствительныхъ цѣлей производимыхъ разспросовъ,—подозрѣніе въ томъ, что разспросы о занятіяхъ ведутся съ фискальными цѣлями, для какого-нибудь налога на промыслы. Это, конечно, побуждаетъ многихъ скрывать или по меньшей мѣрѣ умалчивать значеніе занятій, дающихъ имъ тѣ или иныя средства къ существованію. Во вторыхъ, многое зависитъ тутъ и отъ точки зрѣнія самаго населенія на то или иное изъ своихъ занятій. Когда промыселъ осуществляется лишь въ теченіе сравнительно непродолжительнаго времени года, когда онъ маловыгоденъ, приноситъ лишь весьма небольшіе доходы, когда онъ является только нѣкоторымъ подспорьемъ къ какому

либо другому основному занятію (напр., къ земледѣлію) и т. п., многіе искренне не считаютъ его «промысломъ», не придаютъ значенія и умалчиваютъ о его существованіи. Стереотипные отвѣты въ родѣ «какіе наши промыслы: *только званье одно... «съ хлѣба на квасъ — вотъ и толку всего, а тоже промысломъ называется!»*... наилучше всего характеризуетъ отношеніе къ такимъ промысловымъ занятіямъ самого населенія. А при такомъ отношеніи, какъ само собою понятно, учетъ занятій населенія долженъ представить большія трудности даже для людей опытныхъ, искренно интересующихся полученіемъ точныхъ данныхъ, знающихъ народъ, умѣющихъ понимать и говорить съ нимъ.

Таковы причины, обуславливающія трудность точнаго учета знаній населенія и дающія несомнѣнное основаніе думать, что въ данномъ случаѣ учетъ въ особенности долженъ страдать неточностью и неполнотою, т. е. что перепись 1897 г. установила меньшее число лицъ и хозяйствъ «занятыхъ въ томъ или иномъ промыслѣ», чѣмъ это есть въ дѣйствительности. Этими же недостатками должно отличаться и устанавливаемое переписными таблицами раздѣленіе на самостоятельно трудящихся и на членовъ ихъ семей, въ виду трудности установленія въ отдѣльныхъ случаяхъ разницы между самостоятельно и несамостоятельно трудящимися въ томъ или иномъ промыслѣ. Кромѣ того и самое это «раздѣленіе на самостоятельно трудящихся и на членовъ семей», по признанію предисловія къ т. XXXII «Подольская губернія» «не даетъ полной численности дѣйствительно занятыхъ лицъ въ томъ или иномъ промыслѣ» и т. п.

Все это и надобно имѣть въ виду при пользованіи цифрами переписи, принимая ихъ какъ неисчерпывающія дѣйствительности ¹⁾.

Въ дополненіе къ сказанному, прежде чѣмъ приступить къ изложенію выводовъ даннаго отдѣла относительно юго-западнаго

¹⁾ Само собою разумѣется, что безъ новой переписи опредѣлить предѣлы сдѣланныхъ ошибокъ и выяснить точныя дѣйствительныя цифры невозможно.

края, нелишне будетъ указать на тѣ трудности, съ которыми была сопряжена сводка цифръ о занятіяхъ по тремъ губерніямъ для настоящей статьи.

Дѣло въ томъ, что каждый томъ, составляющій сводъ переписныхъ данныхъ по отдѣльной губерніи (т. VIII Волынская г., т. XVI Кіевская и т. XXXII Подольская), состоитъ изъ таблицъ (составленныхъ по одинаковымъ формамъ) и текста, въ которомъ приводится «краткій обзоръ цифровыхъ данныхъ по губерніи». Въ «обзорахъ» цифры таблицъ подытожены въ различныхъ комбинаціяхъ такимъ образомъ, чтобы дать читателю возможность, не прибѣгая къ таблицамъ, составить необходимое представленіе о главнѣйшихъ выводахъ изъ собранныхъ данныхъ. Такимъ образомъ, пользуясь этими «краткими обзорами» и сводя приведенныя въ нихъ и одинаково скомбинированныя цифры по разнымъ губерніямъ въ одинъ общій итогъ, казалось бы легко можно было бы составить и «краткій обзоръ» для трехъ губерній юго-западнаго края, не прибѣгая къ необходимости специальныхъ подсчетовъ по таблицамъ. Но, къ большому сожалѣнію, краткіе обзоры по разнымъ губерніямъ составлены почему то не по одинаковымъ программамъ и съ далеко неодинаковою подробностью. Это устраняетъ возможность по однимъ обзорамъ, не пользуясь таблицами, ознакомиться въ одинаковой подробности съ главнѣйшими выводами изъ данныхъ переписи и вынуждаетъ каждого составителя печатанныхъ обзоровъ (по нѣсколькимъ губерніямъ) прибѣгать для этого къ сложнымъ специальнымъ подсчетамъ. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Въ то время какъ «краткій обзоръ» по Волынской губ. составленъ (г. Паткановымъ) сравнительно очень обстоятельно, такіе же обзоры по Кіевской (г. Львова) и Подольской губ. (г. Бечаснова) написаны чрезвычайно сжато и далеко не исчерпываютъ программы обзора г. Патканова. Помимо разницы въ степени подробности, и самыя цифры «обзоровъ» по разнымъ вопросамъ сгруппированы нерѣдко въ различныхъ комбинаціяхъ, что не даетъ возможности сравнивать ихъ между собою. Явленія эти замѣчаются вообще по всѣмъ отдѣламъ переписныхъ данныхъ. Но особенная разница въ сводкѣ перепис-

ныхъ цифръ замѣчается въ этихъ обзорахъ относительно занятій населенія. По Подольской губ. сводка данныхъ этого интереснаго отдѣла выдѣляется своей краткостью, а по Кіевской она, вульгарно выражаясь, короче куриного носа¹⁾, въ то время какъ по Волынской занимаетъ нѣсколько страницъ текста. И вмѣстѣ съ тѣмъ, несмотря на всю подробность послѣдней сводки и разнообразіе приведенныхъ въ ней цифровыхъ комбинацій, въ ней не оказалось именно тѣхъ изъ нихъ, которыя слѣданы авторами обзоромъ по двумъ другимъ губерніямъ.

Все это, конечно, составляетъ крупный недочетъ названныхъ изданій. Въ данномъ же случаѣ обстоятельство это имѣло то значеніе, что вынудило меня произвести по названному отдѣлу много специальныхъ подсчетовъ для цѣлей настоящей статьи и вмѣстѣ съ тѣмъ сократить разборъ цифръ этого отдѣла до возможныхъ предѣловъ, не исчерпывая даже комбинацій обзора Волынской губ., такъ какъ это повело бы къ слишкомъ большой затратѣ времени.

Данная работа усложнилась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ группировкахъ промысловыхъ занятій по Подольской и Кіевской губ., примѣняясь къ которымъ (ради сокращенія подсчетныхъ работъ) пришлось произвести и подсчетъ однородныхъ данныхъ по Волынской губ., допущень, какъ выяснилось уже послѣ производства подсчетовъ по ней, недосмотръ, вынудившій затѣмъ произвести въ нѣкоторыхъ частяхъ пересчеты тѣхъ же данныхъ наново по всѣмъ тремъ губерніямъ. Дѣло въ томъ, что при комбинаціи занятій по группамъ всегда найдутся такія занятія, которыя могутъ быть, по усмотрѣнію, отнесены къ той или иной изъ намѣченныхъ группъ, между тѣмъ ни въ предисловіяхъ къ описаніямъ губерній, ни въ краткихъ обзорахъ нѣтъ рѣшительно никакихъ указаній относительно того, какіе именно виды занятій отнесены къ намѣченнымъ составителями группировкамъ. Въ данномъ случаѣ группировки занятій, намѣченныхъ составителями

1) Всего 16 строчекъ печати.

обзоровъ по Подольской и Кіевской губ., имѣли въ виду слѣдующее распредѣленіе занятій: 1) «непромысловья», 2) «земледѣліе и добывающая промышленность», 3) «обрабатывающая промышленность», 4) «торговля и средства передвиженія» и 5) «остальные». Недочетъ этой группировки по двумъ губерніямъ (отсутствующій въ сходной группировкѣ по Волынской г.) заключается главнымъ образомъ въ томъ, что въ группу «остальныхъ» отнесено было вообще слишкомъ много разнообразныхъ занятій, которыя правильнѣе было бы обособить въ отдѣльныя группы, и въ томъ числѣ занятія общественною, сословною и административною службой, свободныя профессіи, учебная и медицинская дѣятельность, а также и «вооруженныя силы». Поэтому послѣднія, т. е. «вооруженныя силы», я совершенно выдѣлилъ при новыхъ расчетахъ изъ счета промысловыхъ занятій, первыя же выдѣлилъ въ особую группу интеллигентныхъ занятій¹⁾. Иначе приведенная группировка была бы слишкомъ груба и очень недостаточно группировала бы населеніе по профессіямъ. (Эта то необходимость перегруппировки занятій, какъ само собою понятно, и повела къ пересчету части промысловыхъ данныхъ наново по всѣмъ тремъ губерніямъ).

Здѣсь, заговоривъ о группировкахъ занятій и вмѣстѣ съ тѣмъ закапчивая рѣчь о недочетахъ отдѣла о промыслахъ, не лишнимъ считаю указать на тотъ порядокъ, въ какомъ подсчитаны всѣ занятія населенія въ основныхъ таблицахъ. Промыслы распредѣлены здѣсь не по степени ихъ значенія и распространенности и не по главнѣйшимъ (только что указаннымъ выше) группамъ, намѣченнымъ затѣмъ въ обзорахъ (такъ какъ промыслы разныхъ группъ отчасти перепутаны въ таблицахъ между собою)

¹⁾ При этомъ, благодаря тому, что въ таблицахъ поденщина и прислуга неправильно соединены вездѣ съ «дѣятельностью и службой частною» (которая въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ быть отнесена къ интеллигентнымъ занятіямъ), эту группу занятій пришлось оставить въ «остальныхъ» въ силу невозможности разъединенія въ нихъ интеллигентнаго труда отъ простой работы.

и даже не просто по алфавиту названій отдѣльныхъ занятій, а до извѣстной степени случайно. Но не случайнымъ, конечно, является для такого бюрократическаго учрежденія, какъ централь- ный статистическій комитетъ, отнесеніе во главу всѣхъ занятій населенія подъ *первымъ* номеромъ весьма немногочисленной, сравнительно, группы лицъ, служащихъ по «*администраціи, суду и полиціи*»!.. Надо сказать кстати по поводу тѣхъ же основныхъ таблицъ, что въ нихъ замѣчены и нѣкоторые, вызывающіе недо- умѣніе, пропуски. Такъ, по Кіевской губ., въ таблицѣ ХХІІ со- вершенно отсутствуютъ данныя о промыслѣ «№ 23, выплавка ме- талловъ», тогда какъ онъ существуетъ въ губерніи и не дальше какъ въ таблицѣ ХХІ данныя о немъ проведены по всѣмъ мно- гочисленнымъ графамъ ея.

Окончивъ съ краткой характеристикой отдѣла о промыслахъ, по скольку недочеты его могли повліять на вытекающіе изъ его цифръ выводы, переходжу къ этимъ послѣднимъ:

Группы занятій:	На 100 душъ обоого пола приходится		% населенія кормящагося отъ занятія.
	Лицъ самостоя- тельно трудя- щихся.	Остальныхъ членовъ семьи	
I Земледѣліе и до- бывающая пром.	20	80	74,4
II Обрабатывающая пром.	32,5	67,5	8,5
III Торговля и сред- ства передвижен.	26,0	74,0	7,8
IV Интеллигентн. за- нятія и своб. проф.	32,5	67,5	2
V Непромысловыя	60	40	1,8
VI Остальные	51,5	48,5	5,5
Всѣ занятія	24,0	76,0	100,0

Таблица эта показываетъ, что свыше 74%¹⁾ всего населенія края кормится отъ земледѣлія и добывающей промышленности, что свидѣтельствуеетъ о его земледѣльческомъ характерѣ. Второй по важности группой занятій является промышленность обрабатывающая, отъ которой живетъ 8½% населенія, и затѣмъ занятія торговлей и средствами передвиженія—7,8% населенія. Последнее по распространенности занятій мѣсто принадлежитъ интеллигентнымъ занятіямъ и свободнымъ профессіямъ (2%), а затѣмъ группѣ, не занимающейся никакими промыслами—всего 1,8%. Отдѣльныя губерніи края въ отношеніи этого распредѣленія ихъ населенія по названнымъ группамъ въ общемъ даютъ тѣ же соотношенія. Какъ на болѣе выдающіяся отличія, можно указать только на сравнительно меньшій процентъ населенія, кормящагося отъ земледѣлія въ Кіевской губ. (71,5% вмѣсто 76% въ Подольской и 76% же въ Волынской) и на сравнительно большій въ ней процентъ населенія, кормящагося отъ обрабатывающей промышленности (9,5% при 8% въ Волынской губ. и 7,7% въ Подольской), а также—отъ торговли и средствъ передвиженія (8,3% при 7,3% въ Подольск. губ. и 6,6% въ Волынской губ.).

Обращаясь къ той же таблицѣ (вертикальныя графы 1 и 2-ая), необходимо прежде всего отмѣтить, что въ среднемъ по краю изъ 100 душъ жителей на 24 самостоятельно работающихъ приходится 75 членовъ ихъ семей. Какъ видно изъ таблицы, на этотъ итогъ по краю оказываютъ наибольшее вліяніе цифры, относящіяся къ группѣ занятій: «земледѣліе и добывающая промышленность», какъ безусловно и значительно преобладающія по величинѣ. Въ ней именно, какъ разъ, это соотношеніе наиболѣе рѣзко: на 20 человѣкъ самостоятельно трудящихся тамъ приходится 80 членовъ ихъ семей. Объясненіемъ такой значительной разницы цифръ въ этой группѣ занятій служитъ то указанное въ самихъ же трудахъ по переписи обстоятельство, что у нашего

1) См. третью вертикальную строку только что приведенной таблички.

крестьянства неотдѣлившіеся взрослые сыновья еще не считаются самостоятельными въ своемъ занятіи (какъ то имѣеть мѣсто въ другихъ видахъ занятій), и потому они оказались зачисленными въ составъ семей. Наиболѣе близкія цифры къ только что указанной нормѣ даетъ занятіе торговлей и средствами передвиженія (на 26 самостоятельно трудящихся 74 членовъ семей). У непромысловыхъ (живущихъ доходами отъ капиталовъ и недвижимыхъ имуществъ, средствами отъ родныхъ, отъ казны, обществен. учреждений и частныхъ лицъ, а также небольшой группы лицъ лишенныхъ свободы и отбывающихъ наказаніе) отношеніе это совершенно обратное, такъ какъ на 60 самостоятельныхъ лицъ въ нихъ приходится 50 членовъ семей, такъ же какъ въ группѣ «остальныхъ занятій» (низшіе служащіе при церквахъ, кладбищахъ и т. п., прислуга, поденщики, дѣятельность и служба частная ¹⁾), занятія, касающіяся чистоты и гигиены тѣла, проститутки, лица неопредѣленныхъ занятій и неуказавшія ихъ и лица непричисленныя къ предыдущимъ группамъ занятій), гдѣ это отношеніе опредѣляется цифрами 51,5 на 48,5.

Таковы соотношенія этихъ цифръ въ итогѣ для всего края. По отдѣльнымъ губерніямъ онѣ нѣсколько видоизмѣняются. Прежде всего надо указать, что въ итогахъ для Подольской (24,5 на 75,5) и въ особенности для Кіевской губ. (25,8 на 74,2) отношеніе между числомъ самостоятельно трудящихся и питающихся около нихъ членами семей болѣе благоприятно, чѣмъ въ Волынской губ., гдѣ на 22,8 самостоятельно трудящихся приходится 77,2 членовъ ихъ семей. Наибольшее вліяніе на эту разницу между итогами по губерніямъ оказываетъ, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, наиболѣе многочисленная группа занимающихся земледѣліемъ и добывающею промышленностью, такъ какъ именно въ ней по Волынской губ. на 18,5 самостоятельно трудящихся приходится 81,5 членовъ семей, тогда какъ въ остальныхъ двухъ губерніяхъ эти цифры равны: 20 на 80 въ Кіевской губ. и 20,5 на 79,5 въ Подольской. Въ общемъ же соотношенія вышеуказанныхъ цифръ

¹⁾ О причинахъ включенія ихъ сюда сказано выше.

въ остальныхъ изъ болѣе крупныхъ группъ занятій (II и III) по Волынской и Подольской губ. въ одно и тоже время и близки къ среднимъ по краю, и сходны между собою; цифры же по Кіевской губ. и не такъ сходны съ таковыми же по остальнымъ двумъ губерніямъ, и не такъ близки къ вышеприведеннымъ среднимъ по краю, что видно изъ нижеприведенной таблицы (и на что оказываютъ вліяніе цифры, относящіяся къ г. Кіеву, гдѣ во II группѣ занятій % самостоятельно трудящихся 52, а въ III—45):

Группы занятій:	Кіевская Волынск. Подольск. Весь край. на 100 душъ обоого пола.							
	Трудящихъ самост.	Остальн. член. сем.	Трудящ. самост.	Остальн. член. сем.	Трудящ. самост.	Остальн. член. сем.	Трудящ. самост.	Остальн. член. сем.
I Земл. и доб. пром.	20	80	18,5	81,5	20,5	79,5	20	80
II Обработ. промысл.	35	65	31	69	31	69	32,5	67,5
III Торг. и ср. передв.	28,5	71,5	24,5	75,5	24,5	75,5	26	74
IV Инт. зан. и св. пр.	30	70	32,5	67,5	35	65	32,5	67,5
V Непромысловыя.	59	41	66	34	50	50	60	40
VI Остальные.	55	45	48	52	49	51	51,5	48,5
Всѣ занятія	25,8	74,2	22,8	77,2	24,5	75,5	24,5	75,5

Что касается размѣровъ участія обоихъ половъ въ самостоятельной работѣ по различнымъ занятіямъ, то процентъ самостоятельно работающихъ женщинъ въ общемъ незначителенъ (въ среднемъ на 21 самостоятельно трудящихся мужчинъ 5 таковыхъ же женщинъ) и только въ группахъ занятій: «остальныхъ» и «непромысловыхъ» процентъ самостоятельно трудящихся женщинъ болѣе или менѣе приближается къ таковому же проценту мужчинъ. Но такъ какъ обѣ эти группы незначительны по численности своей, то и оказывается въ итогѣ, что самостоятельный женскій трудъ всетаки развитъ слабо и главное его примѣненіе остается для домашняго хозяйства.

При разнообразіи состава мѣстнаго населенія, весьма интереснымъ является вопросъ о размѣрахъ сравнительнаго участія

отдѣльныхъ народностей въ различныхъ видахъ занятій. Размѣры этого участія видны изъ нижеприводимой таблицы, гдѣ указанъ % участія каждой народности въ соответствующихъ занятіяхъ (при чемъ выдѣлены въ особыя группы малороссы, великороссы и бѣлорусы, чего почему то не сдѣлано въ обзорѣ Подольской губ., гдѣ, вопреки характернымъ особенностямъ этихъ народностей, всѣ онѣ соединены въ одну группу подъ именемъ «русскихъ!»:

	Землед. и добыв. пр.	Обраб. пром.	Торг. и ср. пер.	Интел. зан. и своб. пр.	Непро- мысл.	Осталь- ныя.	
Малороссы	90,0	3,6	0,9	0,7	0,5	4,3	100
Евреи	2,5	31,5	47,5	4,5	3,5	10,5	100
Великорос.	18,4	21,0	13,5	17,0	12,8	17,0	100
Поляки	50,9	13,8	5,8	3,3	6,5	20,6	100
Нѣмцы	82,4	8,1	1,2	1,4	1,3	5,6	100
Чехи	70,3	17,4	3,8	1,2	1,5	5,8	100
Бѣлоруссы	31,7	33,0	11,5	4,8	5,2	13,8	100

Эта табличка показываетъ, что малороссы заняты главнымъ образомъ земледѣліемъ и добывающею промышленностью, что и вполне понятно въ земледѣльческомъ районѣ, гдѣ они составляютъ главную массу сельскаго населенія. Нѣмцы и чехи тоже по преимуществу живутъ этими же занятіями, также какъ и половина поляковъ, но всѣ эти три національности даютъ въ то же время и довольно значительные проценты занимающихся обрабатывающею промышленностью, а частію (кромѣ нѣмцевъ) торговлей и средствами передвиженія. Но наиболѣе высокій процентъ живущихъ отъ этого рода занятій (торговля, средства передвиженія и обрабатывающая промышленность) даютъ евреи, у которыхъ, наоборотъ, наиболѣе слабо развито земледѣліе. Евреи, вмѣстѣ съ поляками, бѣлорусами и въ особенности съ великороссами (все это, какъ мы видѣли, національности, составляющія значительный процентъ жителей городскихъ поселеній) даютъ и наибольшее, сравнительно, количество лицъ, кормящихся отъ интеллигентныхъ занятій (максимумъ у великороссовъ—17%), а также и наибольшій % непромысловыхъ.

Что касается уже затронутого выше вопроса о соотношении между количествомъ самостоятельно работающихъ и числомъ ъдочковъ (остальныхъ членовъ семьи), кормящихся отъ ихъ занятія, то у національностей, по преимуществу занимающихся земледѣліемъ (малороссы, чехи, нѣмцы), замѣчается наименьшій % самостоятельно трудящихся къ общему числу ъдочковъ. Но выше уже было замѣчено относительно мѣстнаго крестьянства, что явленіе это объясняется тѣмъ, что въ его средѣ неотдѣленные сыновья, занимающіеся земледѣліемъ на семью, не считаются самостоятельными работниками; слѣдовательно, на цифры эти оказываетъ извѣстное вліяніе самая условность этого дѣленія (о которомъ въ текстѣ одного изъ обзоровъ приведена оговорка, что оно не имѣетъ исчерпывающаго характера). Надо думать, что та же причина вліяетъ на уменьшеніе % самостоятельно работающихъ (къ общему числу ъдочковъ) также и у другихъ двухъ національностей, занимающихся преимущественно земледѣліемъ, т. е. у чеховъ и нѣмцевъ. По крайней мѣрѣ предположеніе это подтверждается сопоставленіемъ у нихъ % самостоятельно работающихъ въ группѣ земледѣльческой съ таковыми же процентами въ группахъ неземледѣльческихъ.

Группы занятій:	Малороссы		Нѣмцы		Чехи	
	къ общему числу ъдочковъ:		къ общему числу ъдочковъ:		къ общему числу ъдочковъ:	
	% самост. раб.	% остальныхъ	% самост. раб.	% остальныхъ	% самост. раб.	% остальныхъ
Земледѣліе и добыв. пром.	20	80	20,1	79,9	33	67
Остальные занятія:	46,7	53,3	44,5	55,5	44	56,

изъ которой видно, что дѣйствительно среди національностей, занимающихся главнымъ образомъ земледѣліемъ малый % самостоятельно работающихъ наблюдается только въ группѣ, занимающейся земледѣліемъ. Поэтому проведенное въ обзорахъ дѣ-

леніе это по отношенію къ земледѣльческой группѣ занятій является очень условнымъ и приблизительнымъ. Устранивъ же названную группу по этой причинѣ изъ разсмотрѣнія и примѣняя тотъ же приемъ дѣленія населенія только къ остальнымъ группамъ занятій, мы неизбежно придемъ къ заключенію, что самое невыгодное соотношеніе между числомъ самостоятельно работающихъ и количествомъ ѣдоковъ при нихъ имѣется у евреевъ (27,7%)¹⁾, что видно изъ слѣдующаго сопоставленія процентовъ самостоятельно трудящихся къ общему числу ѣдоковъ:

	Мал.	Евреи	Вел.	Пол.	Нѣм.	Чехи	Бѣлор.	Въ средн. выводѣ
у всѣхъ группъ занятій кромѣ землед. и добыв. пром.:	46,5	27,7	51	42	42	42,5	68	37,5

Наиболѣе выгодное соотношеніе, какъ видно изъ этихъ же цифръ, наблюдается у бѣлорусовъ (68%)²⁾ и великороссовъ (51%).

Ограничиваясь сводкой только этихъ главнѣйшихъ выводовъ изъ опубликованныхъ данныхъ переписи 1897 г., относящихся къ Юго-западному краю, необходимо оговориться, что самое статистическое изслѣдованіе 1897 г. носило исключительно демографическій характеръ и лишь въ дополненіе къ даннымъ по демографіи попутно собраны были краткія свѣдѣнія о занятіяхъ населенія. Изъ программы переписи 1897 г. совершенно были исключены данныя по экономикѣ населенія, и эта самая перепись послужила даже препятствіемъ къ производству спеціальнаго статистико-экономическаго изслѣдованія Юго-западнаго края въ періодъ генераль-губернаторства графа А. П. Игнатъева, на что мною было уже указано въ статьѣ «Нужды статистики въ Юго-

1) Значительно ниже средняго (37,5) для всѣхъ національностей вмѣстѣ взятыхъ и каждой въ отдѣльности.

2) Что можетъ быть объясняется тою или иною случайностью, такъ какъ эта группа населенія въ край весьма немногочисленна.

западномъ краѣ»¹⁾. Такимъ образомъ краткостью программы переписи 1897 г. опредѣляются и узкія рамки сдѣланной мною сводки выводовъ изъ переписныхъ данныхъ въ настоящей статьѣ. Съ другой стороны односторонность собранныхъ данныхъ (относящихся почти исключительно къ области демографіи) не даетъ возможности найти въ опубликованномъ переписномъ матеріалѣ объясненія нѣкоторыхъ полученныхъ выводовъ, которыя приходится поэтому только констатировать, не пытаясь ихъ объяснить. Надо замѣтить кстати, что хотя изслѣдованіе 1897 года и страдало, какъ сказано, односторонностью своей программы, тѣмъ не менѣе даже и то, что было собрано переписью, передъ опубликованіемъ подверглось значительнымъ сокращеніямъ. На производство переписи были, какъ извѣстно, ассигнованы спеціальныя и при томъ огромныя средства, размѣръ которыхъ предопредѣленъ былъ заранѣе составленной смѣтой. Но «Особое совѣщаніе, образованное по высочайшему повелѣнію, въ январѣ 1902 г., подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутр. дѣлъ, сенатора П. Н. Дурново, на которое, въ виду опредѣлившагося къ тому времени недостатка ассигнованныхъ на перепись суммъ, было возложено окончательное установленіе общаго плана дальнѣйшей разработки матеріаловъ первой всеобщей переписи населенія 1897 г. и опредѣленіе суммы необходимыхъ для сего расходовъ, нашло предположенную центральнымъ статистическимъ комитетомъ программу разработки *слишкомъ обширной*²⁾ и признало необходимымъ съ цѣлью возможнаго сокращенія дальнѣйшихъ расходовъ, *значительно*³⁾ ограничить ея рамки³⁾.

Но несмотря на такія «значительныя» сокращенія, разработка и опубликованіе переписныхъ данныхъ значительно за-

1) «Кіевская Старина» 1898 № 11.

2) Курсивъ мой.

3) Предисловіе къ VIII т. переписи (по Волынск. губ.); тамъ же приведенъ и перечень произведенныхъ сокращеній программы разработки переписныхъ данныхъ.

поздали: данныя по 3 губерніямъ Юго-западнаго края опубликованы только во второй половинѣ 1904 года, слѣдовательно на седьмой только годъ послѣ производства переписи. Поэтому данныя эти и вытекающіе изъ нихъ выводы являются значительно устарѣвшими, что тоже нельзя упускать изъ виду какъ при пользованіи ими, такъ, конечно, и при чтеніи настоящей статьи.

А. Личковъ.

Українські оповідання А. П. Стороженка

род. 1805, ум. 1874.

Историко-литературные отзывы о писателѣ. Біографія и литературные труды ёго. Повѣствовательные и описательные элементы, лиризмъ и юморъ автора. Историко-этнографическій характеръ повѣствованій. Марко Проклятый. Значеніе литературной дѣятельности Стороженка.

Въ очеркахъ исторіи малорусской литературы были попытки установить значеніе и отвести подобающее мѣсто малорусскимъ повѣствованіямъ А. П. Стороженка. Проф. Петровъ опредѣленно, но мало доказательно, утверждалъ, что всѣ рассказы и повѣсти Стороженка съ этнографическимъ и бытовымъ содержаніемъ отличаются веселымъ комизмомъ и служатъ продолженіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ прежней каррикатурной и комической литературной дѣятельности Котляревскаго, Гулакь-Артемовскаго и др., но съ тою существенною разницею, что темы для своихъ комическихъ рассказовъ Стороженко заимствовалъ изъ устной народной словесности и иногда пользовался мотивами народныхъ сказаній. Проф. Дашкевичъ осторожно, но неопредѣленно, указалъ по поводу этого утвержденія, что не было ли бы удобнѣе выдѣлить нѣкоторыхъ писателей, напримѣръ Н. В. Гоголя, Стороженка, Раевскаго, Свидницкаго, въ особую группу украинскихъ беллетристовъ-изобразителей народного быта и воспроизводителей народныхъ преданій и повѣрій? Проф. Огоновскій никакой новой точки зрѣнія на произведенія Стороженка не высказалъ,

несмотря на пространное изложеніе и подробную передачу содержанія ихъ. По его мнѣнію,—и фантастичности много, и исторической правды не мало: «Стороженко любовавъ ся въ романтизми и видтакъ прикрашавъ фантастычными выдумками не тилько творы устной словесности народпой, але иноди и подіи исторычни... Все жъ таки зъ того фантастычного сьева вырынають справдешни запорожци, котрыхъ исторычный образъ уважае ся подекуды идеализованнымъ тилько за-для фантастычной декораціи». Огоновскій не согласенъ съ Петровымъ по поводу его оцѣнки этнографически-бытовыхъ повѣствованій, но ничего яснаго не даетъ, только вза-мѣнъ ея стороною дѣлаетъ намекъ на нѣкоторое сближеніе таланта Стороженка и Квитки-Основьяненка. Дѣйствительно, кое что сходно въ ихъ литературной фізіономіи, но многое различно. Оба они владѣли малорусской народной рѣчью въ совершенствѣ, оба были мастерами въ веденіи разсказа, оба, кромѣ повѣстей и разсказовъ, обращались еще и къ драматической формѣ (мелодраматическія сцены Стороженка «Гаркуша»), но избѣгали размѣренной стихотворной рѣчи, наконецъ, оба оставили послѣ себя нѣсколько произведеній, полныхъ настоящаго южно-русскаго юмора. Но далѣе сходство двухъ малорусскихъ писателей не идетъ, и занимаютъ они въ исторіи малорусской литературы мѣста весьма различныя: Квитка—одинъ изъ первыхъ провозвѣстниковъ натурализма въ малорусской (отчасти и великорусской) литературѣ, одинъ изъ первыхъ писателей-народниковъ въ опредѣленномъ смыслѣ этого слова, онъ же — создатель малорусской, такъ называемой, «прозы»; Стороженко — временный и до извѣстной степени случайный гость въ малорусской литературѣ, талантливый и сильный разсказчикъ — и ничего больше. Въ этомъ, мы надѣмся, можно убѣдиться изъ самаго краткаго обзора его жизни и литературной дѣятельности.

Прежде всего мы должны помнить, что Стороженко, съ одной стороны, малорусскій писатель (произведенія его на великорусскомъ языкѣ весьма малоцѣнны), а съ другой — представитель крайней бюрократіи, настоящій «государственный чиновникъ». Происхожденіемъ онъ былъ изъ козацкаго рода (подъ 1610 г.

упоминается его предокъ, какъ «полковникъ войскъ запорожскихъ»). Родился А. П. въ Полтавской губерніи ровно сто лѣтъ назадъ; установить точнѣе дату его рожденія мы никакъ не могли: вѣрнѣе всего, что онъ родился 17-го марта, когда, по старинному обычаю, и праздновалъ свои именины. Воспитанный въ Петербургѣ, въ кадетскомъ корпусѣ, Стороженко съ 1823 по 1831 г. проходилъ военную службу, участвовалъ въ русско-турецкой войнѣ, усмирялъ польское возстаніе, а потомъ перешелъ на гражданскую службу въ качествѣ чиновника особыхъ порученій при Кіевск. Генер. Губернат., извѣстномъ Д. Г. Бибиковѣ, а затѣмъ—при немъ же, какъ министрѣ внутр. дѣлъ. Въ 1863 г. мы застаемъ его въ томъ же положеніи при М. Н. Муравьевѣ въ сѣверо-западномъ краѣ. Онъ, между прочимъ, обладалъ большимъ искусствомъ въ раскрываніи самыхъ трудныхъ слѣдственныхъ казусовъ, хотя не былъ слѣдователемъ по служебной профессіи, но къ данному его таланту ген. Бибиковъ обращался иногда въ случаяхъ затруднительныхъ и особенно важныхъ. Въ концѣ 60-хъ гг. Стороженко жилъ въ своей усадьбѣ «Горишинъ» около гор. Бреста Литовскаго, состоя уѣзднымъ брестскимъ предводителемъ дворянства и предсѣдателемъ сѣзда мировыхъ судей, т. е. находился въ рядахъ обрусителей-чиновниковъ, осѣвшихъ въ западномъ краѣ послѣ возстанія. Тамъ же онъ и умеръ 7 ноября 1874 г. и похороненъ. Отмѣтимъ, что это былъ упорный и безусловный врагъ поляковъ, которые рисовались ему и въ исторіи, и въ современномъ быту исключительно своевольными шляхтичами. Рвеніе его по службѣ въ борьбѣ съ польскимъ элементомъ иногда выходило даже за предѣлы правительственныхъ намѣреній: такъ, когда онъ служилъ въ западномъ краѣ, былъ поднятъ вопросъ о богослужебномъ языкѣ для католиковъ этого края, и Стороженко явился горячимъ защитникомъ введенія русскаго языка, но встрѣтилъ отпоръ во взглядахъ нѣкоторыхъ администраторовъ («Правда», 1875, VIII). Таковы немногія біографическія данныя, которыя извѣстны до сихъ поръ объ А. П. Стороженкѣ. Среди этой чиновничьей дѣятельности онъ отдавался отъ времени до времени литературной работѣ. Объемъ литературнаго матеріала, оставленнаго имъ, не

великъ. Въ 1863 г. вышло два томика его «Украинськихъ оповиданнь»—21 повѣствованіе. «Споминки про Ник. Коржа» и истор.-драматич. картины «Гаркуша»; въ 1879 напечатана поэма «Марко Проклятый»; кромѣ того, въ «Основѣ» же, гдѣ помѣщено и большинство разсказовъ двухтомнаго изданія, появились «Стехинъ Рогъ» (1861 г. № 1) и «Матусине Благословення» (1861 № 9); по великорусски напечатаны — «Братья Близнецы» («Библиотека для чтенія» 1857), «Сотникъ Петро Серпъ» (изъ XVII в.) 1858 г., переводы на великорусскій языкъ повѣстей Квитки «Свѣтлый праздникъ мертвецовъ», «Солдатскій портретъ» и «Козырь-дѣвка» (1860 — 1861 г.); остальные печатныя произведенія и другія мелочи, помимо развѣ воспоминаній о Гоголѣ («Отеч. Зап.» 1859 г. № 4), не имѣютъ никакого значенія. Отсюда мы видимъ, что почти вся малорусская литературная дѣятельность А. П. Стороженка, кромѣ поэмы, относится къ неполнымъ двумъ годамъ, 1861-му и 1862-му, т. е., во-первыхъ, послала диллетантскій характеръ ¹⁾, во-вторыхъ, поддерживалась въ немъ украинскимъ народническимъ настроеніемъ до польскаго возстанія, послѣ котораго сочинительства А. П., уже исключительно на общелитературномъ языкѣ, могли появляться только въ такихъ изданіяхъ, какъ пресловутый «Вѣстникъ Западной Россіи», и не имѣли никакихъ литературныхъ достоинствъ.

Остановимъ свое вниманіе на художественной дѣятельности Стороженка и сдѣлаемъ обзоръ его украинскимъ оповиданьямъ, чтобы опредѣлить общія черты литературнаго творчества. Прежде всего мы должны отмѣтить, что онъ былъ необыкновеннымъ мастеромъ разсказа. Нѣкоторые разсказы А. П.—небольшіе пустяки, «приказки» анекдотическаго характера, передача народныхъ сказаній и бродячихъ разсказовъ. Таковы: «Се така баба, що чортъ їй на маховыхъ выдахъ чоботы оддавъ», «Вчы лишнього не мо-

¹⁾ Диллетантомъ былъ онъ и въ другихъ проявленіяхъ своихъ поэтическихъ настроеній: Стороженко хорошо игралъ на віолончели; какъ скульпторъ, имѣлъ даже академическую медаль; какъ художникъ, извѣстенъ проектомъ памятника Нестору лѣтописцу.

лотомъ, а голодомъ», «Нехай лучше буде злий, чимъ дурный», «Скарбъ», «Чортова корчма», «Дурень», «Жонатый чортъ», «Два браты», «Стехиць Рогъ» и др. Иногда искусство разсказа, выразительность и сила изложенія достигаетъ высокой степени. Наряду съ этимъ часто встрѣчаются необыкновенно сжатые, сильные и образныя описанія малорусской природы: почти каждая повѣсть, даже небольшой разсказъ, сопровождаются художественными описаніями большой яркости. Въ оповіданні «Закоханый чортъ» мы на первой же страницѣ читаемъ описаніе природы Слободской Украины:

Якъ переходыся черезъ ричку Харьковъ... тутъ заразъ починаетця оттой великый боръ, що высоки сосны ажъ хмару підпырають. Оцежъ вамъ и Основа, де батько нашъ Квитка збывъ собі зъ своихъ повистей такой мицный човень, що до вику вичнѣго буде плавать по плюгавій ричці Лети. (Далѣ слѣдуетъ сцена народнаго гулянья въ Основѣ). Проїхавши килька верстовъ боромъ, станешъ підниматця на гору. Тутъ вже темна соснына почына минатця зъ дубомъ, лыною, клыныною, уже стае гущише, гущише; дерево переилелось витами, якъ те волосся; оришныкъ, глody, шенщина позросталысь, стоять, якъ добра огорожа. Чимъ дальше йдешъ, тимъ граще врода: пышы и долынкы зъ прогалынами, якъ рута зеленымы, и яры зъ проваллямя, що якъ глянешъ, то голова закрутытця. Мій Боже мылый, що за лись! Якого тутъ нема дерева! И высокыхъ, велычезныхъ, и старыхъ, скорченыхъ и похнюпыхъ, що вже вику свого дожывають. Инше, зламане хуртовыною и опалене блискавкою, стоить собі край дороги, якъ чернецъ; тамъ трухлявый пенъ схыливсь, якъ той старецъ зъ торбою. Куды ни глянь—усе тебе чаруе, прывитае, усе тоби всмихаетця. Здаетця, сама ридна наца Украина выйшла тоби на зустрічь: то спогляне на тебе гарячимъ сонцемъ, то прытулытця пахучымъ холодкомъ изъ темного лису, то промовить писнею, то озоветця соловейкомъ жайворонкомъ, то неначе граетця зъ тобою: затурчыть у вухо горлыцею, залоскоче тыхесенькымъ витерцемъ... Якъ одйдешь одъ Харькова верстовъ двадцять, лись почына ридиты. Зъ высокои горы уже выдко село Мерехву, зъ церквамы, дзвыныцямы, садкамы и левадамы—геть-геть розкынулось по долини. За селомъ блищать течія, затоки и озера

Мжи. Потекла вона у-ливо промижъ кущивъ верболозу и вильхи; а напроты гладко стелетця зъ могилами шырокій степъ. Сывіе старенькій, якъ море, мріе, мріе, поки не зійдетця зъ небомъ, а небо зъ землею. Гуляйте очи, гуляйте думы, якъ колысь гуляло по сему степу вильне козацтво!

Въ повѣствованіяхъ и описаніяхъ Стороженко является не только мастерскимъ рассказчикомъ, но и глубокимъ лирикомъ. Многія страницы въ его оповиданняхъ проникнуты сильнымъ лиризмомъ, иногда пѣсколько искусственнымъ, чаще искреннимъ, мягкимъ, полнымъ грусти и печали. Прочтите, напримѣръ, рассказъ стараго гайдамаки въ одной изъ лучшихъ повѣстей «Киндратъ Бубненко Швыдкій» о прошломъ народномъ горѣ, которое выливается тяжелой, горячей, кровавой слезой въ народно-козацкихъ возстаніяхъ... Мы напомнимъ читателю одно только мѣсто изъ оповиданья «Прокіпъ Ивановичъ». Тамъ два козака—Прокіпъ и Грыцько Ключныкъ—трогательно прощаются съ Сичью послѣ ея разрушенія:

Мы перейхали у човни на другой берегъ Днипра, зійшли на гору и глянули на Кошъ. Якъ на долони передъ нами. Зовсимъ опорожнивсь, де ни де побачышь козака, и курени поразвалювались, други зовсимъ розібрани; тильки стоить одна церковця, неначе стара ненька, выпроводившы диточокъ и попрощавшысь зъ нымы на вики вични. Прокіпъ Ивановичъ упавъ на колина и ставъ прощатця зъ Сиччю. Що винъ казавъ—не пам'ятаю, тай не чувъ—такъ важко стало! Здавило серце, неначе обценьками; не стямивсь, якъ и самъ упавъ, на колина и, вже не знаю зъ чого, ставъ чытать: «ныни отпущаешн раба твоего, Владыко, по глаголу твоему зъ миромъ». Хочъ, правду кажучы, и не було того миру, та вже бачу, такъ уста промовылы одхидну молитву нашому бездольному козацтву. Встали, обнялысь, крикко прытулылысь одынъ до одного и гірко заплакали. «Въ першый разъ, якъ жыву на свити», каже Прокіпъ Ивановичъ, «оце заплакавъ». «И я въ першый», кажу. «Було до чого и прыберегаты цю слезу», каже Прокіпъ, «Теперечки мы, Грыцьку, не сичовыкы, не лицари, та все таки честни люде: свое отдады, та чужого не загарбалы! Охъ, важко, каже, и не вымовышь: здається, якъ бы

все те лыхо, що на серци, выхопылось словомъ, то й каминь, почувшы, триснувъ бы и выливъ зъ себе родныкъ слизъ». «Такъ, кажу, такъ!» Та прыхылывшысь одынь до другого плачемо. Ще разъ глянулы на кошъ, поклонылысь на вси чотыри стороны, перехрестылысь тай пишы. Идемо мовчки; у кожного одно горе на думци.

Какъ лиризмъ, особенно въ описаціяхъ, такъ юморъ въ повѣствованіяхъ, являются постоянными настроеніями автора, сопровождають и проникають весь характеръ его рассказовъ изъ украинской жизни. Въ оповиданні «Закоханый чортъ», цѣннымъ только отдѣльными картинами и блестками неподдѣльнаго юмора, запорожець Кирило съ чортомъ Трутикомъ, какъ рассказываетъ Стороженко,

пишы поручъ, якъ товариши. Дидь изъ своего рижка натрусить чортови кабаки, а чортъ ему натрушуе своєї—такый вслужливый. Скоро дидь набѣ люльку, а чортъ заразы вогню выкреше. Дидь згадавъ про горилку, а чортъ заразы и частуе, и на закуску тягне зъ сумки печену качку и пшевышний буханецъ. Выпившы и попойившы, дида взяла охота подратувать чорта: хотивъ бувъ перехрестыть его, та подумавъ: пурь ему, хоть винь и чортъ, а все таки товаришь,—не честно товариша обижать. Дали якъ глянувъ на чорта, то ажъ жаль его стало: иде, звисывшы голову, неначе на шыбеныцю его ведутъ (дѣдъ пообѣщаль чорту помочь въ сватовствѣ на Одаркѣ, за что онъ долженъ былъ ему служить 5 лѣтъ конемъ; но запорожець усумнился въ правдивости чортоваго слова; тотъ даль ему отвѣтъ:.) «Намъ не велено — не то обманювать, а и зацепляты Запорождивъ; бо вони бьютця за православну виру. Та не велика и корысть, каже, колы якого и завербуешь: убьютъ его на вѣйни, а винь вже й не нашъ. Видки визьметця Петро зъ ключемъ и одбывъ: такъ и товче на того брата, не розглядаючи чы де око, чы де морда; а ще якъ выхопытця Мыкола, то швыдче втикай, бо вернешся у пекло безъ хвоста,—отдыре!» «А багато у васъ у пекли запорожчивъ?» пыта дидь. «Нї однисенького: яки булы, то й тихъ повыганялы». «За що жъ ихъ повыганялы?» пыта дидь. «Для нашего брата вамъ жалко и кутка въ пекли?» «Колыжъ такой гармидеръ роблять»,

каже чортъ, «що усихъ чортивъ изъ пекла порозгонялы. Хиба не чувъ про того Марка, що товкся по пеклу?» «Щожъ воны вамъ роблять?» спытавъ дидь. «Понапываютя горячой смолы», розскаже чортъ, «якъ тїен горилки, позалазять у печи, тай почнуть шпурлять видтиля головешкамы. Разъ трохи пекла не спалылы. Або ляже на сковороду, тай звельть пидпаловать себе. Печешъ его, печешъ, ажъ шкура на тоби трискаетця, а вінъ тебе лае, кепкуе зъ тебе та крычыть на усе пекло, що змерзъ. Вида зъ вымы». Идутъ чортъ и дидь дальше. Якъ пишли по надъ Лыманомъ, той переличыты не можно, що тихъ чортевятъ повыскакувало зъ болота. «Здрастуйте, дядечку!» озываютьця до чорта, а дида такъ жахаютьця: бачуть, що Запорожець. «Не бійтесь, дитки», каже чортъ, «се, щобъ вы знали, мій свать Кырыло». Дидь розсказувавъ, що бисенята поки ще молоди, то зелени, якъ осытнякъ,—нема у нихъ ни риживъ, ни кыгтивъ. Тай втишни-жь, розсказувавъ: бигають, крутятця, якъ жабы, граютьця, якъ коненята; пирне у воду, а нижки высуне зъ болота тай дрыга. Дидь хотивъ бувъ ихъ подратувать, показавъ имъ дулю (кукишъ), такъ воны у одынъ голосъ такъ и запыскотылы: «Спасыби вамъ, дядечку Кырыло, за вашу ласку». А чортъ и каже: ты ихъ и цукеромъ не годуй, тильки покажы имъ дулю.

Тотъ же дѣдъ розсказывалъ, что онъ,

разъ заспорывсь и въ закладъ пишовъ, що пойиде у Бахчисарай и самому Крымському ханови у вичи плюне. И шо бъ вы думалы? Понйхавъ тай плюнувъ, тай ще добре вылаявъ. Дидь знатно лаявсь,—у якогось москаля вчывсь: «ты, каже, хане, покійного чорта племенныкъ, бусурманськый, кательцькый, анахвемськый, гаспытивъ сынъ, трыста тоби чортивъ у жывить».

Эта сценка какъ то неволью напоминаетъ картину Рѣпина «Запорожцы, пишущіе отвѣтъ Султану». Но наиболѣе цѣльнымъ изъ подобныхъ полныхъ юмора разсказовъ являются, конечно, «Вусы». Кто не помнитъ всей этой трагикомедіи съ усами, кто не любовался картиной появленія старосвѣтскихъ дворянъ изъ Опшны. выборныхъ засѣдателей, въ передней предсѣдателя передъ невѣдомой книгой для записи визитеровъ? Самый «пысьменный» изъ нихъ Кирилло Онуфріевичъ Пищи-Муха изобразилъ въ ней стихи:

И вчора галушки, и сегодня галушки,
 Прийды, прийды, серденько, на били подушки.
 И учора кулишъ, и сегодня кулишъ,
 Прийды, прийды, серденько, мое сердце потишъ.

Другой засѣдатель начерталь:

Спробувавъ пера й черныла,
 Що въ ему за сыла.
 Такъ перо пише,
 Якъ муха дыше.

А Назаръ Семеновичъ Тупу - Табунець - Буланенький «при сей вирной оказіи щей жалобу на своего сусида напысавъ, що зйивъ у него «многоплоднаго» индыка». Самъ рассказчикъ, полагая, что роспиской въ книгѣ посѣтителей они приглашаются предсѣдателемъ на закуску, написалъ: «буду, хлиба—соли не цураюсь». Да хто его и сподивавсь, яка тамъ хлибъ-силь буде... Кто могъ подумать, что придется перенести и разность начальства, и усы сбрить... Однако, среди смѣхотворнаго приключенія, среди «смишкивъ», въ рассказѣ этомъ звучитъ и другая нота, напоминающая о чиновничьемъ произволѣ,—когда, говоритъ авторъ, разыскивали среди законовъ статью о томъ, распространяется ли на военныхъ въ отставкѣ съ мундиромъ ношеніе усовъ или не распространяется, авторъ воспоминаетъ время, когда законовъ, за неписанкою ихъ, никакъ не могли розыскать и тогда: «таке було лыхо, що не повирыте: колы скажуть, що право ношенія не то вусивъ—голови на твоихъ плечахъ не распространяетця, то не турбуйтеся и шукать (законовъ) чи воно правда, чи брехня,—стынай голову, та такъ и ходы».

Какъ мы уже упоминали и какъ можно было видѣть изъ нѣкоторыхъ приведенныхъ выше отрывковъ, въ повѣствованіяхъ Стороженка преобладаютъ историко - этнографическіе элементы. Онъ относился своеобразно къ этой важнѣйшей сторонѣ своихъ произведеній. Историческое прошлое украинской жизни А. П. идеализировалъ и рисовалъ рѣзкими, яркими, такъ сказать, «героическими» красками. Этнографическій же матеріалъ перераба-

тываль, комбинироваль и излагаль, нисколько не гоняясь за этнографическою точностью. Такой характер носить почти всѣ рассказы Стороженка. Одна сказка, впрочемъ, записана была стенографически,—это «Тры сестры» «Спомынки про Ник. Леон. Коржа» носить наибольше сохранившуюся близость къ этнографической записи; въ нѣкоторыхъ же оповиданняхъ непосредственная характерность рассказа остается на лицо, что особенно можно сказать объ одномъ изъ лучшихъ произведеній А. П. «Межигорський дидь». Въ немъ старая бабуся Орыся рассказыываетъ о давнемъ прошломъ, и колоритность рассказа ея сохранена въ цѣлости:

Ну, такъ бачите... Що жъ я таке розказувала? Отъ їй же Богу забула... Якъ згадуешъ молоди лита, то здаеця и не вернулась би назадъ,—тамъ бы зъ думкою и осталась! Эге, про думки, про ченця (межигорського диди). «Хочешъ, каже, я тебе навчу писнямъ и думкамъ? Якъ я вмру, то вони ще зъ тобою проживуть який часъ». Отъ я и вивчылась, и старшу дочку навчыла, такъ шкода-жъ: дочка моя вмерла, а зъ нею и писни й думки. Та ще якъ небога вмерла! наглою смертю: глиныще завалыло, и ии й прыдавыло... Писля себе оставыла двое диточокъ,—хлопчыка и дивчынку, манюсенькихъ, ще такъ тильки що одъ земли пиднялись. Тай сыротамъ не давъ Богъ талану: увука отдалы въ некруты и пигналы пидъ турка, то тамъ десь у шпитали и вмеръ, а увучка... Опять забрехалась! Що бо я розказувала? Їй же Богу забула! Эге! Навчывъ мене чернечий дидь писнямъ и думкамъ, и яки жъ гарни булы ти писни и думки! Такъ до серця и прыкыпили. Дебъ не була, куди бъ не пішла, а вони за мною, якъ курчата за квочкою. Засну, такъ и въ сонъ мій залитають, якъ ти бжилки, що гудуть въ витахъ лыпы, якъ вкрьетця вона пахучимъ двытомъ; а теперечки усе забула, усе развіялось, якъ та роса, що ниhto й не зна, куды вона ховаеця и т. д.

Какъ на образецъ сильной литературной переработки народныхъ рассказовъ и «приказокъ», мы укажемъ хотя бы на оповиданія «Дурень», въ которое вошелъ рядъ бродячихъ рассказовъ, искусно скомбинированныхъ Стороженкомъ. Историческая идеализація,

особенно запорожцевъ—дидивъ», достигаетъ высшей точки въ изображеніи и характеристикѣ пасичника Дороша (рассказъ того же названія).

Особенно, однако, выразительно сказываются указанные особенности литературныхъ приѣмовъ повѣствователя, переходяція въ недостатки, въ его послѣднемъ по времени созданія литературномъ трудѣ «Марко проклятый» (напеч. 1879). Это повѣствованіе' Стороженко пожелалъ назвать поэмой и самъ цѣнилъ ее выше всѣхъ своихъ произведеній. Въ предисловіи къ нему онъ говоритъ, что Марко Проклятый—«отверженный скиталець, котораго за грѣхи не принимаютъ ни земля, ни адъ. У малоросіянъ существуетъ поговорка: товчетця, якъ Марко по пеклу, стало быть въ изустномъ преданіи народа должна существовать и легенда о походженіяхъ Марка. И вотъ, болѣе тридцати лѣтъ отыскивалъ я и собиралъ куски раздробленной легенды и успѣлъ много собрать. По народнымъ преданіямъ, походженія Марка относятся къ далекимъ временамъ Запорожской Сѣчи и имѣютъ связь съ войною 1648 г., бывшею послѣдствіемъ возстанія Хмельницкаго. Поэма эта выношена подъ сердцемъ. Народныя преданія для нея добывались ревностно изъ устъ народа во многихъ мѣстахъ». Мы отказываемся признать за предсмертнымъ произведеніемъ Стороженка какую то особенную цѣнность, несмотря на долгое собраніе матеріала и долгую работу надъ излюбленной поэмой: она не только не представляетъ шага впередъ сравнительно съ болѣе ранними повѣствованіями, но рельефно выказываетъ недочеты литературнаго таланта и литературныхъ приѣмовъ автора, подчеркиваетъ въ гораздо большей степени тѣ несовершенства, которыя сказывались, но не такъ рѣзко, въ предшествующій періодъ его художественнаго творчества. Въ поэмѣ переплетены въ одно цѣлое какъ этнографическій матеріалъ, такъ и историческія свѣдѣнія изъ эпохи Богд. Хмельницкаго. Все это насыщено измышленіями авторской фантазій и сдобрено гиперболическими по ужасу рассказами и «патріотическими» тирадами. Благодаря прикрасамъ, этнографическій матеріалъ въ поэмѣ теряетъ всякую цѣну. Съ этой точки зрѣнія, гораздо, напримѣръ,

и цѣниѣ, и интереснѣе записъ вирши о «Маркѣ пекельномъ», помѣщенная въ «Кіев. Старинѣ» 1885 г. № 8. Историческая обстановка носить подобный же прикрашенный и невѣрный колоритъ. Хотя авторъ старается яко бы сохранить историческую точность (есть и ссылки на источники), но далекъ отъ нея даже въ разсказѣ о Вовгуряжцахъ, похождения которыхъ могъ бы изобразить хотя бы по «Повѣсти о томъ, что случилось на Украинѣ XVII в.». Желаніе автора произвести «ужасное» впечатлѣніе приводятъ самага непредубѣжденного и нетребовательнаго читателя къ обратному настроенію. Смѣшно становится, когда читаешь описаніе умиранія, видѣній и возврата къ жизни величайшаго въ мірѣ преступника Марка, убившаго мать, сестру, невѣсту, ея возлюбленнаго и мн. др., или же вскармливанье его кровью живыхъ птицъ, изображеніе лютейшихъ истязаній поляковъ надъ козаками и обратно и т. п. Вотъ ведутъ козаковъ подъ изряднымъ конвоемъ для мученій и казни изъ замка Вишневецкаго къ лобному дубу, на которомъ ихъ вѣшали. Одинъ изъ пановъ Пиднальскій,

Зибравши кинци (веревки, связывавшей запорожца Кобзу) у ливу руку, подрався на дуба и выбравшись на середину сухого гилля, прымостывся якъ разъ надъ Кобзою и гукнувъ: «А пидіймайте «харцыза». «Тай важкый же дявольскый сынъ», крехтили патеръ и жолниръ, пидіймаючи Кобзу. Панъ Пиднальскій натягнувъ виверку и ставъ завъявувать. Не вспивъ винъ у друге завузлыть, якъ зъ лысты просунулась здоровенна рука и вхопыла его за чубъ; блыснувъ кинжаль, и окомъ не змыгнуть, якъ разомъ зъ обезголовленнымъ трупомъ звалывся зъ дуба чоловікъ въ чорному кобеняку и татарскій кучми. Но доторкуючись ще до земли, винъ одною рукою затопывъ патера по тимью, а другою жолнира у высокъ такъ, що обидва попадады мертвы. Щука (стремянный кн. Вишневецкаго), побачывши се, выхопывъ шаблю, та не вспивъ замахнутця, якъ той чоловікъ пирнувъ ему кинжаль у груди, у саме сердце. Жолниры схопылысь було за палаши, та бачать, що вже и Кобза зъ розвязанными руками хапаетця за саблю Щуки, повернулы назадъ тай чкурнулы на втикача.

Понятно, что герой этот был никто иной, как Марко—вѣчный освободитель козацтва въ трудныя минуты. Идеализация козацтва, особенно запорожской удали, доведена въ послѣдней поэмѣ Стороженка до высшихъ предѣловъ, далеко превосходящихъ всякую дѣйствительность и вѣроятность. При этомъ не только симпатіи, но слѣпое преклоненіе руководить авторомъ по отношенію къ землякамъ, и самая глубокая ненависть—ко всему польскому и, въ значительной степени, къ еврейскому. Испытывая всевозможныя нечеловѣческія муки, подвергаясь жесточайшимъ казнямъ, казаки ни въ чемъ не выказываютъ человѣческихъ слабостей, весело шутятъ, издѣваются надъ мучителями и гордо гибнутъ безъ единого звука о пощадѣ или снисхожденіи. Конечно, иначе ведутъ себя враги ихъ, когда попадаютъ въ подобное же положеніе, — они малодушны и смѣшны, громко раздаются ихъ просьбы и вопли о пощадѣ, а одинъ, напримѣръ, претолстый и заносчивый (это ужъ само собою разумѣется) панъ «крычыть особлыво», когда съ него живого сдираютъ кожу, проклинаетъ и козаковъ, и патеровъ, и тотъ день, когда родился, и даже самого папу и т. п. Вообще въ изображеніи отрицательныхъ сторонъ «пановъ-ляховъ» Стороженко не жалѣетъ густыхъ мазковъ и черныхъ красокъ. Любопытно, что широко набросанная картина жизни богатой польской шляхты въ Лубенщинѣ (Полт. г.) въ срединѣ XVII в. мало носитъ характерныхъ чертъ именно этого времени, а можетъ быть скорѣе отнесена къ характеру магнатской и вельможной жизни второй половины XVIII в. (и позже). Черты эти относятся, безъ сомнѣнія, и къ самодурству нѣкоторыхъ представителей польскаго высшаго класса, владѣвшаго тогда уже землями на западъ отъ Днѣпра, но если говорить о лѣвобережной Украинѣ (да вообще о Россійскомъ государствѣ того времени), то собранныя и сгруппированныя А. П. черты нравовъ крѣпостной эпохи, какъ нельзя лучше, могутъ характеризовать и нѣкоторыя (не менѣе частыя, чѣмъ въ польскомъ обществѣ) проявленія самодурства въ XVIII в. и среди великорусскихъ, и среди малорусскихъ помещиковъ, предковъ и земляковъ того же Стороженка. Евреямъ авторъ удѣляетъ меньше вниманія, болѣе отдѣляется насмѣш-

ками, характеризуя только въ самомъ концѣ поэмы всѣхъ ихъ, огуломъ, какъ націю.

«Скільки Марко не вештався по свиту Божому, а ниде не бачивъ, щобъ жидъ бувъ якимъ небудь хлиборомъ и щобъ хоть зерно хлиба зйивъ одъ своихъ робочихъ у степу рукъ, або збудувавъ хату, або зробивъ колесо, або полагодивъ его, або бувъ ковалемъ; а то ничогисенько того не роблючи, джиркочуть тильки та дурять людей хрещенихъ, та обманствомъ добувають гроши и живутъ собі панамы».

Стороженко писалъ, что «каждый народъ имѣетъ своего скитальца: древніе греки — Одиссея, французы — вѣчнаго жида, испанцы — Мильмота, у нѣмцевъ и англичанъ ихъ не перечтешь, у русскихъ — Басей Безсмертный, а у малороссіанъ — Марко Проклятый, но, кажется, малороссійскій Марко *заткнетъ за поясъ всѣхъ другихъ скитальцевъ*». Вообще же это не только не «кажется», но весьма сомнительно, а въ частности въ томъ изображеніи, которое ему придалъ нашъ авторъ, совершенно невѣрно. Отзывъ о поэмѣ престарѣлаго малорусскаго писателя Гулака-Артемовскаго: «зъ роду лучшого не чытавъ и до смерти вже не прочытаю», — конечно, одно только недоразумѣніе. Поэма Стороженка и съ этнографической, и съ исторической, и съ художественной, и съ общественно-эпической точки зрѣнія самое большее по объему, но и самое слабое по литературному значенію произведеніе повѣствователя.

Такимъ образомъ, мы могли убѣдиться, что въ дѣйствительности А. П. Стороженко краткое время, всего около двухъ лѣтъ, серьезно отдался творчеству на малорусскомъ языкѣ. Попытка его слишкомъ черезъ десять лѣтъ выступить на то же поприще съ большой художественной поэмой, въ которой онъ какъ бы старался ссумировать свое литературное творчество, оказалась вполне неудачной. То, что было недостаткомъ малозамѣтнымъ и нехарактернымъ въ первыхъ произведеніяхъ Стороженка, проявляется въ послѣднемъ съ особенною и настойчивою рѣзкостью: онъ хотѣлъ придать поэмѣ цѣльность, а она оказалась мозаикой,

сложеной изъ неискусно обдѣланнаго матеріала, раскрашенной въ фантастическіе кричащіе, неестественные цвѣта; онъ хотѣлъ придать Марку Провліятому широкій, обобщающій, даже какой то идейный смыслъ, а поэма оказалась ходульно - тенденціозной мелодрамой сомнительной идейности и художественной цѣнности. Нѣкоторые блески прежняго таланта рассказчика, мастерского изобразителя украинской природы, лирическаго настроенія расцвѣваются въ общей нагроможденной массѣ фантастически историческихъ и этнографическихъ картинъ; тонкій юморъ совсѣмъ отсутствуетъ. Между тѣмъ этотъ своеобразный описательно-повѣствовательный характеръ таланта Стороженка, сильно выраженный лиризмъ и юморъ его и составляютъ наибольшую цѣнность и придаютъ значеніе его украинскимъ оповіданнямъ 1861 — 1862 годовъ. Правда, въ теченіе всей жизни автора не покидалъ ни его талантъ рассказчика, ни лиризмъ и юморъ и выражался и въ устной живой бесѣдѣ, и въ наброскахъ для себя и для близкихъ, но только временно онъ отдался дѣйствительному малорусскому литературному движенію — это время связано для него преимущественно съ изданіемъ журнала «Основа» и съ именами Кулиша, Костомарова и друг. Не даромъ они тогда же издали нѣкоторыя его оповідання для народа въ видѣ маленькихъ дешевыхъ брошюръ, такъ называемыхъ «метелькивъ». Не даромъ А. П. посвятилъ имъ нѣкоторыя свои произведенія, напримѣръ, «Вусы» — Кулишу, «Сужена» — Костомарову, а всѣ свои оповідання — «любимъ моимъ землякамъ». Эти люди и это движеніе толкнуло его на путь литературной малорусской дѣятельности, вскорѣ угасшей. Оно осталось для Стороженка въ прошломъ, какъ только въ прошломъ рисовалась ему и его родина, и ея козацкіе сыны, и ея мирные обитатели, ихъ радости и горести, и та «чудная украинская природа, согрѣтая горячимъ полуденнымъ солнцемъ», которая недолгое время навѣвала на его душу «сѣмена поэзіи и чаръ». Въ заключительныхъ словахъ «Матусыного благословення» авторъ говоритъ: «Пойихавъ я и все думавъ, яка то гарна старовина була! Що за люде, що то за души були у насъ пидъ ту вельку Руину! Та дежъ воно дилося? На що переводы-

лось, що теперъ мало такихъ людей задержалось на свити, простыхъ, щирыхъ и богобоязливыхъ... Тильки и жыты намъ спо-мынкамы»... Да, Стороженку оставалось жить только ими, что лишъ и было для него цѣннымъ въ его родной Украинѣ...

Думается намъ, что мы не ошибемся, если скажемъ, что малорусская литературная дѣятельность нашего автора, именно его украинскія оповидання, опредѣляетъ не пзвѣстную стадію въ поступательномъ движеніи въ общемъ развитіи малорусской литературы, а только характеризуетъ одну изъ сторонъ историческаго момента, пережитаго украинскимъ движеніемъ въ концѣ 50-хъ и самомъ началѣ 60-хъ годовъ: въ этихъ ограниченныхъ рамкахъ и заключается значеніе украинской литературной дѣятельности А. П. Стороженка.

Иг. Житецкій.

Василій Назаровичъ Каразинъ.

(Его жизнь и общественная дѣятельность).

(Окончаніе¹⁾).

Г Л А В А XII.

Могила и портреты В. Н. Каразина. Заключение. Генеалогическая таблица рода В. Н. Каразина.

Погребенъ Василій Назаровичъ Каразинъ въ г. Николаевѣ. Могила находится за кладбищенскою церковью, на восточной сторонѣ ея; надъ могилой былъ поставленъ памятникъ, представлявшій собою обыкновенную небольшихъ размѣровъ капицу, выстроенную изъ камня, безъ особыхъ архитектурныхъ затѣй; въ сѣверо-восточномъ углу капицы стоялъ столикъ и на немъ двѣ старыя иконы съ лампадой²⁾. Изображеніе надгробнаго памятника помѣщено въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и въ I-мъ томѣ «Исторіи Харьковскаго Университета» проф. Д. И. Багалѣя. Къ 1889 году старый памятникъ былъ уже очень ветхъ: во многихъ мѣстахъ сверху до низу образовались сквозныя трещины въ стѣнахъ, несомнѣнно предполагающія близкое и совершенное разрушеніе памятника³⁾. Теперь могила Василя Назаровича имѣетъ еще болѣе жалкій видъ. У задней стѣны памятника была похоронена старушка, сопровождавшая В. Н. Каразина въ Крымъ и бывшая свидѣтельница его смерти. Она нѣкоторое время ухаживала за могилой умершаго господина и, умирая, просила по-

¹⁾ См. Киевск. Стар., № 7--8.

²⁾ «Южный Край» 1889 г. 17 января, № 2766.

³⁾ Тамъ-же.

хоронить себя какъ можно ближе къ могилѣ Вас. Наз—ча. Теперь могила этой старушки провалилась, началъ заваливаться въ сторону ея ямы и памятникъ-каплица В. Н. Каразина. Харьковскій университетъ ассигновалъ нѣкоторую сумму на реставрацію надгробнаго памятника.

Портретовъ В. Н. Каразина существуетъ 4, по крайней мѣрѣ мы имѣли 4 разныхъ копіи съ нихъ. Двѣ копіи съ портретовъ Каразина (въ болѣе молодомъ возрастѣ), можетъ быть, сдѣланы даже съ одного и того же оригинала, ибо лицо В. Н. Каразина поразительно одинаково. Разница только въ позѣ: на одномъ снимкѣ, гравированномъ въ Лейпцигѣ Геданомъ и приложенномъ къ біографіи В. Н. Каразина, составленной Я. В. Абрамовымъ, изображенъ бюстъ Каразина, находящагося въ прямомъ положеніи; на другомъ, приложенномъ впервые въ Русской Старинѣ 1875 г. (апр.), изображенъ, повидимому, бюстъ Каразина тѣхъ же лѣтъ, при чемъ голова склонена на лѣвую руку. Оригиналъ послѣдняго снимка написанъ (акварелью) на слоновой кости французскимъ эмигрантомъ Де-Шатобуромъ¹⁾, проѣзжавшимъ въ 1803 году черезъ Харьковъ и списавшимъ съ братьевъ Каразиныхъ (Вас. Наз — ча и Ивана Наз — ча) одинаковой величины портреты. Портретъ Ивана Назаровича сохранился у его сына Ивана Ивановича Каразина и находится въ имѣніи его Основинцахъ (Богод. уѣзда), а портретъ В. Н. Каразина теперь неизвѣстно гдѣ: у И. И. Каразина сохранился списокъ съ этого портрета въ нѣсколько увеличенномъ форматѣ, срисованный Б. И. Каразинымъ. При жизни Филадельфа Вас. Каразина портретъ хранился у него въ футлярѣ, на крышкѣ котораго выбито было самымъ Василюемъ Назаровичемъ золотыми буквами: «для моихъ друзей», а съ другой стороны: «въ 1803 г. на тридцатомъ году жизни». Вас. Наз. изображенъ очень моложавымъ (даже для своихъ лѣтъ) съ голубыми глазами и темно-русыми густыми, недлинными волосами; на немъ синій сюртукъ-плащъ, какіе тогда носили. Шея новязана пестрымъ платкомъ-галстухомъ. Съ этого портрета была снята фотографія Филадельфомъ К — нымъ, которая передана въ свое время комитету по постановкѣ Каразину памятника. Въ 1847 году академикъ Шведе списалъ масляными красками съ упомянутаго портрета копію въ увеличенномъ видѣ; этотъ списокъ висѣлъ до 1880 года въ бібліотекѣ Харьковского универси-

¹⁾ Харьк. Губ. Вѣд. 1892 г. № 287. «Опытъ ист. Х. ун — та» т. I, проф. Д. И. Багалія.

тета, а теперь хранится въ музеѣ университета. Наверху портрета, по срединѣ, на серебряномъ щитѣ, находится слѣдующая надпись печатными буквами: «Василій Назаровичъ Каразинъ, Почетный членъ Императорскаго Харьковскаго Университета наиболѣе содѣйствовавшій къ его учрежденію», затѣмъ курсивомъ: «Изображенъ на 30 году жизни (1803). Скончался 1842, ноября 4-го въ г. Николаевѣ, Херсон. губ.». Копіи съ портрета напечатаны, какъ сказано, въ Русской Старинѣ за 1875 годъ (апр.), также въ Харьковскихъ Губ. Вѣдомостяхъ за 1892 г. № 287, Южномъ Краѣ 1892 г. № 3793, Кіевской Старинѣ за 1892 г. (февраль).

Одинъ изъ портретовъ В. Н. Каразина въ старческомъ возрастѣ написанъ масляными красками художникомъ Е. И. Колтуновскимъ, которому покровительствовалъ и такъ старался помочь въ поѣздкѣ его за границу для окончанія художественнаго образованія В. Н. Каразинъ. Портретъ написанъ послѣ смерти Каразина «вѣроятно по наброскамъ, которые относятся къ 1842 году»¹⁾. Оригиналъ въ 6 вершк. въ вышину и полуовальной формы, съ лѣвой стороны монограмма Колтуновскаго. Вас. Назаровичъ изображенъ въ профиль сморщеннымъ старичкомъ съ рѣдкими волосами на головѣ и нависшими бровями. Этотъ портретъ принадлежитъ теперь проф. Н. О. Сумцову, а копія была помѣщена въ Южномъ Краѣ за 1892 г. № 4066.

Другой портретъ В. Н. Каразина въ преклонномъ возрастѣ помѣщенъ въ «Опытъ исторіи Харьковскаго университета» т. I. проф. Д. И. Багалъя. Это портретъ вырѣзанный на деревѣ съ дагерротипа, снятаго въ Одессѣ, передъ смертію В. Н. Каразина въ 1842 году²⁾.

Какой же смыслъ жизни и дѣятельности В. Н. Каразина? Была ли продуктивна его работа и соотвѣтствовали ли ея содержанію достигнутые результаты?

«Я иду впередъ съ малыми надеждами, безъ всякой поддержки, подвигаюсь медленно по путямъ, наполненнымъ стремнинами и терніями заросшимъ. Я льщусь принести *нѣкогда*³⁾, можетъ быть, не прежде, какъ уже по смерти моей, пользу дра-

¹⁾ Проф. Н. О. Сумцовъ. Южный Край 1892 г. № 4066, 4-е ноября.

²⁾ Украинская Старина, стр. 164. Тотъ же портретъ былъ помѣщенъ въ Историческомъ Вѣстникѣ за 1900 г., июнь.

³⁾ Курсивъ подлинника.

жайшему моему отечеству. *И тогда*¹⁾ уповая быть оправданъ». Вотъ самое краткое и, въ то же время, замѣчательно вѣрное опредѣленіе жизненнаго пути В. Н. Каразина, имъ самимъ сдѣланное²⁾. Въ самомъ дѣлѣ, вся жизнь Каразина представляетъ рядъ порывовъ, стремленій создать нѣчто грандіозное, великое. Цель — благо и слава родины, средство — общественная дѣятельность. И сочиненія, и образъ дѣйствій В. Н. Каразина носятъ одинаковый характеръ — стремленія соединить на совмѣстную работу всѣхъ членовъ великой родины или, по крайней мѣрѣ, «полуденной Россіи». Основаніе Харьковскаго университета, образованіе филотехническаго общества, крестьянскія учрежденія, характеръ благотворительности Каразина, настойчивость предложеній составлять акціонерныя общества для промышленныхъ предприятий³⁾, проекты о всероссійскомъ метеорологическомъ комитетѣ⁴⁾, о совмѣстномъ и повсемѣстномъ въ Россіи собираніи историческихъ документовъ, взгляды на роль «общественнаго мнѣнія», наконецъ, постоянное стремленіе къ публицистической дѣятельности⁵⁾, — все это доказываетъ, что Каразинъ «шелъ впередъ» на

1) Курсивъ подлинника.

2) Въ «письмѣ къ гр. А. А. Арачкееву отъ 12 янв. 1814 года. Собрн. Ист. мат. Канц. Е. Вел. СПб. 1878 г., стр. 439.

3) Кромѣ Филотехническаго общества, Каразинъ проектировалъ акціонерныя общества въ статьяхъ: 1829 года «О самомъ удобнѣйшемъ способѣ сохранять и на больш. разст. перевозить питательн., дѣлебн. и въ рукодѣляхъ употребл. вещества изъ царства животн. и раст.»; 1838 г. «О торгѣ за границу хлѣбными спиртами»; 1840 г. «О химическихъ превращеніяхъ»; 1841 г. «О значеніи Харькова для полуден. Россіи».

4) «Письмо къ В. Г. Муратову», (Сынъ Отечества 1817 № II). Тоже: «Письмо Муратова — Марченку» (Собрн. ист. мат. в. II, Спб. 1889, стр. 508 — 512) и письмо В. Н. Каразина В. Р. Марченку (Тамъ же, отр. 514).

5) Въ продолженіи своей жизни В. Н. Каразинъ издавалъ 4 журнала:

«Журналъ для Императрицы Маріи Ѳеодоровны» (1801 г.) рук.

«Ежемѣсячное сочиненіе объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія» (1803 г.)

«Акты Филотехническаго Общества» (1817 — 1829) и

«Гражданинъ Вѣрноподанный» (1834 г.) рукописн.

Кромѣ того проектировалъ неудавшіяся изданія:

«Собесѣдникъ изъ Украйны» (1806 г.).

«Отечественный Архивъ» (1828 г.)

и неизвѣстно подъ какимъ названіемъ журналъ, замысленный въ 1820 г. (См. Письмо митроп. Евг. Болоховит. къ В. Г. Анастасевичу отъ 16 апр. 1820 г. Русс. Арх. 1889 г. т. II, стр. 342).

поприцѣ общественной дѣятельности. Онъ стоялъ выше современнаго ему общества, но недостаточно понималъ, или, вѣрнѣе, считался съ окружающей его обстановкой; эту послѣднюю ему приходилось *чувствовать*.

Попытки подвинуть по пути прогресса современное общество привели къ самымъ жалкимъ результатамъ. Отъ грандіознаго проекта южно-русскаго, а можетъ быть и славянскаго, университета — осталась жалкая тѣнь «по нѣмецкому образцу устроеннаго»¹⁾, «испорченнаго и портимаго Харьковскаго»²⁾. Это единственный существенный успѣхъ В. Н. Каразина, при жизни, о которомъ можно сдѣлать категоричное заключеніе. Значеніе дѣятельности В. Н. Каразина было понято близко знавшими его людьми и немногочисленнымъ кругомъ ученыхъ современниковъ, предложившихъ ему званіе почетнаго члена 7 ученыхъ корпорацій³⁾. Большинство же общества не понимало В. Н. Каразина и нерѣдко надъ нимъ издѣвались и «убивали пренебреженіемъ»⁴⁾ его творчество. Достаточно вспомнить «терпія», доставляемая Каразину членами интеллигентнаго общества — нападки Воейкова, Державина, Васильчикова, насмѣшку Аракчеева и иронію Гулакь-Артемовскаго; надо только прослѣдить хоть исторію Филотехническаго Общества, чтобы представить себѣ, сколько добрыхъ начинаній и открытій гибло въ «стремнинахъ» неподвижности провинціального и чиновной важности столичнаго общества.

1) Слова В. Н. Каразина. Письмо къ Аракчееву отъ 12-го янв. 1814 г. «Сборн. Ист. мат. 1-го отд. Канц. Е. Вел. Спб. 1878 г. стр. 440.

Тоже самое повторяетъ Фил. Вас. Каразинъ въ „Письмѣ къ Тройницкому о жизни отца. Русс. Арх. 1894 г. т. I.

2) Письмо В. Н. Каразина къ С. Н. Муханову отъ 21-го сент. 1831 г. Русск. Стар. 1903 г., апр., стр. 16.

3) Каразинъ числился:

«Почетнымъ членомъ Московскаго университета» (съ 1805 г.).

«Ординарнымъ членомъ Московскаго Общества Естествоиспытателей» (по даннымъ — въ 1807 г.).

«Почетнымъ членомъ Харьковскаго университета» (съ 1811 г.).

«Почетнымъ членомъ Общества Любителей Россійской словесности при Москов. университет.» (съ 1818 г.).

«Почетнымъ членомъ С.-Петербуркскаго Общества Любителей Россійской Словесности» (по даннымъ — 1820 г.).

«Почетнымъ членомъ Общ. Ист. и Древн. Росс.» (по даннымъ — 1827 г.).

Членомъ Вольно-Экономическаго Общества.

4) Слова Вас. Наз. Каразина.

Но можно ли сказать, что значеніе Каразина исчерпалось ролью его въ жизненной дѣятельности? Можно ли сказать, что съ Каразинымъ умерли его недосказанныя мысли, его идеи набросанныя смѣлой кистью художника? Нѣтъ! Еще при жизни Василя Назаровича стали приводиться въ исполненіе имъ составленные, можетъ быть, у него заимствованные проекты ¹⁾; еще задолго до смерти онъ сознавалъ, что опередилъ окружающее его общество, что «нѣкогда», — когда общество разовьется до возможности понять *Каразина* — идеи его воскреснуть и «принесутъ ему больше славы, чѣмъ даже основаніе Харьковскаго университета» ²⁾.

И правда! Кто знаетъ, что теперешнія чаянія обновленія университетской жизни были высказываемы В. Н. Каразинымъ еще въ 1802 и 1810 годахъ, что школы Общества Грамотности выполняютъ только отчасти идею его «о воспитаніи женскаго пола въ низшихъ состояніяхъ», что современные Сборники Историческихъ Матеріаловъ даютъ только слабое понятіе о проектѣ «Отечественнаго Архива», что предсказанія за годъ впередъ погоды — лишь начало богатыхъ идей Каразина о метеорологіи и воздушномъ электричествѣ... Кто знаетъ, какова судьба прочихъ многочисленныхъ идей Василя Назаровича Каразина, сохранившаяся часть которыхъ скоро будетъ доступна разбору всѣхъ свѣдущихъ лицъ? Не Фусы, а новые Каразины поймутъ и продолжатъ дѣло Василя Назаровича и статуя «оправданнаго» вдохновеннаго труженника, съ прстянутой рукой, будетъ долго указывать *путь* сынамъ родного «любезнаго» ³⁾ края — идти впередъ».

Н. Тихій.

¹⁾ Разумѣемъ идею о паровомъ отопленіи, опубликованную Кипферлингомъ, и о паровомъ водяномъ двигателѣ. См. X. Г. В. 1841 г. № 20 и «Москвит.» 1842, II, 3.

²⁾ Неизв. авт. статьи: «В. Н. Каразинъ и господство надъ природою». Рус. Арх. 1982 г. кн. 5.

³⁾ Такъ любилъ называть Украину Василій Назаровичъ.

Генеалогическая таблица Каразиныхъ.

Григорій Караджи, (Софійскій Архіепископъ въ Болгаріи).

Александръ Караджи (капитанъ русской гвардіи).

Назаръ Каразинъ (отецъ В. Н. Каразина).

Василій

Иванъ

Иванъ

Борисъ Иванъ.

Василій, Георгій, Филадельфъ, Александръ, Николай, Валеріанъ.

Николай

Николай,
(извѣстный художникъ
и беллетристъ).

Вадимъ †.

Борисъ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Научная критика, памфлетъ или пасквиль?¹⁾

(По поводу брошюры г. И—ва «В. Н. Каразинъ, мнимый основатель харьковскаго университета»).

„...Недостатки не умаляют общепризнанныхъ заслугъ, а только освѣтятъ ихъ истиннымъ свѣтомъ“.

(Н. А. Лавровскій).

Недавно появилась въ свѣтъ подь вышеприведеннымъ заглавіемъ брошюра г. И—ва, снлящагося доказать, что В. Н. Каразинъ былъ не выдающійся общественный дѣятель, а преступникъ, достойный тяжкихъ уголовныхъ каръ. Авторъ называетъ В. Н. Каразина знаменитымъ авантюристомъ (стр. 5), жалкимъ маниакомъ, страдавшимъ манією величія и преслѣдованія (стр. 6), человѣкомъ съ разстроеннымъ воображеніемъ (10), невмѣняемымъ (26), малообразованнымъ коллежскимъ совѣтникомъ (10), мелкопомѣстнымъ дворяниномъ (6), мелкимъ чиновникомъ (7), канцелярскою крысою, письмоводцемъ (10), мелкою чиновничьею сошкою (24), лжецомъ (12—13), обманщикомъ, желавшимъ выпутаться изъ обмана новымъ обманомъ (14—16), «пошлымъ доносчикомъ» (23), доносившимъ и на губернатора Артакова (17), и на попечителя Румовскаго (23), и на Министровъ народнаго просвѣщенія Завадовскаго и на кн. А. Н. Голицына (23), и на харьковскій университетъ (30), и на журналы, и на писателей (37), и на Библей-

¹⁾ Перепечатано изъ „Южн. Края“ № 8467.

ское Общество, и на секты (38), шельмовавшимъ въ своихъ-доносахъ всѣхъ и вся и такимъ образомъ какъ бы укоряющимъ самого Императора (42), сдѣлавшимъ въ Петербургѣ изъ доносовъ и шпионства свое ремесло (33) и имѣвшимъ своихъ собственныхъ доносчиковъ (40); онъ противопоставляетъ тайныхъ совѣтниковъ и графовъ, занимавшихъ высокіе государственные посты, мелкой сошкѣ, нищему богодуховскому дворянину (23), обвиняетъ его въ подкупѣ царскихъ лакеевъ (6) и дворянъ (15), въ сочиненіи подложнаго письма къ Императору Павлу и извращеніе исторической правды (5), въ неудачной попыткѣ прикарманить 4,000 руб. университетскихъ денегъ и въ присвоеніи денегъ Каретникова и Захаржевскаго (19), основываясь на «явной преступности его въ растратѣ университетскихъ суммъ», готовъ признать его воромъ (21), обзываетъ «Предначертаніе» его о харьковскомъ университетѣ «глупѣйшимъ фантастическимъ планомъ» (14), дѣятельность по части найма мастеровъ и приобрѣтенія эстамповъ «дѣлишками», роль его въ дѣлѣ основанія харьковского университета неблаговидной (29), а замѣчательную коллекцію эстамповъ Аделунга, имъ приобрѣтенную, «ненужнымъ хламомъ» (18); заявляетъ, что отзывъ Державина о немъ, какъ о человѣкѣ не весьма завидной честности, нужно признать слишкомъ умѣреннымъ (5—6), что «проекты», поданные имъ Императору Александру, не достаивались другого мѣста, кромѣ корзины подъ столомъ (8), что «этотъ маньякъ былъ ни при чемъ въ ассигнованіи харьковского дворянства и сыгралъ въ данномъ случаѣ скорѣе отрицательную роль (13), что благодаря поведенію его и нѣсколькихъ его благопріятелей, это благое дѣло превратилось въ пошлую интригу (15), единственная же заслуга его состоитъ въ томъ, что онъ велѣлъ прибить къ зданію, отведенному подъ университетъ, доску съ надписью: Государственный университетъ, за что памятникъ поставить нельзя (17); говорить, что «этотъ поборникъ мракобѣсія предупредилъ и далеко опередилъ въ своихъ ретроградныхъ взглядахъ даже знаменитаго гасителя просвѣщенія Магницкаго» (32), что основанное имъ Филотехническое Общество чрезъ нѣсколько лѣтъ было закрыто, и Каразинъ преданъ суду по обвиненію членами его въ мошенничествѣ акціями (33), что Императоръ Александръ учинилъ ему «Высочайшую головомойку» и указалъ на всю мерзость его поступка, ибо онъ, дворянинъ, сообщаетъ Императору чрезъ придворныхъ лакеевъ свои пасквили (24), что совѣтъ харьковского университета избралъ его въ почетные члены, боясь его доносовъ (29);

утверждаетъ, что столяры, слесаря и т. п., по его мысли, должны были занять *кафедры* по своей специальности въ университетѣ (17); по поводу заключенія его въ крѣпость по обвиненію въ политическомъ преступленіи выражается такъ: «по поводу бунта въ Семеновскомъ полку въ 1820 г. онъ *угодилъ* въ Петропавловскую крѣпость» (34), а затѣмъ прибавляетъ: «В. Н. Каразинъ дѣйствуетъ не по сезону, невпопадъ и безтактно, подобно Иванушкѣ-дурачку. И потому неудивительно, что и его такъ же вздули, какъ и послѣдняго» (42); «всѣ современники смотрѣли на него, какъ на несчастнаго и вреднаго чело-вѣка! И ужъ конечно, *презирали* совсѣмъ не за то, за что думалъ самъ Каразинъ» (44).

Заключаетъ свою критику авторъ такимъ обличеніемъ университета и харьковскаго общества: «На основаніи всего изложеннаго читатель, мы увѣрены въ этомъ, пойметъ, что за личность былъ Каразинъ. Памятникъ ему въ Харьковѣ будетъ вѣчнымъ позоромъ и для харьковцевъ, и для харьковскаго университета» (45).

Я извиняюсь передъ читателями, что заставилъ ихъ ознаномиться со столькими гнусными обвиненіями, направленными противъ давно уже почившаго общественнаго дѣятеля, которому общество и университетъ ставятъ памятникъ. Очевидно, такой «заборной» литературы, плещенной столькими непристойными эпитетами, не могло помѣститься на своихъ страницахъ ни одно уважающее себя повременное изданіе—и данное произведеніе должно было по необходимости выйти отдѣльною брошюрою. Приведенныя *in extenso* выдержки, совершенно не соответствующія достоинству печатнаго слова, ясно показываютъ, съ какого рода произведеніемъ мы имѣемъ дѣло. Къ критической исторіи, которая должна быть безпристрастна, эта, брошюра во всякомъ случаѣ никакого отношенія не имѣетъ. Ее нельзя причислить и къ популярно историческимъ трудамъ, потому что эти послѣдніе, основываясь не на первоисточникахъ, а на пособіяхъ, все же добросовѣстно излагаютъ ихъ содержаніе.

Изъ дальнѣйшаго разбора мы убѣдимся, что это — не историческій трудъ, а нѣчто среднее между памфлетомъ и пасквилемъ, и если мы останавливаемся на немъ, то только потому, что тема, затронутая авторомъ, представляетъ глубокой общественный интересъ. Само собою разумѣется, что въ настоящей замѣткѣ нѣтъ возможности подвергнуть систематическому разбору всѣ измышленія и

ложныя заключенія автора.—Такой раборъ, одобренный историко-филологическимъ факультетомъ, сколько мнѣ извѣстно, будетъ напечатанъ скоро въ запискахъ харьковскаго университета однимъ молодымъ специалистомъ въ этой области; — я же ставлю себѣ одну цѣль, — доказать, что брошюра не имѣетъ никакого научнаго значенія, и что ея нисколько не разрушены выводы о В. Н. Каразинѣ даже старыхъ работъ проф. Н. А. Лавровскаго.

О дѣятельности В. Н. Каразина и въ частности о роли его въ дѣлѣ основанія харьковскаго университета существуетъ цѣлая литература. Авторъ разбираемой брошюры кореннымъ образомъ расходится со своими предшественниками въ оцѣнкѣ дѣятельности и личности В. Н. Каразина; выходитъ такимъ образомъ, что *все* заблуждались, и при томъ не въ какихъ либо частностяхъ, а въ самыхъ существенныхъ, коренныхъ вопросахъ. Конечно, возможно допустить ошибки у каждаго изъ писавшихъ о В. Н. Каразинѣ. Но совѣмъ невѣроятно, чтобы *все* писавшіе о В. Н. Каразинѣ ранѣе автора брошюры такъ грубо ошиблись въ самомъ основномъ — признали полезнымъ, выдающимся общественнымъ дѣятелемъ челоуѣка, достойнаго презрѣнія. Невозможно этого допустить, между прочимъ, и потому, что каждый изъ предшественниковъ г. И — ва основывался на документальныхъ данныхъ и стремился добросовѣстно къ достиженію научной истины. Авторъ же брошюры не только не вводитъ никакихъ новыхъ документовъ о В. Н. Каразинѣ, которые позволили бы ему освѣтить личность его съ иной стороны, а, наоборотъ, очень мало освѣдомляеъ въ пособіяхъ и еще менѣе того въ первоисточникахъ.

Чтобы сказать «новое слово» о В. Н. Каразинѣ, необходимо было предварительно опровергнуть выводы и Г. П. Данилевскаго, и Н. А. Лавровскаго, и Я. В. Абрамова, и мои, и наконецъ, г. Тихаго. Г. П. Данилевскій первый привелъ въ извѣстность значительный запасъ разбросанныхъ въ разныхъ изданіяхъ матеріаловъ, и далъ монографію о немъ, нашедшую компетентную оцѣнку со стороны Императорской академіи наукъ. Н. А. Лавровскій въ своихъ работахъ преимущественно остановился на центральномъ вопросѣ — уясненіи роли В. Н. Каразина въ дѣлѣ основанія харьковскаго университета и сдѣлалъ это на основаніи богатыхъ данныхъ университетскаго архива. «Свѣдѣнія эти, говоритъ онъ, сами отвѣчаютъ за свою точность. Мы позволили себѣ дѣлать выводы изъ нихъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда эти

выводы прямо вытекають изъ фактовъ, заключающихся въ означенныхъ официальныхъ документахъ». Я. В. Абрамовъ, хотя даль популярный очеркъ (въ Павленковской серіи біографій замѣчательныхъ дѣятелей), но воспользовался въ немъ для оцѣнки политической дѣятельности его цѣнными данными, опубликованными сыномъ В. Н. Каразина, Филадельфомъ Васильевичемъ. Мнѣ также удалось найти рядъ новыхъ документовъ для біографіи В. Н. Каразина и характеристики его роли въ дѣлѣ просвѣщенія и основанія харьковского университета, и я воспользовался ими въ своей статьѣ «о просвѣтительной дѣятельности В. Н. Каразина» и въ «Опытѣ исторіи харьковского университета». Въ настоящее время, по порученію совѣта Императорскаго харьковского университета, я занятъ собираніемъ и редактированіемъ перваго собранія сочиненій и писемъ В. Н. Каразина. Дѣлами писателя являются главнымъ образомъ его мысли, т. е. сочиненія. Понятно, слѣдовательно, какъ важны для оцѣнки В. Н. Каразина его труды, относящіяся къ самымъ разнообразнымъ отраслямъ знанія, политической и общественной жизни ¹⁾. Само собою разумѣется, что я не дѣлаю никакого подбора и нанечатаю все, что удалось розыскать, въ томъ числѣ и переписку, не предназначавшуюся къ опубликованію, хотя бы она и подавала поводъ къ разнымъ кривотолкамъ. Часть новыхъ документовъ о В. Н. Карзинѣ я напечаталъ въ «Запискахъ харьковского университета». Не имѣя возможности лично заняться составленіемъ полной біографіи В. Н. Каразина и считая появленіе въ свѣтъ такого труда крайне желательнымъ (въ особенности въ виду скорого открытія памятника В. Н. Карзину въ Харьковѣ), я предложилъ студентамъ темою очереднаго сочиненія по русской исторіи для соисканія медалей вопросъ о жизни, общественной дѣятельности и значеніи В. Н. Каразина. На эту тему было представлено два сочиненія, изъ коихъ одно — студента Тихаго — было удостоено золотой медали, въ настоящее время печатается въ журналѣ «Кіевская Старина» и выйдетъ скоро отдѣльнымъ изданіемъ. Это — обстоятельная, крити-

¹⁾ Свои поиски я дѣлалъ систематически, наводя справки во всѣхъ нашихъ архивохранилищахъ, не исключая и такихъ, доступъ въ которыя сопряженъ съ особыми затрудненіями. И съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія могу сказать, что мнѣ удалось найти цѣнные документы, лежавшіе подъ спудомъ болѣе 100 лѣтъ.

ческая монографія, дѣлающая честь усердію и добросовѣстности молодого автора.

Авторъ брошюры, оставивъ безъ разсмотрѣнія всѣ перечисленные выше труды, почему то дѣлаетъ исключеніе только для меня и, хотя я схожусь въ своей оцѣнкѣ со всѣми перечисленными выше авторами, выставляетъ меня *одного* виновникомъ распространенія въ обществѣ ложныхъ свѣдѣній о В. Н. Каразинѣ. Такимъ образомъ брошюра г. И—ва посвящена не только развѣнчиванію общественныхъ заслугъ В. Н. Каразина, но и развѣнчиваніе моихъ заслугъ, какъ историка университета. Неутомимый изобличитель рѣшилъ, такъ сказать, одновременно убить двухъ зайцевъ и въ своемъ «произведеніи» «далъ, какъ выражается самъ, не одну, а двѣ повѣсти» — повѣсть о мнимомъ основателѣ харьковскаго университета В. Н. Каразинѣ и повѣсть объ историкѣ, сдѣлавшемъ изъ мухи слона. Не знаю, чѣмъ объяснить такое *исключительное* ко мнѣ вниманіе г. И—ва, но невольно напрашивается выводъ, что если бы я ничего не писалъ о В. Н. Каразинѣ, то не было бы и изобличенія послѣдняго, и вспоминается нѣмецкая пословица—*da ist der Hund begraben!* Приемы изобличенія меня, какъ историка, столь же гомерически просты, какъ и приемы «развѣнчиванія» В. Н. Каразина. Чтобы не утруждать себя непосильнымъ разборомъ моей «Исторіи харьковскаго университета», имъ очевидно, не прочитанной, авторъ брошюры роняетъ мимоходомъ о ней такой свой авторитетный приговоръ: «Опыты» Д. И. Багалѣя написанные такъ, что въ нихъ исторической правды и на волосъ не видно, не говоря уже о томъ, что такъ писать и грѣхъ и стыдно!» (стр. 32). Вышло даже нѣчто вродѣ стиховъ, очевидно, подъ влияніемъ чувства или лирическаго настроенія критика. Къ сожалѣнію, г. И—въ не приводитъ въ пользу своего уничтожающаго приговора рѣшительно никакихъ доказательствъ, а немотивированное впечатлѣніе его было бы для меня интересно только въ томъ случаѣ, если бы подъ загадочными инициалами И—въ скрывался дѣйствительно какой-либо извѣстный специалистъ, что однако, по содержанію брошюры, отнюдь недопустимо. Неужели мало-мальски серьезный ученый могъ высказать такое абсурдное положеніе, что въ двухтомномъ сочиненіи, состоящемъ изъ 2300 страницъ текста, основанномъ почти исключительно на официальныхъ данныхъ, правительственныхъ распоряженіяхъ, Высочайшихъ повелѣніяхъ и т. п., не оказалось ни на волосъ правды, когда въ большинствѣ случаевъ авторъ вмѣсто своихъ словъ приводитъ прямо

in exstense эти документы? И какого же наивнаго и довѣрчиваго читателя г. И—въ имѣлъ въ виду при составленіи своей брошюры? Вѣдь, его «повѣсть», очевидно, недалеко ушла отъ сказокъ про Бову королевича и Еруслана Лазаревича. И развѣ возможно мнѣ, работавшему 12 лѣтъ надъ этими 2 томами и получившему уже оцѣнку 1-го изъ нихъ отъ Академіи наукъ, отвѣчать на такую (sit venia verbo!) «критику»?!

Впрочемъ, для опроверженія «новыхъ взглядовъ» г. И—ва мнѣ нѣтъ надобности пользоваться своими сочиненіями о В. Н. Каразинѣ. Мы можемъ совершенно устранить ихъ, такъ же точно, какъ и свидѣтельства самого В. Н. Каразина, и, пользуясь одними старыми работами Н. А. Лавровскаго, которыя не только не опровергаются г. И—вымъ, а, наоборотъ, служатъ главнымъ его источникомъ въ вопросѣ объ основаніи харьковскаго университета, рѣшить вопросъ о томъ, какова была роль В. Н. Каразина въ этомъ дѣлѣ.

Съ какимъ научнымъ багажомъ выступаетъ авторъ брошюры?

Съ самымъ скуднымъ и совершенно недостаточнымъ для рѣшенія поставленной себѣ имъ задачи. Главнымъ матеріаломъ для него служили пособія (въ особенности Н. А. Лавровскій) и въ самой ничтожной степени собственныя сочиненія В. Н. Каразина. А какъ можно изучать писателя, не зная его мыслей?

До какой степени доходить невѣжество автора въ тѣхъ вопросахъ, которые онъ смѣло и рѣшительно разрѣшаетъ, доказываетъ слѣдующій примѣръ. Чтобы отвергнуть во что бы то ни стало заслуги В. Н. Каразина въ дѣлѣ основанія харьковскаго университета, онъ силится доказать, что Харьковъ 1800—1802 гг. и самъ по себѣ, безъ В. Н. Каразина, могъ быть избранъ мѣстомъ для учрежденія университета, и прибавляетъ, что «здѣсь уже существовали серьезные разсадники просвѣщенія — collegіумъ, главное училище и семинарія» (стр. 11). Но кому же неизвѣстно, что collegіумъ и семинарія это одно и то же учебное заведеніе, а не два разныхъ, что въ Харьковѣ тогда былъ только collegіумъ, переименованный въ семинарію въ 1841 году, и что, слѣдовательно, въ Харьковѣ было тогда не три, а только двѣ средних школы. Очевидно, авторъ брошюры не только не заглядывалъ въ прекрасную монографію о харьковскомъ collegіумѣ проф. А. С. Лебедева, но даже и въ 1-ю главу моего «Опыта исторіи харьковскаго университета» (т. 1-й), гдѣ также говорится о collegіумѣ; это, однако, не помѣшало ему высказать о немъ уничтожающій при-

говоръ! Недостатокъ данныхъ авторъ брошюры восполняетъ смѣлостью заключеній; здѣсь для него не существуетъ никакихъ затрудненій; здѣсь полетъ его фантазіи безграниченъ. Впрочемъ необходимо сдѣлать оговорку: фантазія его работаетъ всегда только въ одномъ направленіи—обличительно-ругательномъ, но зато здѣсь она не знаетъ удержа. Гдѣ нѣтъ никакихъ данныхъ, онъ выдумываетъ отъ себя, сочиняетъ. Гдѣ есть отрицательныя, неудобныя для него данныя—онъ сознательно умалчиваетъ о нихъ. Гдѣ есть и положительныя, и отрицательныя данныя, онъ беретъ только тѣ, которыя ему нужны, навизывая ихъ на свою предвзятую тенденцію.

Но самый излюбленный его приемъ—это гипербола, которую онъ пользуется постоянно, смѣло и систематически и переходя въ область совершенно неправдоподобнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ грубаго, неприличнаго; къ этому у него особенное тяготѣніе, и мы не находимъ у него даже самой элементарной научной добросовѣстности; вездѣ преувеличеніе или искаженіе истины; нѣтъ даже добросовѣстнаго изложенія чужихъ изслѣдованій, свойственнаго и научно-популярнымъ трудамъ. Вся его брошюра отъ первой до послѣдней страницы представляетъ сплошное отрицаніе элементарнѣйшихъ требованій научной критики, рядъ умолчаній, недомолвокъ, произвольныхъ толкованій текста, явныхъ преувеличеній. Перефразируя слова автора брошюры, можно сказать, что это именно онъ сдѣлалъ изъ мухи слона, раздулъ недостатки В. Н. Каразина, которые были отмѣчены въ предшествующей литературѣ, широко и безъ всякой критики использовавъ тѣ пересуды и сплетни, которые ходили о В. Н. Каразинѣ и отъ которыхъ не можетъ гарантировать себя ни одна выдающаяся личность, а въ особенности такая сложная, какъ В. Н. Каразинъ, исполненная противорѣчій,—смѣси выдающихся достоинствъ и значительныхъ недостатковъ.

Пересуды и сплетни современниковъ В. Н. Каразина, конечно, понятны, но не извинительны въ устахъ автора, выступающаго въ роли историка.

Авторъ брошюры силится доказать охарактеризованными выше приемами, что В. Н. Каразинъ ни при чемъ въ основаніи харьковскаго университета. Единственно несомнѣнная услуга, которую Каразинъ оказалъ харьковскому университету, замѣчаетъ авторъ (стр. 17), состояла въ томъ, что онъ приказалъ прибить къ университетскому дому доску съ надписью—Государственный университетъ. В. Н. Каразинъ, по его словамъ, не повліялъ даже на выборъ Харькова, какъ

мѣста для университета. А вотъ что говорить по этому поводу Н. А. Лавровскій: «Каразинъ, состоявшій въ должности правителя дѣлъ сначала въ комиссіи училищъ, а потомъ и въ главномъ правленіи училищъ, находясь въ близкихъ отношеніяхъ къ кн. Чарторижскому и гр. Потоцкому, имѣлъ полную возможность склонять сужденіе о выборѣ мѣста для университета въ пользу Харькова» (стр. 59). Въ доказательство вліянія, какимъ пользовался В. Н. Каразинъ въ главномъ правленіи училищъ, Н. А. Лавровскій ссылается на то, что при обсужденіи проекта общаго устава университетовъ принято было за основаніе его предначертаніе университетскаго устава, служившее началомъ имъ же составленнаго предначертанія устава объ общественномъ воспитаніи. (Ibidem). Авторъ же брошюры отрицаетъ всякое вліяніе В. Н. Каразина въ этихъ учрежденіяхъ, презрительно называя его письмоводителемъ и письмоводцемъ.

О выборѣ Харькова для университета Н. А. Лавровскій высказываетъ такое категорическое сужденіе. «Выборъ незначительнаго тогда во всѣхъ отношеніяхъ Харькова для южнаго университета, помимо старѣйшаго и представлявшаго дѣйствительно важныя преимущества Кіева¹⁾ объясняется еще болѣе, независимо отъ общаго вліянія Каразина на ходъ сужденій объ этомъ предметѣ въ главномъ правленіи училищъ, весьма значительными для того времени пожертвованіями, какія успѣшили сдѣлать Харьковъ».

Въ указѣ 24 января (1803 года) прямо сказано, что университетъ учреждается въ Харьковѣ «во уваженіе патріотическаго приношенія, предложеннаго дворянствомъ и гражданствомъ сей губерніи» (стр. 59 — 60). Авторъ брошюры отрицаетъ тотъ очевидный фактъ, что именно В. Н. Каразинъ подвинулъ дворянское общество на «патріотическое пожертвованіе». А Н. А. Лавровскій говорить по этому поводу слѣдующее: *«Первая мысль объ этихъ пожертвованіяхъ и воодушевленное возбужденіе къ нимъ дворянства и гражданъ Харьковской губерніи принадлежитъ тому же Каразину, такъ что онъ дѣйствительно является на всѣхъ пунктахъ единственнымъ виновникомъ назначенія Харькова для южнаго университета; безъ него это назначеніе, конечно, никому и въ голову не пришло бы, даже Чарторижскому, Фуссу и Озерецковскому; такымъ горячимъ участіемъ Кара-*

¹⁾ Конкурентомъ Харькова являлся Кіевъ.

зінъ навсегда связалъ свое имя съ основаніемъ харьковскаго университета» (стр. 60).

Далѣ Н. А. Лавровскій рассказываетъ о тѣхъ трудностяхъ, которыя предстояли В. Н. Каразину въ Харьковѣ, во время дворянскаго собранія 11-го августа 1802 года. «Это было торжественное собраніе, говорить онъ, весьма знаменательное въ существованіи харьковскаго университета, какъ исходная точка его исторіи» (стр. 64). И судьбу пожертвованій рѣшила, по словамъ Н. А. Лавровскаго, именно страстная рѣчь В. Н. Каразина и все то, что ее сопровождало. «Имъ руководило страстное воодушевленіе идей и горячее желаніе добра родной сторонѣ, а такія побужденія не осуждаются, но оправдываютъ естественныя увлеченія. Можно съ рѣшительною увѣренностью сказать: не будь этого страстнаго элемента въ Каразинѣ, не было бы и пожертвованій, не было бы и университета въ Харьковѣ, такъ какъ значительность этихъ пожертвованій главнѣйшимъ образомъ и склонила дѣло въ пользу Харькова, какъ это точно и означено въ Высочайшемъ указѣ 24 января объ устройствѣ училищъ» (стр. 65). О томъ, что дворянское пожертвованіе ускорило открытіе университета въ Харьковѣ, упоминается и въ утвердительной грамотѣ его (5 нояб. 1804 г.), гдѣ читаемъ: «Учреждая новый образъ существованія училищной части въ Имперіи, съ сердечнымъ удовольствіемъ увидѣли мы поревнованіе слободско-украинскаго дворянства и гражданства, которые, ускоривъ вѣрноподданническимъ прошеніемъ объ устроеніи въ Харьковѣ университета, отъ собственныхъ стяжаній въ пользу онаго принесли государству достойное признательности нашей и вѣчной памяти потомковъ пожертвованіе» (стр. 75—76).

Документальными данными доказываетъ Н. А. Лавровскій живѣйшее участіе В. Н. Каразина во всемъ дѣлѣ учрежденія университета въ Харьковѣ

Изъ официальныхъ документовъ видно, говорить Н. А. Лавровскій, что всѣ дѣла по устройству университета попечителемъ первоначально предоставлены были Каразину, такъ что во все время, отъ начала 1803 до 11 апрѣля 1804 года (день перваго засѣданія комитета правленія) онъ былъ главнымъ и, можно сказать, единственнымъ распорядителемъ всѣхъ приготовительныхъ работъ и мѣръ для снабженія университета на первое время всѣмъ необходимымъ (стр. 77). Далѣ Н. А. Лавровскій сообщаетъ, что сотрудникомъ его сдѣлался проф. Тимковскій. Авторъ брошюры, основываясь исключительно на

статьѣ Н. А. Лавровскаго, приходитъ къ выводу о «явной преступности Каразина въ *растратахъ* университетскихъ суммъ», (стр. 21), обвиняетъ его въ попыткѣ «*прикарманить*» 4,000 руб. университетскихъ суммъ, *присвоеніи* денегъ Каретникова и пожертвованія Захаржевскаго (стр. 19). Но что же дѣйствительно говоритъ объ этомъ самъ первоисточникъ обличителя—Н. А. Лавровскій?

На основаніи имѣвшихся у него документальныхъ данныхъ, онъ ни слова не говоритъ ни о *растратѣ* университетскихъ суммъ, ни о попыткѣ *прикарманивать* ихъ, ни о *присвоеніи* денегъ Каретникова и Захаржевскаго. Онъ отмѣчаетъ только замѣшательство въ денежныхъ расчетахъ съ В. Н. Каразинымъ, явившееся результатомъ его «патріархальнаго обращенія съ казенными денежными суммами, его непрактичности и самонадѣянности (стр. 82). Изъ дальнѣйшаго выясняется, что подъ этимъ «патріархальномъ обращеніемъ съ казенными суммами» онъ разумѣлъ исключительно недостатки счетоводства, бухгалтеріи, а не отсутствіе безкорыстія. Вотъ его подлинное выраженіе. «Такая путаница въ денежныхъ счетахъ, вслѣдствіе совершенно патріархальной простоты въ обращеніи съ деньгами, вслѣдствіе займа первыхъ оказавшихся свободными денегъ на встрѣтившіяся въ данную минуту потребности, весьма живо и наглядно рисуетъ нашего перваго дѣятеля въ пользу харьковскаго университета. *Не сомнѣваясь нисколько въ безкорыстіи Каразина*, мы, къ сожалѣнію, должны признать совершенно естественнымъ то скоро обнаружившееся явленіе, что всѣ, кто привлеченъ былъ къ соучастію съ нимъ въ томъ же дѣлѣ и особенно на кого могла падать отвѣтственность, должны были признать его неисправимо плохимъ и безнадежнымъ распорядителемъ и должны были поспѣшить покончить съ нимъ всѣ счеты» (стр. 84).

Покупку эстамповъ Н. А. Лавровскій называетъ «непроизводительной растратой денегъ» въ смыслѣ нераціональнаго употребленія; но самъ же доказываетъ, что уплату для нихъ Аделунгу сдѣлалъ В. Н. Каразинъ изъ своихъ средствъ и потому былъ правъ, когда добивался возвращенія себѣ всей этой суммы. Что же касается другихъ денегъ, которыя хотѣли вычесть изъ этой суммы, то на 2,000 руб., взятыхъ изъ городской думы, В. Н. Каразинъ выдалъ росписку и затѣмъ вручилъ ихъ на расходы по университету своему довѣренному лицу Шишкину. И на то, чтобы эти деньги не были возвращены имъ думѣ, нѣтъ ни малѣйшихъ указаній въ документахъ.

То же самое произошло и съ 2.000 руб., взятыхъ у Аникѣва— нѣтъ указаній, чтобы они не были истрачены на нужды университета, а В. Н. Каразинъ обязался вернуть ихъ университету, когда окончательно ликвидировались его сложные счета съ этимъ послѣднимъ. То же самое нужно сказать и о деньгахъ Донца-Захаржевскаго. Каретникову онъ выслалъ деньги, но не получилъ отъ него росписки.

Отсутствіе средствъ, необходимыхъ на расходы, сопряженные съ мѣрами къ скорѣйшему открытію университета, невольнo заставляли В. Н. Каразина прибѣгать къ такимъ позаймствованіямъ и даже затрачивать собственныя средства въ экстренныхъ случаяхъ, какъ это было, напримѣръ, въ дѣлѣ съ ремесленниками, которымъ онъ выдалъ первоначально изъ своихъ денегъ болѣе 9½ тыс. руб. Конечно, это ставило его въ затруднительное положеніе, потому что собственныя средства его были довольно скудныя. Неожиданное устраненіе отъ дѣлъ въ разгаръ хозяйственной дѣятельности еще болѣе усложнило денежные счета В. Н. Каразина съ университетомъ—вотъ почему ихъ трудно было распутать правленію и совѣту. Такимъ образомъ, вышеприведенныя обвиненія автора брошюры явно пристрастны, ибо не доказаны, а между тѣмъ порочать честь и доброе имя В. Н. Каразина.

Столь же недобросовѣстно поступаетъ авторъ брошюры, совершенно умалчивая о томъ, какъ опредѣлили роль В. Н. Каразина въ дѣлѣ основанія харьковскаго университета самъ *университетъ*. Предумышленность умолчанія его доказывается тѣмъ, что онъ позаимствовалъ у Н. А. Лавровскаго извѣстіе о выборѣ В. Н. Каразина въ почетные члены харьковскаго университета, но ни единымъ словомъ не упомянулъ о той специальной мотивировкѣ, которая была сдѣлана по этому поводу Совѣтомъ А въ ней-то и заключается вся сила. *Ad hunc virum eligendum, dicitur в протоколѣ, Senatus praeter eximias cognitiones, quibus excellit, etiam quodam grati animi sensu impulsus est, quia ejus singulari industriae et labori inacceptis referendum est, quod universitas Charcoviae sit constituta»* (стр. 101), т. е. къ выбору этого мужа Совѣтъ былъ подвинутъ, кромѣ его превосходныхъ выдающихся познаній, также чувствомъ благодарности, ибо *единственно его заботы и труду нужно приписать то, что университетъ былъ учрежденъ въ Харьковъ*.

Не менѣе опредѣленно професора и преподавателя харьковскаго университета выразили свой взглядъ на его роль въ дѣлѣ основанія

харьковскаго университета въ 1833 году, о чемъ также сообщилъ Н. А. Лавровскій въ своей статьѣ, прочитанной въ торжественномъ университетскомъ собраніи по поводу столѣтія со дня рожденія В. Н. Каразина. Узнавъ о денежномъ взысканіи, предъявленномъ къ В. Н. Каразину гр. Подгоричани, они собрали между собою добровольно 1280 р. въ его пользу, «движимые сердечною благодарностью и уваженіемъ къ Каразину, какъ *первому и единственному виновнику основанія здѣсь университета*, въ которомъ большая часть изъ нихъ получили образованіе свое, въ которомъ вмѣстѣ съ симъ открыто имъ завидное поприще передавать образованіе молодымъ людямъ и тѣмъ принести усердную дань благоговѣнія согражданамъ своимъ и отечеству» (Ж. М. Н. П. 1873, февраль, стр. 310). Такое же призваніе заслуги В. Н. Каразина передъ университетомъ и *городомъ* Харьковомъ мы находимъ и въ третьемъ документѣ, опубликованномъ Н. А. Лавровскимъ и относящемся къ тому же 1833 году. О немъ, однако, также умолчалъ авторъ брошюры. Вотъ этотъ документъ: «Увѣдомился я, писалъ харьковскій городской голова А. Мотузокъ предсѣдателю харьковской гражданской палаты, что ст. сов. В. Н. Каразинъ имѣетъ въ слободской украинской гражданской палатѣ дѣло; къ окончанію онаго потребна сумма въ 2000 р. Желая предупредить его въ доставленіи сей суммы, по желанію моему и гражданъ, кои въ полной мѣрѣ чувствуютъ *труды и предстательства В. Н. Каразина предъ престоломъ* блаженной и вѣчно достойной памяти покойнаго всеавгустѣйшаго монарха *Александра I объ учрежденіи въ Харьковѣ университета*, который распространилъ свои учебныя отрасли, чрезъ сіе самое г. Харьковъ улучшилъ свое положеніе, а торговый классъ свое состояніе—сей малый знакъ истинной признательности покорнѣйше васъ, мил. госуд, прошу оную сумму принять и употребить по дѣлу выше прописанному». (Ів.). Спрашивается: имѣетъ ли авторъ брошюры самое минимальное стремленіе къ исторической правдѣ и справедливости, если, при вопль отрицательномъ рѣшеніи вопроса о роли В. Н. Каразина въ основаніи харьковскаго университета, не только не опровергнулъ этихъ основныхъ документальныхъ свидѣтельствъ, принадлежащихъ не В. Н. Каразину, а двумъ коллегіямъ, но сознательно умолчалъ о нихъ, дабы ввести въ заблужденіе своихъ читателей? Какъ назвать такой пріемъ? И можно ли причислить его брошюру къ разряду историческихъ трудовъ? Конечно, нѣтъ!

Подобно тому какъ для возстановленія нарушенной авторомъ брошюры истины о роли В. Н. Каразина въ дѣлѣ основанія харьковскаго университета намъ достаточно было напомнить содержаніе неизвѣстной широкой публикѣ статьи Н. А. Лавровскаго ¹⁾, такъ точно и для опроверженія его характеристики В. Н. Каразина, какъ общественнаго дѣятеля, достаточно обратиться къ тому же Н. А. Лавровскому. И теперь его заключеніе остается въ силѣ, несмотря на произвольныя обличенія г. И—ва. Вотъ какъ характеризуетъ В. Н. Каразина Н. А. Лавровскій. «В. Н. Каразинъ, *какъ бы ни судили о немъ*, безспорно принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей начала нашего вѣка. Уже одна его близость къ Императору Александру, *доходившая до дружескихъ отношеній*, особенно въ то время, когда мы переживали въ мѣсяцы больше, чѣмъ прежде въ цѣлые годы, одно участіе его въ такихъ правительственныхъ мѣрахъ, какъ учрежденіе Министерства Народнаго Просвѣщенія и университетовъ и вообще въ начертаніи новой образовательной системы, достаточно объясняютъ значеніе его дѣятельности для того времени и способны возбудить въ ней живѣйшій интересъ. Можно указывать на недостатки его характера, на преобладаніе фантазіи надъ умомъ, чѣмъ и объясняются всѣ его увлеченія и крайности, на недостатокъ практическаго житейскаго такта, на его самонадѣянность, заносчивость, неровность въ его дѣйствіяхъ и отношеніяхъ, вообще на недостатки, отъ которыхъ прежде всего и больше всего приходилось страдать ему самому, но при самомъ легкомъ и поверхностномъ знакомствѣ съ его дѣятельностью, а также съ нѣкоторыми напечатанными его сочиненіями, невозможно отказать ему, съ одной стороны, въ искреннемъ, горячемъ, подчасъ восторженномъ отношеніи къ каждой занимавшей его мысли и въ глубокомъ патріотическомъ чувствѣ, а съ другой—въ основательности и многосторонности его образованія, рѣдкихъ въ то время и дѣлавшихъ его вполне достойнымъ того положенія, которое такъ внезапно выпало ему на долю въ самомъ началѣ новаго царствованія. Можно часто не соглашаться съ его мыслями, но нельзя не уважать ихъ искренности и тѣхъ побужденій, изъ которыхъ они исходили, и нельзя не пожалѣть, что официальная его дѣятельность

¹⁾ Она помѣщена была болѣе 30 лѣтъ тому назадъ въ специальномъ журналѣ и отдѣльнымъ изданіемъ не выходила.

прекратилась такъ быстро. При ближайшемъ точнѣйшемъ знакомствѣ съ этою замѣчательною личностію, можно встрѣтиться и съ нѣкоторыми уклоненіями ея отъ прямыхъ путей, и это естественно: кто можетъ похвалиться безупречною и безусловною чистотою своихъ дѣйствій?» (стр. 57—58).

Въ спеціальной статьѣ о В. Н. Каразинѣ¹⁾, какъ о замѣчательномъ общественномъ дѣятелѣ вообще, Н. А. Лавровскій даетъ слѣдующую основу для оцѣнки его значенія. «Дѣятельность каждаго человѣка, великая и малая, съ ея средствами и цѣлями, оцѣнивается съ нравственной точки зрѣнія, прежде всего чистотою своихъ побужденій, достоинствами руководящей его идеи. Чѣмъ возвышеннѣе эти побужденія, чѣмъ рѣшительнѣе возвышаются они надъ частными и личными интересами и проникаются интересами общими; чѣмъ больше вносится въ эту дѣятельность жизни, страсти, самопожертвованія, чѣмъ полнѣе и цѣльнѣе она охватываетъ всѣ силы и способности человѣка, тѣмъ выше достоинство самой дѣятельности... Эти общія замѣчанія полезно имѣть въ виду при оцѣнкѣ общественной дѣятельности Каразина. Изъ обнародованныхъ до сихъ поръ его записокъ, мнѣній, писемъ — къ сожалѣнію немногаго сравнительно съ тѣмъ, что остается еще не обнародованнымъ — можно, кажется, вывести то заключеніе, что онъ влагалъ въ общественную дѣятельность всю свою страстную душу, что онъ былъ одушевленъ безпредѣльною любовью къ своей родинѣ, безпредѣльнымъ желаніемъ ей добра и всесторонняго развитія. Можно иногда не соглашаться, вообще или въ частности, съ содержаніемъ разныхъ его бумагъ, можно находить это содержаніе нынѣ непригоднымъ или неосуществимымъ; но едва ли позволительно отказать ему въ беззавѣтной искренности стремленій, въ томъ, что всѣ его помыслы, большей части коихъ такъ и не суждено было осуществиться, имѣли своимъ источникомъ родившіеся въ его воображеніи возвышенные идеалы наилучшаго государственнаго и общественнаго порядка»...

Переходя къ характеристикѣ взглядовъ В. Н. Каразина по существу, Н. А. Лавровскій прежде всего останавливается на его извѣстномъ письмѣ къ Императору Александру I, которое заключало его

¹⁾ Статья эта извѣстна автору брошюры; ее онъ цитируетъ на стр. 10—11.

profession de foi, и характеризуетъ его такъ: «На что же надѣялся и чего ожидалъ отъ новаго царствованія Каразинъ вмѣстѣ съ Россіей, которой онъ явился представителемъ? Онъ ожидалъ отъ наступившаго царствованія непреложныхъ законовъ, вмѣстѣ съ государственнымъ постановленіемъ, составленнымъ «совѣтомъ мужей мудрыхъ, окружающихъ престоль, и другихъ, голосъ которыхъ изъ отдаленнѣйшихъ краевъ государства истину повѣдать можетъ... Онъ ожидалъ *праваго суда*, предоставленнаго избраннымъ изъ народа, суда при открытыхъ дверяхъ, съ правомъ тяжущихся публиковать опредѣленія.

Онъ ожидалъ уллученія финансовъ и доведенія ихъ до избытка государственнаго не посредствомъ умноженія налоговъ, а посредствомъ уменьшенія непроизводительныхъ издержекъ и точнаго опредѣленія повинностей каждаго *по непреложному размѣру*... Онъ ожидалъ всевозможнаго распространенія въ народѣ воспитанія и образованія... Онъ ожидалъ *человѣческихъ правъ для помѣщичьихъ крестьянъ*...» (стр. 295—296). Иными словами, слѣдовательно, онъ выставилъ такую политическую и соціально-экономическую программу, какая выдвинута только теперь пераживаемымъ нами историческимъ моментомъ и современнымъ общественно-освободительнымъ движеніемъ.

«Такіе идеалы, опереживающіе время, замѣчаетъ Н. А. Лавровскій, обыкновенно напечатлѣваются неизгладимыми чертами въ памяти народовъ и свято чтутся, какъ свидѣтельства великихъ дарованій, двигающихъ ихъ впередъ» (стр. 297).

Въ заключеніе своего обзора Н. А. Лавровскій высказываетъ мысль о необходимости постановки памятника В. Н. Каразину (стр. 311).

Итакъ, устранивъ свидѣтельства самого В. Н. Каразина и свои собственныя работы о В. Н. Каразинѣ, простыми справками изъ двухъ статей Н. А. Лавровскаго, основанными на документальныхъ данныхъ и не опровергнутыхъ авторомъ брошюры, я достаточно показала читателю всю произвольность и бездоказательность заключеній г. И—ва. Останавливаясь на той части брошюры г. И—ва, гдѣ онъ, понадегавъ нѣсколько выписокъ изъ записокъ и писемъ В. Н. Каразина, обвиняетъ его въ мошенничествѣ акціями Филотехническаго Общества, въ доносахъ, шпіонствѣ и т. п., я не буду. Утверждаю только, что и здѣсь авторъ доказываетъ свои положенія такими же приѣмами, какіе мы видѣли раньше: онъ совершенно извращаетъ роль В. Н. Каразина въ Филотехническомъ Обществѣ, на нужды котораго тотъ истратилъ

19,000 рублей изъ собственныхъ средствъ; онъ называетъ доносами всѣ записки В. Н. Каразина, въ которыхъ тотъ бичевалъ недостатки тогдашняго строя, за что подвергался многократнымъ политическимъ карамъ ¹⁾; онъ говоритъ о презрѣннн къ В. Н. Каразину современниковъ, когда, наоборотъ, фактическія данныя доказываютъ ихъ полное уваженіе къ нему; по пословицѣ «не любо не слушай...» онъ приписываетъ В. Н. Каразину нелѣпную мысль назначать преподавателями въ университетѣ выписанныхъ имъ мастеровыхъ; онъ представляетъ его бѣльшимъ ретроградомъ, чѣмъ былъ Магницкій, основываясь на письмѣ къ Реману, которое въ полномъ своемъ видѣ не только не имѣетъ ничего общаго съ идеями гасителей образованія, а, наоборотъ, является гимномъ просвѣщенія и т. д. Прибавлю къ этому, что вновь открытые мной многочисленныя и достовѣрные матеріалы еще болѣе способны утвердить всякаго непредубѣжденнаго читателя въ положительныхъ заключеніяхъ о В. Н. Каразинѣ. Но мы на нихъ останавливаться не будемъ: ими въ значительной мѣрѣ воспользовался добросовѣстный біографъ В. Н. Каразина г. Тихій, и я отсылаю интересующихся къ его монографіи. Но чѣмъ же объяснить такую произвольность выводовъ г. И—ва? Характеромъ его труда!

Это нѣчто среднее между памфлетомъ и пасквилемъ.

«Памфлетъ — это небольшое литературное произведеніе публицистическаго и чаще всего вызывающаго личнаго характера»... Онъ не предполагаетъ въ читателѣ никакихъ предварительныхъ размышленій и свѣдѣній о данномъ вопросѣ. Памфлетистъ не рассчитываетъ на спокойное объективное разсужденіе публики; его цѣль — общественная сенсація, безпокойство, пробужденіе недовольства. Произведеніе по преимуществу боевое, созданное въ минуту и для цѣлей политической борьбы. Памфлетъ чаще всего чуждъ соображеній безпристрастія

¹ Что же касается предложенія быть „обсерваторомъ“, то это вопросъ сложный, и къ оцѣнкѣ его нельзя подходить съ современной точки зрѣнія, не принявъ во вниманіе условій того времени и внутреннихъ побужденій самого В. Н. Каразина, который во всякомъ случаѣ, какъ видно изъ его признанія, гнушался доносовъ. Изъ недавно опубликованныхъ документовъ видно, что и А. С. Пушкинъ въ 1831 г. принялъ предложеніе „употребить свое перо для политическихъ статей“, т. е. издавать офиціозный журналъ, чтобы такимъ образомъ руководить общественнымъ мнѣніемъ въ интересахъ правительства.

и умѣренности, не считаетъ нужнымъ шадить врага и слѣдуетъ правилу: на войнѣ всѣ правила хороши. Но памфлетъ рѣзко отличается отъ пасквиля какъ своей основной цѣлью, такъ и тѣмъ, что касается не личной жизни извѣстнаго лица, а общественной стороны его дѣятельности». Пасквиль — сочиненіе, содержащее въ себѣ ложныя, оскорбительныя для кого либо свѣдѣнія, распространяемыя въ печати. Цѣль его — злостная обида.

Брошюра г. И—ва носитъ на себѣ всѣ типическія черты памфлета, но безъ благородства побужденій, присущаго этого рода произведеніямъ; наоборотъ, она заключаетъ въ себѣ основную черту пасквиля — распространяетъ *ложныя*, позоряція добрую память покойнаго В. Н. Каразина свѣдѣнія.

ПЕРЕФРАЗИРУЯ заключеніе г. И — ва, мы можемъ сказать, что памятникъ В. Н. Каразину въ Харьковѣ будетъ достойнымъ увѣковѣченіемъ его памяти, а разбираемая брошюра — вѣчнымъ и заслуженнымъ позоромъ для ея автора. И авторъ — мы увѣрены въ томъ — изъ опасенія этого позора никогда не откроетъ своей фамиліи, никогда не украситъ заглавіемъ ея списка своихъ ученыхъ трудовъ, особенно если онъ былъ питомцемъ харьковскаго университета, каковымъ себя называетъ.

Проф. Д. И. Багалъй.

Нові і перемінні звѣзди. Написав проф. д-ръ І. Полюй. *Третє доповнене виданне. У Відні 1905. Стр. 1—121.*

Еслибы въ лежащей передъ нами книжкѣ только помѣщено было то, что сказано въ заглавіи, то мы не считали бы нужнымъ отмѣчать на страницахъ нашего журнала этой брошюры, популярно излагающей ученіе о новыхъ и перемежающихся звѣздахъ, т. к. во 1-хъ содержаніе ея выходитъ за предѣлы программы „Кіевской Старины“, а во 2-хъ — брошюрка эта не является новинкой, а повторяется уже третьимъ изданіемъ. Оказывается, впрочемъ, что не всегда надо довѣрять заглавію книжекъ; въ данномъ случаѣ мы находимъ въ книжечкѣ значительно большую часть посвященную воспоминаніямъ автора о П. А. Кулишѣ и его супругѣ Ганнѣ Барвинокъ, и при томъ воспоминаніямъ, связаннымъ съ очень интересными подробностями, касающимися жизни, литературной и общественной дѣятельности П. А. Кулиша. Не будемъ останавливаться на подробномъ изложеніи той восторженной характе-

ристики, которую встрѣчаемъ здѣсь на каждомъ шагѣ по адресу П. А. Кулиша, т. к. считаемъ, что для характеристики лицъ гораздо важнѣе знакомство съ фактическими указаніями ихъ дѣлъ и поступковъ, нежели лирическія изліянія друзей. Мы хотимъ познакомить читателя только съ тѣми фактами, которые встрѣчаемъ въ этой книжечкѣ.

Въ первыхъ главахъ, гдѣ рассказывается объ извѣстномъ хуторѣ Кулиша Мотроновкѣ (около Борзны), авторъ помѣщаетъ стихотвореніе Кулиша „Молитва“, навѣянное звѣздной ночью на Украинѣ и посвященное д-ру Полюю. Стихотвореніе это, съ эпиграфомъ изъ оды Державина „Богъ“, написано въ стилѣ Державинскомъ. Вотъ оно:

Всесильный! я Тобі молюся,
Молекул козмаса Твого...
Де Ти, хто Ти,—даремне бюся.
Ні, не збагну во вік сього!

—

Во вік науці не обняти
Всього, що Ти создав еси...
Даремно розум наш крилатий
Шукає краю небеси.

—

Знемігшись, на ту пилинку
Спускається, що ми звемо
Вселенною, що на хвилинку
Іі в імперії рвемо.

—

І тут безодня животвору,
І тут премудрість без кінця...
Однаково горі і долу
Сияє світ Твого лица

—

Молюсь, не дай мені з розпуки
Зректися розуму мого:
Нехай не гасне, світ науки
В проміннях сьєва Твого!

—

Нехай мій дух, в земній юдолі,
Не знижується до звіврат;

З Твоеі пресьвятоі волі
Нехай во віки буде сьвятъ!

Тутъ-же, впрочемъ, въ письмѣ Кулиша къ д-ру Полюю находимъ и другое стихотвореніе, тоже молитву, обращенную къ Шекспиру, въ которой авторъ молится, какъ говоритъ онъ, *від щирого серця*, но молитва эта напоминаетъ намъ тѣ научныя статьи автора, въ которыхъ многое такъ и просится поскорѣ забыть его для бѣльшей славы Кулиша. Авторъ обращается въ этой молитвѣ къ Шекспиру со словами:

Нехай нас укротить твоя душа велика:
Нехай покине нас козацька воля дика,
Що кровью тїшилась, хвалилась пожарами,
Туманила людей брехливими вїстями,
Піснями славила безумне гайдамацтво,
Кляла культурників, як людожерне паньство.

Въ этихъ-же первыхъ главахъ помѣщено нѣсколько писемъ къ автору Ганны Барвинокъ, гдѣ сообщаются интересныя подробности то о переводѣ и печатаніи Св. Писма въ переводѣ Кулиша, то о судьбѣ хутора Мотронівки и будиночка Кулиша, пріобрѣтеннаго и перебезеннаго М. Н. Кочубеємъ въ с. Конашевку, для того чтобы устроить въ немъ украинскій музей имени Кулиша.

До сихъ поръ все въ этой книжечкѣ читается не безъ удовольствія, но съ стр. 72-й начинается защита П. А. Кулиша отъ нападковъ критики, главнымъ образомъ д-ра Франка, имѣвшаго смѣлость высказать свое сужденіе о достоинствѣ переводовъ Шекспировыхъ произведеній. Горячая защита д-ромъ Полюемъ положительно переходитъ черезъ край: не говоря уже о рѣзкихъ полемическихъ выходкахъ автора, иногда изъ писемъ Ганны Барвинокъ д-ръ Полюй сообщаетъ ни къ сему ни къ тому какіе-то факты, скорѣе похожіе на сплетни, набрасывающія даже тѣнь на личности. Дружба—великое дѣло, но защищая друга,—скажемъ мы д-ру Полюю,—нужно помнить, что въ литературной полемикѣ должны быть вполнѣ корректныя приемы.

Труды Полтавской Ученой Архивной Коммисіи. Вып. I-ый.
Полтава 1905 г.

Полтавская Ученая Архивная Коммисія, начавшая свою дѣятельность съ 26 октября 1903 года, недавно выпустила въ свѣтъ первый томъ своихъ трудовъ. Въ этомъ томѣ помѣщены краткіе протоколы всѣхъ засѣданій коммисіи до 1905 года (ихъ было 12) съ указаніемъ тѣхъ текущихъ дѣлъ и рефератовъ, которые были обсуждены въ нихъ. Нельзя не обратить вниманія на то, что во 2-ой половинѣ 1904 года энергія коммисіи значительно уменьшилась, т. к. съ мая мѣсяца до конца года состоялось только два засѣданія.

Вслѣдъ за протоколами напечатаны ученые труды членовъ Коммисіи: 1) *В. И. Василенка*. Къ исторіи размежеванія земель въ Полтавской губерніи; 2) *Н. Г. Максимова*. Церковь въ с. Запсельѣ во имя св. Николая; 3) *А. Ф. Мальцева*. Св. Ефремъ Переяславскій, строитель первыхъ больницъ въ Россіи; 4) *И. Ф. Павловскаго*. Къ исторіи Малороссіи во время генераль-губернаторства кв. Н. Г. Ренина (цѣлый рядъ замѣтокъ по архивнымъ даннымъ; часть ихъ была напечатана раньше въ нашемъ журналѣ); 5) *Л. В. Падалки*. Древнія земляныя сооруженія въ предѣлахъ Полтавской губерніи. Ч. 1-ая: о древнихъ городкахъ, городищахъ и насыпанныхъ валахъ (съ рисунками и картами).

Въ концѣ тома помѣщены приложенія: 1) Отчетъ по межеванію въ Полтавской губерніи; 2) Положеніе о размежеваніи въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ; 3) Матеріалы для исторіи Полтавскаго полка; сообщ. *В. Л. Модзалевскій*; 4) Къ родословной Гоголей-Яновскихъ. Заканчивается этотъ томъ спискомъ членовъ Коммисіи, почетныхъ и дѣйствительныхъ; первыхъ — 19, вторыхъ — 60.

Отъ души привѣтствуемъ появленіе 1-го выпуска трудовъ Полтавской Ученой Архивной Коммисіи, давшей въ первый годъ своего существованія нѣсколько цѣнныхъ изслѣдованій и матеріаловъ, и выражаемъ полную надежду, что она въ будущемъ внесетъ много свѣта для изученія и разработки матеріаловъ родной намъ Полтавщины.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Отзвукъ былины о змѣборствѣ Добрыни Никитича въ украинскомъ фольклорѣ. Въ настоящей замѣткѣ я намѣренъ остановиться на одномъ украинскомъ преданіи, записаномъ Я. П. Новицкимъ и помѣщенномъ въ его обширной статьѣ «Съ береговъ Днѣпра», напечатанной въ изданномъ къ XIII археологическому съѣзду въ г. Екатеринославѣ «Сборникѣ статей Екатеринославскаго Научнаго Общества по изученію края». Я говорю о преданіи объ островѣ Перунѣ на Днѣпрѣ, представленномъ Я. П. Новицкимъ въ четырехъ редакціяхъ (стр. 75 — 76).

Приведу цѣликомъ первую редакцію преданія. — «Колысь — говоритъ оно — кажутъ, змій бувъ на неби и литавъ по всѣму свиту, ёго вси боялысь, а инчи и кланялысь ёму. Якъ узнавъ Богъ, що ёму поклоняются, взявъ и пооднимавъ крыльця; винъ уѣавъ зъ неба въ Днипро и поплывъ. Идолопоклонци биглы берегомъ и кричали: «Перуне, Перуне, прыплывы до берега!» Прыплывъ винъ до острова, и показала ёму глыбока нора; винъ туды и пропавъ. Видъ того часу прозвано островъ Перуновымъ». Вторая редакція говоритъ, что на этомъ островѣ прыплылъ «змій видкильсь зъ горы», т. е. съ верховьевъ Днѣпра. Когда онъ плылъ, то по одному берегу шли идолопоклонники и звали его на берегъ, а «другимъ выйшли назустрічь православни и почалы молебствовать и заклинать. Де стоялы нашы съ корогвамы, туды винъ нидплывъ и ставъ...» Третья редакція преданія повѣствуетъ: «Якыйсь-то, кажутъ, богъ Перунъ шывъ Днипромъ и ёго хвылею выкынуло на островъ; тугъ ёго заховано, а потимъ одконано. На ёму, кажутъ, було золота тры пуды, а самъ зробленный зъ дерева. Видъ того и островъ

ставъ Перунъ. На Перуни, видъ Днипра есть нора: колысь, кажуть, живъ тамъ змій и ёму носылы людей...» Наконецъ четвертая редакція передаетъ слѣдующее: «До Хрыстового рожденія, кажуть, живъ тамъ (въ пещерѣ на Перунѣ) змій; винъ гарбавъ пидъ себе жинокъ и дивокъ, а мужей пожыравъ. Якъ Хрыстось народывся — змія проклявъ; а потимъ звоювавъ его якыйсь богатырь. У змія було, кажуть, тры головы и крыла. Винъ якъ летыть --- освищае весь свить, а огонь такъ и палае».

Постараемся анализировать преданіе и привести на память извѣстные намъ историко-литературныя данныя. Первая, отчасти вторая и третья редакціи преданія близки къ разсказу начальной лѣтописи о низверженіи въ Кіевѣ идола Перуна подъ 987 годомъ: «Влекуму же ему (Перуну) по Ручаю къ Днѣпру, плакахуся его неверни людье, еще бо не бяху прияли святаго крещенья; и привлекише, вринуша и въ Днѣпръ... (Перунъ) пройде сквозъ пороги, изверже и вѣтръ на рѣнь, и отголѣ прослу Перуня Рѣнь, якоже и до сего дне словеть». Лѣтопись точно опредѣляетъ мѣстонахождение Перуновой Рѣни, за порогами, гдѣ находится нынѣшній островъ Перунъ. Третья редакція преданія присоединяетъ къ тому же лѣтописную подробность о матеріалѣ, изъ котораго былъ сдѣланъ Перунъ: «Володимеръ.. постави кумиры... Перуна древяна, а главу его сребрену, а усь златъ...»

Хотя и является вопросъ, дошли ли всѣ подробности, сообщаемыя преданіемъ, до нашего времени путемъ устнымъ изъ глубины вѣковъ, или же здѣсь сказывается послѣдующее книжное вліяніе, что вполне возможно, тѣмъ не менѣе мы должны признать, что самая основа преданія не могла явиться въ народѣ въ послѣдующее время извнѣ, но, жила въ немъ изстари. Вѣдь народная топографическая номенклатура очень крѣпка, чему доказательство въ нашей исторіи много, и во всякомъ случаѣ вслѣдствіе постороннихъ вліяній на народъ, каково вліяніе книжное, никогда бы островъ Перунъ не получилъ среди народа своего настоящаго имени. Такимъ образомъ необходимо заключить, что, съ одной стороны, фактъ, который имѣетъ въ виду преданіе, и фактъ, передаваемый лѣтописью, тождественны, и что, съ другой стороны, украинское преданіе объ островѣ Перунѣ столь же древне, какъ и лѣтописное извѣстіе о низверженіи Перуна. Словомъ, наше преданіе является отголоскомъ той эпохи русской исторіи, когда происходила смѣна язычества на христіанство.

Разсматривая далѣе преданіе, мы видимъ, что вторая его редакція близка къ новгородскому преданію о Юрьевскомъ скитѣ, именуемомъ въ народѣ *Перюньскимъ*. Преданіе говоритъ, что жилъ «звѣрь-зміяка», который каждую ночь „ходилъ спать въ Ильмень-озеро съ волховскою Коровницею. Перешелъ зміяка жить въ самый Новгородъ; а на ту пору и народился Володимеръ князь въ Кіевѣ... Сказалъ Володимеръ князь: „всей землѣ Русской — креститься“. Ну и Новгороду — тоже. Новгородъ окрестился. Чорту съ Богомъ не жить. Новый городъ схватилъ Зміяку Перюна, да и бросилъ въ Волховъ. Чортъ силенъ; поплылъ не внизъ по рѣкѣ, а въ гору — и къ Ильмень-озеру; подплылъ къ старому своему жилью — да и на берегъ. Володимеръ-князь велѣлъ на томъ мѣстѣ церковь рубить, а дьявола опять въ воду. Срубили церковь: Перюну и ходу нѣтъ!“¹⁾ Какъ въ новгородскомъ преданіи о борьбѣ христіанъ со змѣемъ Перуномъ, такъ и во второй редакціи украинскаго преданія, мы, исключивъ детали, видимъ одну и ту же основу: змѣй Перунъ останавливается, безсильный передъ проявленіями христіанской вѣры. Такъ какъ къ Новгороду относится также лѣтописное извѣстіе подъ 988 годомъ о низверженіи въ этомъ городѣ идола Перуна, то является предположеніе о мѣстномъ новгородскомъ происхожденіи преданія о „звѣрь-зміякѣ“. Но посмотримъ на это дѣло съ другой стороны.

Прежде всего отвѣтимъ на вопросъ, почему Перунъ, какъ въ украинскомъ, такъ и въ новгородскомъ преданіи, является въ видѣ змѣя?

Для этого обратимся наконецъ къ четвертой редакціи украинскаго преданія объ островѣ Перунѣ. Элементы данной редакціи таковы: огненный змѣй, похищающій женщинъ и пожирающій мужчинъ, проклятіе змѣя свыше, и поражение змѣя богатыремъ. Здѣсь передъ нами тѣ же элементы, какіе входятъ въ сюжетъ былины о борьбѣ богатыря Добрыни Никитича со Змѣемъ-Горыничемъ. Относительно же этой былины В. Ө. Миллеръ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ. Былина о змѣеборствѣ Добрыни имѣетъ въ своемъ основаніи историческій фактъ, а именно — дѣятельность прототипа былиннаго героя, дяди князя Владимира, по введенію христіанства въ Новгородъ, что въ памяти народа сохранилось въ видѣ пословицы: „Путята крести мечемъ, а

¹⁾ В. Миллеръ: „Очерки рус. нар. слов.“ — стр. 147.

Добрыня огнемъ“. Это доказывается религиозною окраскою былины и реминисценціею о сотрудникѣ Добрыни въ Новгородѣ, выразившеюся въ отчествѣ героини былины Запавы — *Путятича*. По эпическому шаблону борьба Добрыни съ язычествомъ отлилась въ сказаніе о борьбѣ его со змѣемъ, какъ въ духовныхъ стихахъ о святыхъ змѣборцахъ Георгіи и Ѳеодорѣ Тиронѣ. Согласно съ тѣмъ же этическимъ шаблономъ въ былинѣ является героиня подъ именами—Запавы, Марфиды, Марьи Дивовны. Таковы положенія относительно былины о змѣборствѣ Добрыни, установленныя проф. В. Ѳ. Миллеромъ.

При этомъ мы замѣтимъ, что, хотя мотивъ о змѣборствѣ принадлежитъ къ международнымъ литературнымъ мотивамъ, однако мы не можемъ признать его исконною принадлежностью русскаго эпоса, а относимъ его происхожденіе на русской почвѣ къ христіанской эпохѣ. Многочисленныя иконы съ тѣмъ же сюжетомъ (о св. Георгіи), а также житія святыхъ давали большой просторъ вліянію мотива о змѣборствѣ на русскій народный эпосъ. Гораздо позже, въ XVII в. къ предыдущему вліянію присоединилось вліяніе западно-европейской повѣсти, пользующейся до сихъ поръ симпатіями народа, что, впрочемъ, въ нашемъ случаѣ значенія не имѣетъ. Въ этотъ-то книжный мотивъ и облеченъ былъ фактъ какъ вообще борьбы христіанства съ язычествомъ на Руси, такъ въ частности фактъ борьбы съ язычествомъ Добрыни Никитича. Къ этому надо прибавить; что самую мысль олицетворить язычество во образѣ змѣя подавало тоже христіанство. символизировавшее дьявола въ видѣ змѣя, а язычество представлявшее въ фигурѣ дьявола, какъ то мы видимъ, напр., въ лѣтописи.

Гдѣ же указанные факты получили данное выраженіе, т. е. гдѣ возникла легенда о змѣѣ Черунѣ и борьбѣ съ нимъ? Въ частности гдѣ возникла былина о змѣборствѣ Добрыни?

Проф. В. Ѳ. Миллеръ по этому поводу высказываетъ слѣдующее мнѣніе: „Въ виду тѣсной связи историческаго Добрыни съ Новгородомъ, можетъ быть поставленъ вопросъ, не былъ ли именно въ Новгородской области, гдѣ ходили о Добрынѣ преданія, сложенъ прототипъ былины о змѣборствѣ. У насъ нѣтъ данныхъ для положительнаго рѣшенія этого вопроса, но въ виду тѣсной исторической связи Новгородской области съ Кіевской въ XI, XII вѣгахъ и въ виду не меньшаго участія историческаго Добрыни въ новгородскихъ событіяхъ. чѣмъ въ кіевскихъ, можно думать, что эпическій Добрыня равно при-

надлежалъ и южному—киевскому и сѣверному—новгородскому эпосу¹⁾. Такъ отвѣчаетъ на поставленный вопросъ проф. Миллеръ. Но теперь, когда намъ извѣстно украинское преданіе о Перунѣ, мы съ большею опредѣленностью можемъ отвѣтить, что легенда о змѣѣ, олицетворявшемъ язычество, и о борьбѣ съ нимъ Добрыни—продуктъ киевскаго поэгическаго творчества.

Къ такому отвѣту приводятъ насъ слѣдующія соображенія. Легенда о змѣѣ Перунѣ, какъ олицетвореніи отжившаго свой вѣкъ язычества, скорѣе могла появиться въ болѣе просвѣщенной христіанствомъ, болѣе культурной Киевской области, чѣмъ въ землѣ Новгородской. На югѣ книжное вліяніе было сильнѣе, чѣмъ на сѣверѣ, и книжные мотивы широкимъ потокомъ лились въ народную поэзію, выражаясь въ духовныхъ стихахъ, былинахъ, сказкахъ. Затѣмъ, детальнѣйшій анализъ былинъ такъ называемаго Киевскаго цикла опредѣленно свидѣтельствуетъ объ ихъ южномъ происхожденіи. Въ этомъ отношеніи нѣтъ исключенія и для былины о Добрынѣ Никитичѣ и его борьбѣ со змѣею. Поэтому болѣе основаній предполагать, что вся легенда о змѣѣ-Перунѣ и въ частности преданіе о борьбѣ съ нимъ Добрыни возникли на югѣ, а не на сѣверѣ. Что же касается новгородскаго преданія о змѣѣ Перунѣ, то по нашему мнѣнію оно въ эпическомъ отношеніи является отзвукомъ легенды южнаго происхожденія, но по своей сущности представляетъ воспоминаніе о дѣйствительномъ фактѣ низверженія идоловъ, о чемъ говорятъ и летописное извѣстіе подъ 988 годомъ и названіе Юрьевскаго скита *Перуновскимъ*.

Такимъ образомъ мы думаемъ, что въ украинскомъ преданіи объ островѣ Перунѣ мы имѣемъ отзвукъ древней легенды Киевской области о борьбѣ христіанства съ язычествомъ, выразившейся подъ вліяніемъ христіанскихъ мотивовъ въ фантастической формѣ, а въ четвертой редакціи этого преданія находимъ далекій отголосокъ древняго южно-русскаго былиннаго творчества.

Владиміръ Даниловъ.

Къ исторіи пребыванія монаховъ-траппистовъ въ Россіи.
Въ 1799 г. въ Россію прибыло нѣсколько французскихъ эмигрантовъ—монаховъ и монахинь ордена de la Trappe. Монахи этого ордена были

¹⁾ Очерки, 148.

помѣшены на жительство въ Жидичинскій и Дерманскій базилианскіе монастыри; причѣмъ первый изъ этихъ монастырей долженъ былъ отпускать ежегодно на содержаніе прибывшихъ траппистовъ 5250 р. с. а второй—3750 р. с. Монахинямъ-трапписткамъ былъ назначенъ Оршанскій (мужской) базилианскій монастырь, и на ихъ содержаніе поступало опредѣленное число денегъ изъ разныхъ бѣлорусскихъ монастырей. Въ слѣдующемъ 1800 году, по удаленіи монаховъ-траппистовъ, суммы отпускавшіяся на ихъ содержаніе, въ общей сложности 14,200 р., были обращены, по Высочайшему повелѣнію, на устройство школъ для бѣдныхъ дѣтей 1).

В. Страшкевичъ.

О принадлежавшемъ базилианамъ въ г. Римѣ домѣ. „1822 г. въ одномъ изъ засѣданій 2 Департамента Римск.-Католическ. Духовн. Коллегіи митрополитъ унитскихъ церквей устно заявилъ, что, какъ ему обстоятельно извѣстно, „со времени присоединенія Польши къ Россіи базилиане не посылали въ Римъ никого изъ юныхъ лицъ своего ордена. Тѣ же 4 молодыхъ человѣка, которые посылаемы были туда за польскаго владѣнія, принимали науки и имѣли содержаніе въ двухъ папскихъ семинаріяхъ (два въ Collegia de propaganda fide, а два въ Греческой коллегіи при церкви св. Аѳанасія). Ихъ посылали черезъ каждые три года бывшія тогда двѣ базилианскія провинціи Литовская и Русская. Оный фондущъ весь былъ папскій подѣ въдомствомъ кардиналовъ конгрегации de propaganda fide; а что касается дома, принадлежащаго вообще къ польскимъ базилианамъ, сей былъ поданъ и записанъ кардиналомъ изъ фамиліи князей Барбариныхъ, при коемъ домѣ находилась и небольшая уніатская церковь. Въ немъ прежде жилъ іеромонахъ, избранный въ повѣреннаго (прокураторъ) для хозатайства по дѣламъ ордена, послѣ того доданъ былъ и другой ему іеромонахъ для содержанія ризницы. Еще до 1790 г. отправленный изъ Русской базилианской провинціи іеромонахъ и нынѣ тамъ находится и по присоединеніи не возвратился, и никто больше туда посланъ не былъ. Нынѣ же кто онаго дома владѣетъ, тотъ ли самый іеромонахъ.

1) Архивъ св. Синода. Дѣло 1817 г. № 17 по каталогу 2 департамента Римск.-Католич. Духов. Коллегіи.

или кто другой, о томъ никакого формальнаго извѣстія не имѣется, но достовѣрно, что оный домъ къ учебному составу не принадлежитъ, но фундованъ прямо для прокуратора. Юноши тамъ не помѣщались. По окончаніи наукъ возвращались къ своимъ монастырямъ снабженные аттестатами на ученныя степени по выдержаніи экзамена по Академическимъ уставамъ папскаго государства“¹⁾.

Этотъ докладъ внесенъ митрополитомъ въ виду сдѣланнаго попечителемъ Виленскаго учебнаго округа министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія представленія о томъ, что въ Римѣ будто бы находится принадлежащій базилианскому ордену домъ, въ которомъ содержится 4 монаха, посылаемые туда изъ ордена для усовершенствованія въ наукахъ, и что домъ этотъ пользуется будто бы покровительствомъ Императора.

В. Страшкевичъ.

Пѣсня на освобожденіе отъ панщины — въ 1861 году.

Пѣсня эта представляетъ собою одинъ изъ откликовъ украинскаго народа, или отъ лица народа, на великое дѣло освобожденія крестьянъ отъ крѣпостнаго права. Она составлена въ видѣ *пародіи* на слѣдующую очень распространенную въ Малороссіи старинную народную любовную пѣсню:

Котылыся возы зъ горы

Тай въ долини стали.

Любылыся-кохалыся. —

Теперьъ пересталы.

Ой такъ! моя мыла!

Коханая—чорнобрыва!

Я зъ тобою жыть не буду, —

По вить тебе не забуду!

Котылыся возы зъ горы —

Поломалысь спици,

А вжежь мени не ходыты —

На ти вечорныци.

Ой такъ — и проч.

¹⁾ Архивъ св. Синода. Дѣло 1822 г. № 54 по каталогу 2 Департ., Римск.-Католич. Духовн. Коллегіи.

Котылыся возы зъ горы —
 Поломалыся ярма;
 А вжежъ мени не ходыты —
 Де дивчина гарна!

Ой такъ — и проч.

И еще дальше есть нѣсколько куплетовъ...

—

Нижеслѣдующая пародія на эту пѣсню, осуждающая и осмѣивающая панщину и ея жестокости,—записана нами въ Уманскомъ уѣздѣ, Кіевск. губ., въ концѣ 60-хъ годовъ прошлаго вѣка, — отъ одного изъ кіевскихъ семинаристовъ.

Котылыся возы зъ горы,
 Тай въ долини стали!
 Паны дуже щиро были, —
 Теперь -- перестали.

Ой такъ — будьмо жыты —
 За крипацѣтвомъ не тужыты!
 Ой такъ, дождалысь!
 Тай утерлы комусь нись!

Ругалыся, згнуцалыся,
 Якъ сами хотили, —
 А мы мовчки та кризь слезы
 Панщину робылы!

Котылыся возы зъ горы —
 Поломалы ярма:
 Вжежъ намъ бильше не ходыты
 На панщину дарма!

Булы паны, що й праздныки
 По поламъ дилылы.
 Про тежъ саме намъ й сусиды
 Часто говорылы.

Котылыся возы зъ горы —
 Поломалы оси:

Вжежъ намъ дворни не выдаты,
Де голи та боси...

Еще боси у застольни
Якъ небудь-бы жылы;
А то въ поли — зъ отарою
Безъ чобитъ ходылы.

Котылыся возы зъ горы —
Поломалы спыци:
Вжежъ панамъ не заглядаты
Дивкамъ пидъ спидныци!

Инши туды заглядалы,
Якъ булы сердыти;
Бильшь же того, що робылы
Не за тымъ, щобъ быты...

Котылыся возы зъ горы —
Поломалы швирни;
Нема панамъ прежнѣй воли. —
Будуть жинкы вирни!

Першъ бувало якъ дивчину
Панъ яку полюбыть, —
Женыть хлопця протывъ воли,
Долю ёго згубыть!..

Ой такъ — будьмо жыты —
За крипацтвомъ не тужыты!
Ой такъ — дождалысь!
Тай утерлы комуь нись...

Сообщ. А. М.

Сенатскій указъ Кіевскому архієпископу Рафаилу Заборовскому, отъ 16 декабря, 1742 года, въ отвѣтъ на его ходатайство о возстановленіи нѣкоторыхъ правъ южнорусскаго духовенства и Кіевской Академіи. По указу Ея Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ, слушавъ учиненного въ Сенатѣ экстракта по прошенію Вашему и всего той епархіи духовенства, которымъ просили: 1) о подтвержденіи указами Ея Императорскаго Величества, дабы свѣтскіе командиры какъ священно, такъ и церковно-служителей безъ

вѣдома духовныхъ управителей къ мірскому суду, по силѣ прежнихъ указовъ, не привлекали и насильно не брали; 2) о подтвержденіи прежде данной отъ великаго Государя и Царя и великаго князя Іоанна Алексѣевича и государя императора Петра Великаго и благовѣрной государыни Царевны Софіи Алексѣевны въ 7194-мъ году грамоты Геддеону Святополку князю Четвертенскому, митрополиту Кіевскому, на право тамошняго духовнаго чина и протчія въ Малой Россіи поведенія Ея Императорскаго Величества грамотою вновь; 3) чтобъ въ Малой Россіи духовнаго чина людямъ покупку и продажу, dobroхотное даваніе грунтовъ и протчихъ угодей къ монастырямъ и церквамъ по-прежнему дозволить; 4) о защищеніи въ Польской области благочестиваго духовенства, къ епархіи Кіевской принадлежащихъ, понеже де нынѣ великія тяжести, озлобленіи и гоненіи отъ ляховъ оныя благочестивыя претерпѣваютъ, и ищутъ они ляхи крайняго святому благочестію искорененія, и многія святыя Церкви отъ благочестивыхъ уже отняли насильно и обратили на унію; 5) чтобъ прежде данныя Академіи Кіевской жалованныя грамоты подтвердить Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшею грамотою и во оную опредѣленную на учителей и для содержанія и возобновленія церкви и чинамъ повсегодную сумму по двѣсти рублевъ, которые велѣно изъ Малороссійскаго войскового скарбу по давнему обыкновенію и указу 741 года состоявшемуся отпускать; 6) чтобъ монастырскимъ Кіевской епархіи на сей сторонѣ Днѣпра обывателемъ за понесенные во время прошедшей войны многія тягости и за издержанныя отъ монастыря подъ слѣдующія россійскаго и турецкаго пословъ на наемъ подводъ деньги 3091 рубль 35 копѣекъ въ податяхъ учинить облегченіе; *приказалъ*: по 1, о небраніи духовныхъ персонъ подъ свѣтской судъ безъ сношенія съ духовнымъ Правительствомъ подтвердить въ Малую Россію, въ Генеральную Войсковую Канцелярію, и въ Кіевъ, и въ Слободскіе полки указами, дабы въ томъ съ духовными персоны поступано было по силѣ состоявшагося блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государя Императора Петра Великаго на докладъ Св. Синода 1721 года марта 15 дня и посланныхъ изъ Правительствующаго Сената въ губерніи въ подтвержденіе оного въ нынѣшнемъ 742 году въ іюлѣ мѣсяцѣ указовъ, подъ опасеніемъ за неисполненіе надлежащаго по указамъ штрафа; по 2-му, съ Иностранною Коллегією справиться по силѣ давней Его Преосвященству въ 7194 году на прежнія тамошняго духовнаго чина права и поведенія грамоты другія въ подтвержденіе

даваны были ль, и въ которыхъ годѣхъ имянно, и на такомъ ли основаніи, какъ оная дана, или съ какими при томъ отмѣнами, и буде даны были, со оныхъ въ Правительствующій Сенатъ сообщить точныя копіи, и какъ получены будутъ, тогда доложить; по 3-му, духовному чину къ монастырямъ и церквамъ недвижимыхъ имѣній не покупать ни подъ какимъ видомъ и никакими сдѣлками въ поминовеніе вкладомъ никому не давать и не укрѣплять, ибо то состоявшимися въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ въ 728 году рѣшительными пунктами точно отрѣшено; по 4-му. о защищеніи и охраненіи обрѣтающихся въ Польской области благочестивыхъ церквей и духовенства рассмотреть и опредѣленіе учинить коллегіи иностранныхъ дѣлъ, и что учинено будетъ, въ Сенатъ прислать извѣстіе; по 5-му, данную Кіевской Академіи грамоту со внесеніемъ во оную о повсягодномъ по силѣ Правительствующаго Сената 741 году октября 2 дня опредѣленія на учителей и на починку церквей и школъ изъ войскового скарбу по двѣсти рублевъ отпускѣ подтвердить и нынѣ опредѣленную сумму ежегодно отпускать (и сочиня оную, предложить Правительствующему Сенату къ подписанію); 6, что же Ваше Преосвященство съ тамошнимъ духовенствомъ просили о полегченіи монастырскихъ подданныхъ въ общенародныхъ податяхъ для понесенныхъ отъ 733 году въ бывшихъ военныхъ тамо обращеніяхъ ихъ тягостей, и объ ономъ объявить, дабы обождено было до того времени, когда, по силѣ именого Ея Императорскаго Величества указа, состоявшагося въ прошломъ 1741 году декабря 15 дня о всѣхъ въ Малой Россіи въ то время понесенныхъ убыткахъ генерально рассмотрѣно будетъ. Преосвященному Архіепископу, и проч. ¹⁾).

Примѣчаніе. По содержанію сего указа, ходатайство возбуждено было Кіевской Духовной Консисторіею, въ составъ которой входили: Кіево-Никольскій архимандритъ Назарій Солонина, Кіево-Михайловскій архимандритъ Сильвестръ Душвицкій, архимандритъ Платонъ (Левицкій), Выдубецкій игумень Гавріиль (Леопольскій), Кирилловскій игумень Германъ (Конашевичъ), Кіево-Софійскій Намѣстникъ Іеронимъ (Миткевичъ), іеромонахъ Варсоноіей Гуторовичъ, катедраальный писарь іеромонахъ Модестъ (Стефановичъ) и архидіаконъ Викентій.

¹⁾ Книга указовъ въ архивѣ Кіевской Духовной Консисторіи за 1743 годъ, № 11.

Представленіе о семь архієпископа Рафаила Заборовскаго подписано 9 мая 1742 года и послано въ Москву къ отправившемуся туда для поздравленія Императрицы, архимандриту Кіево-Братскаго монастыря и ректору Кіевской Академіи Сильвестру Кулябкѣ¹⁾.

Сообщ. Проф. Н. Петровъ.

„Стужа“ въ Малороссіи въ мартѣ 1748 г. Мартъ 1748 года выдался въ Малороссіи настолько холодный, что отъ „безмѣрной стужи“ не только погибла масса скота, но были и человѣческія жертвы. Имѣются данныя о количествѣ погибшихъ людей и скота въ Полтавскомъ полку, гдѣ, какъ кажется, „стужа“ была особенно сильна. Отъ этой мартовской „безмѣрной стужи“ въ Полтавскомъ полку „змерзло“ 10 человѣкъ, а скота погибло — 416 лошадей, 5485 головъ рогатаго скота и 72364 овецъ. Особенно сильна стужа была, надо полагать, въ сотнѣ „Керебердянскоі“ (Келебердянскоі), гдѣ погибло—2 человѣка, 86 лошадей, 1733 головы рогатаго скота и овецъ — 16287. Были жертвы и въ самомъ городѣ Полтавѣ — 1 человѣкъ, 24 лошади, 360 головъ рогатаго скота и 2158 овецъ. Донося объ этомъ Императрицѣ Елизаветѣ, малороссійская генеральная войсковая канцелярія добавляла: „небезуповательно, что от той стужи і в другихъ малороссійскихъ полкахъ таково же убытокъ послѣдовал“, — только о другихъ полкахъ канцелярія не располагала цифровыми данными. (Моск. Арх. Министерства Юстиціи, № 151/1878).

Вл. П—ко.

Свѣдѣніе о количествѣ провіанта, выданнаго изъ магазиновъ Кіевской губерніи на расквартированныя въ Малороссіи полки (1715 — 1717 г.г.). Какъ извѣстно, съ 1712 года стали расквартировываться въ Малороссіи великорусскіе полки. Помимо, конечно, цѣлей чисто экономическихъ, подъ этимъ фактомъ скрывалось желаніе правительства исключить всякую возможность повторенія тѣхъ событій, которыя совершились въ Малороссіи въ 1708—1709 годахъ... Поводъ къ такой мѣрѣ подалъ Шереметьевъ: по замѣчанію малоросс.

¹⁾ Тамъ-же.

лѣтописца, «въ року 1712 какъ сталъ Борисъ Петровичъ Шереметьевъ съ дивизією своею на вѣнтер-квартирахъ въ Малой Россіи, с позволенія гетмана (Скоропадского, такъ и по всякій годъ начала армія великороссійская въ Малороссіи имѣть зимніе квартиры и sustentацію на себе и коней от обывателей получать»¹⁾. Продовольствіе всѣхъ этихъ войскъ и ихъ лошадей возложено было на всѣхъ обывателей; какъ самый провіантъ, такъ и доставка его были безъ платы со стороны правительства; мука, крупа, овесъ, сѣно, сало и пр. должны были доставляться въ натурѣ. Для сбора продовольствія на консистентовъ были учреждены въ полкахъ и сотняхъ комиссары, которые должны были собирать съ обывателей «порціоны и раціоны»... Само собой разумѣется, что стоянка великорусскихъ войскъ въ Малороссіи ложилась тяжкимъ бременемъ на народъ, который имѣлъ на своихъ плечахъ еще и державцевъ; къ тому-же при пріемкѣ и доставкѣ провіанта имѣла мѣсто масса злоупотребленій со стороны русскихъ офицеровъ, сопровождавшаяся надругательствами и насмѣшками надъ малороссіянами²⁾. Понятно поэтому, что Скоропадскій, подавая въ 1722 г. челобитную Петру Великому, въ первомъ ея пунктѣ поставилъ просьбу объ отмѣнѣ „стаціи“, „ибо, писалъ онъ, такъ козаки, яко и посполитые остались малочислены, съ которыхъ козаки знести того не могутъ, чтобъ и драгунъ кормити и по званію своему Вашему Величеству служить“³⁾. Небезъинтересно поэтому привести цифры, въ которыхъ выражалась эта новинность малороссіянъ, — содержаніе великорусскихъ полковъ.

„Вѣденіе, сколько чрезъ три года, 1715, 1716 и 1717, въ лѣтніе мѣсяцѣ отъ людей рейменту нашего на полки армейскіе, zde консистующіе, видано провіанту, якихъ консистентовъ монаршимъ указомъ, в премоцїиѣншихъ его царского пресвѣтлого величества грамотахъ изображеннимъ провіантомъ з магазеновъ кгубернїи кїевской в помянутіе лѣтніе мѣсяцѣ велено sustentовать, да онихъ не sustentовано“.

1-го. Року 1715. Въ семь выжей намѣненномъ року виданный на два мѣсяцѣ лѣтніе провіантъ декларовалъ словесно его княжое сіателство господинъ Димитрій Михайловичъ Голицинъ, кгубернаторъ

¹⁾ Краткое описаніе Малороссіи, стр. 211, изд. 1878 г.

²⁾ См. Маркевичъ. II, стр. 541—43.

³⁾ Маркевичъ. III. 338.

кіевскій, приняты в зачотъ за Камінозатонскій; когда ѣхаль его сіятельство до Санктъ Пѣтербурха, и мы на встрѣть посилали тогда до Контотопу пана писара нашего войскового енералного в року 1717, хочай тотъ провіантъ прежде указовъ сенатскихъ и прежде листовъ губернаторскихъ подлугъ енералного расположенія виданъ:

На одинадцать полковъ, рахуючи в томъ же числѣ главный коммѣссаріатъ, полевую аптеку и инные придатки за полкъ, видано провіанту на два лѣтніе мѣсяцѣ:

Муки четверичковъ (якихъ в четверти осмъ числится) — 52800; з того чинить четвертей — 6600.

Крупъ на одного человекъ по два кгарци в мѣсяцъ, вносить за два мѣсяца кгарцовъ — 52800; з того числа кгарцовъ чинить четверичковъ — 6600; з четверичковъ вносить четвертей — 825.

Соли по два фунти на человекъ в мѣсяцъ, вносить на два мѣсяца фунтовъ — 52800; з того чинить каменей — 1320¹⁾.

Сала по пятнадцать фунтовъ на одного человекъ в мѣсяцъ, вносить на два мѣсяцѣ фунтовъ — 396000; з того чинить каменей — 9900.

2-до. Року 1716. На одинадцать же полковъ армейскихъ видано на пять лѣтнихъ мѣсяцей:

Муки четверичковъ 132000; з того чинить четвертей—16500.

Крупъ кгарцей вносить — 132000; з того чинить четверичковъ—16500; з того четвертей—2062 и четверичковъ—4.

Соли фунтовъ—132000; з того чинить каменей—3300.

Сала фунтовъ—1980000; з того чинить каменей — 49500.

В. В сихъ вираженныхъ рокахъ были полки в комплектѣ и числилося в нихъ людей—13200, которіи всѣ вижей спецѣфікованную муку, крупы, соль и сало получали.

3-тіо. Року 1717. На девять армейскихъ полковъ, в которихъ комплектъ чинилъ людей 10800, такожь выдавано в лѣтніе мѣсяцѣ шесть, а поневажь з тихъ же полковъ было коммендеровано на работу людей—2400 (которимъ в дорогу такожь на мѣсяцъ провіанту

¹⁾ Слѣдовательно, камень (единица вѣса, употреблявшаяся въ старой Малороссіи) равнялся 40 фунтамъ.

видано),—теды на 8400 тилко провіантъ даванный на шесть мѣсяцей зде числится, а именно видано:

Муки четверичковъ - 100800; з того чинить четвертей—12600.

Круповъ кгарцей—100800; з того четверичковъ виносить—12600; з тихъ чинить четвертей—1575.

Соли фунтовъ—100800; з того чинить каменей—2520.

Сала фунтовъ—864000; з того чинить каменей—21600.

За сіе всѣ три роки счисливши вкупу виданный провіантъ виносить in summa:

Муки четвертей—35700.

Круповъ четвертей—4462 и четверичковъ 4.

Соли каменей—7140.

Сала каменей—81000

Вѣденіе, сколько подлугъ листовъ подлиннихъ од сіателѣйшого князя его милости господина Дмитрія Михайловича Голицина, губернатора кіевского, до насъ писаннихъ, выдано чрез два года, 1716 и 1717, в лѣтніе мѣсяцѣ на войска армейскіе од людей рейменту нашего за Камянозатонскій провіанту:

1-го. Року. 1716. На одинадцять комплетовихъ полковъ на два лѣтніе мѣсяцѣ видано:

Муки четвертей—6600; крупъ четвертей—825; соли каменей—13200; сала каменей—9900.

2-до. Року 1717. На девять полковъ некомплетовихъ (бо з каждого по 300 человекъ послано на роботу, опрочъ коммѣссариату, полевой аптеки и проч., що за полкъ числилося) выдавано на шесть мѣсяцей, а именно на человекъ—8400:

Выдано тецы: муки четвертей—12600; круповъ четвертей—1575; соли каменей—2520; сала каменей—21600.

Да в семь-же року 1717 коммендерованнымъ 2400 человекамъ в Санктъ Пітербурхъ видано провіанту на одинъ мѣсяцъ, которого чинить:

Муки—600 четвертей; крупъ—75 четвертей; соли—120 каменей; сала—900 каменей. Итого всего учинить: муки—19800 четвертей; крупъ—2501 четверть; соли—3960 каменей; сала—32400 каменей.

В сихъ двохъ рокахъ виданного провіанту, соли, крупъ и сала вносить сумма:

Муки четвертей—19200.

Крупъ четвертей—2400.

Соли каменей—3840.

Сала каменей—31500.

Сюю чрезъ трилѣтнее время од обывателей рейменту нашего на войска армейскіе, zde консистуючіе, в помянутіе лѣтніе мѣсяцѣ провіанту выдачу для лучшего достовѣрія рукою нашею подписуемъ.

Иванъ Скоропадский, гетманъ войска его царского пресвѣтлого величества запорожского.

Такое віденіе за собственною рукою рейментарскою подано в канцеляріи Кіево-губернской року 1719, мая дни 23“,

(*Съ современной подлиннику копіи, находящейся среди бумагъ А. М. Лазаревскаго*).

В. Модзалевскій.

Извѣщенія Редакціи. Редакція журнала «Кіевская Старина» симъ извѣщаетъ нижепоименованныхъ лицъ, что ею получены въ теchenіе іюня, іюля и августа 1905 г. слѣдующія суммы.

1) На сооруженіе *памятника Т. Г. Шевченку*: а) Отъ Единецкаго кружка любителей драматическаго искусства — 25 р; б) изъ Петербурга — Н. Кармалыга 3 р., И. Калениченко 3 р., Я. Калеяиченко — 2 р., Т. Кальмуцкій, И. Порубаймихъ, К. Назаренко, В. Цехмистренко, Г. Ченакаль, А. Калениченко, С. Мотинъ, Адамовичъ, Н. Кожикинъ — по 1 р., — итого 17 рублей; в) черезъ магазинъ «Кіевской Старины» — Иванъ Слыва 20 к., Степаныда Щербынына и Харитонъ Горощенко по 15 к., Федько Царенко 10 к., — итого 60 к. Всего поступило—42 р. 60 к.; что, вмѣстѣ съ прежними 502 р. (см. № 4-ый), составитъ 544 р. 60 к., которые будутъ храниться въ редакціи до времени учрежденія постоянной комиссіи по устройству памятника Т. Г. Шевченку. Туда-же будутъ направлены и всѣ новыя пожертвованія.

2) На поддержаніе *машины Т. Г. Шевченка*: а) черезъ г. Цикаго Катря Рябоконь и Григорій Кузнецъ по 50 к., Мотря Сичова, Окса-

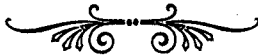
на Сичова, Иванъ Зимніусъ, Наталка Квитковская, Василь Тарасенко, Владиміръ Бойко, Степанъ Шкурать, Михайло Кужиль, Василь Долженко — по 25 к., П-цкій 20 к., — итого 3 р. 45 к.; б) отъ И. и З. Мѣрныхъ — 5 р. Всего 8 р. 45 к., что, вмѣстѣ съ прежде поступившими 434 р. 75 к. (см. № 3-й), составитъ 443 р. 20 к. На эти средства будетъ устроена каменная лѣстница на могильный курганъ, а также будетъ произведена посадка деревъ и кустарниковъ на площади, вновь прирѣзанной г. Каневою къ усадьбѣ Шевченковой Горы.

Приложеніе.

ЛИТЕРАТУРА

○

В. Н. КАРАЗИНЪ.

Источники и пособія.

Абрамовъ, Я. В. „В. Н. Каразинъ, его жизнь и общественная дѣятельность“. Спб. 1891 г.

Анастасевичъ, В. „Записка о Василии Назарьевичѣ Каразинѣ“. Чтеніе въ Общ. Ист. и Древн. Россійск. 1861 г. т. 3-й.

Проф. Багалъй, Д. И. „Опытъ исторіи Харьковскаго университета (по неизданнымъ матеріаламъ“, т. I-й. Харьковъ, 1893 — 1898 гг.

Его-же. „Просвѣтительная дѣятельность Василия Назаровича Каразина“. Записки Императ. Харьковск. университет. 1893 г. кн. 3.

Его-же. „Къ біографіи В. Н. Каразина“. Сборникъ Харьковскаго Историко-Филол. Общества, т. 3. Харьковъ, 1891 г.

Его-же. „Матеріалы для біографій южно-русскихъ научно-литературныхъ дѣятелей XIX вѣка“. Кіевъ, 1903 г.

Его-же. „Назарій Александровичъ Каразинъ и его колоколь“. Кіевская Старина, 1892 г. ноябрь.

Его-же. «Каразинъ Василій Назаровичъ». Энциклопедич. словарь Брокгауза и Ефрона, т. 27.

Барсуковъ, Н. „Жизнь и труды М. П. Погодина“ кн. 2, 3, 6 и 7. Спб 1888 — 1893 г

Бодянской, О. „Замѣчаніе къ запискѣ о В. Н. Каразинѣ“. Отзывъ по поводу „замѣчанія къ запискѣ о В. Н. Каразинѣ“. Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Россійск. 1861 г. т. 3.

Его-же. „Попытка В. Н. Каразина бѣжать за границу“. Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Россійск. 1866 г. т. 3.

Бочаровъ. „Памяти В. Н. Каразина“. Московская Иллюстрирован. Газета, 1892 г. № 307.

То-же въ „Южномъ Краѣ“ 1892 г. № 4070 (отъ 8 ноября).

Геннади, Г. Н. „Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ и списокъ русскихъ книгъ съ 1725 по 1825 гг. т. II. Берлинъ, 1880 г.“.

Герценъ. „Императоръ Александръ I и В. Н. Каразинъ“. Полярная звѣзда 1862 г. изд. Герценомъ т. VII, вып. II стр. 57 — 72. Лондонъ.

Гулакь-Артемовскій. „Солопій та Хивря або Горохъ пры дорозі“. — Казка. Украинскій Вѣстникъ, 1819 г. ч. 16, кн. 8, октябрь.

Данилевскій, Г. П. „Матеріалы для исторіи украинской литературы и народнаго образованія. Украинская Старина, Харьковъ, 1866 г.

Его-же. „В. Н. Каразинъ“. Харьковск. Губернск. Вѣдомости за 1860 г., №№ 67—68.

Его-же. „Василій Назаровичъ Каразинъ“ Русская Старина, 1872 г. т. VI.

Державинъ, Г. Р. „Записки“ Изд. Русской Бесѣды, Москва, 1860 г.

Дубровинъ, Н. „Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка“. Русская Старина, 1900 г.—октябрь, ноябрь; 1901 г.—октябрь.

Его-же. „Графъ А. А. Бенкендорфъ и В. Н. Каразинъ“. Русская Старина, 1903 г.—апрѣль.

Его-же. „Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе Императора Александра I-го (съ 1807 по 1829 гг.), Спб. 1883 г.

Его-же. „Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива 1-го отдѣленія Канцеляріи Его Величества“. Вып. I-й, Спб. 1878 г.

Его-же. „Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи“. В. 2-й, Спб.—1889 г; вып. 5-й—1892 г; вып. 7-й—1895 г; вып. 9, Спб. 1897 г; вып. 11-й, Спб. 1898 г. (подъ редакціей Дубровина).

Н. Д. (Дубровинъ) „Стихотвореніе В. Н. Каразина, написанное имъ въ 1809 году“ (не принадл. Каразину). Русская Старина, 1903 г. сент. стр. 558.

Жихаревъ. „Записки современника или записки студента“, т. II-й, стр. 444.

Иконниковъ, В. С. „Графъ Н. С. Мордвиновъ“. Спб. 1873 г.

Его-же. „Опытъ русской исторіографіи“, т. I, кн. 1-я, стр. 702, 803, 847; т. I-й, кн. 2-я, стр.: 925, 935, 938, 1154, 1161, 1181, 1183, 1184.

Илляшевичъ, Л. В. „Очеркъ исторіи харьковскаго дворянства“. Харьковъ, 1885 г.

Каразинъ, Ф. В. „Василій Назаровичъ Каразинъ, основатель Харьковскаго университета“. Русская Старина 1875 г., т. XII, XIII и XIV.

Его-же. „Отвѣтъ г. Оресту Миллеру“. Голось, 1871 г. № 38.

Его-же. „Василій Назаровичъ Каразинъ. Біографическія замѣтки“. Русская Старина, 1871 г. т. 3;

— Также—Русская Старина 1870 г., т. 2.

Его-же. „Письмо Ф. В. Каразина (біографич. записка) объ отцѣ его А. Г. Тройницкому“. Русскій Архивъ. 1894 г., т. I-й.

Его-же. „Замѣтки на біографіи В. Н. Каразина“, составленныя Г. П. Данилевскимъ и напечатанныя въ Сѣверной Пчелѣ за 1860 г. № 92.

Его-же. Статья въ „Сѣверной Пчелѣ“ за 1855 г. № 4.

См. также въ „Сѣверной Пчелѣ“ за 1854 г. № 235.

Его-же. „Письмо къ Г. П. Данилевскому“. Современная лѣтопись, 1865 г. № 16. Ст. Н. Н.

Калайдовичъ, К. Ф. „Записки важныя и мелочныя“. Лѣтописи русской литературы и древности, изд. Н. Тихонравовымъ, т. III, стр. 81 и 105. М. 1861 г.

Кенпень, Г. „Нѣкоторыя свѣдѣнія о В. Н. Каразинѣ“. Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Россійск. 1863 г., т. III-й смѣсь.

Проф. Лавровскій, Н. А. „Василій Назарьевичъ Каразинъ и открытіе Харьковскаго университета“. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, ч. CLIX, Спб. 1872 г.

Его-же. „Воспоминаніе о Василии Назаровичѣ Каразинѣ“. Журн. Минист. Народн. Просв., ч. CLXV, 1873 г., февраль.

Прот. о. Н. Лашенковъ. „Василій Назарьевичъ Каразинъ, какъ помѣщикъ села Кручина“. Харьковскій Сборникъ на 1887 г. Харьковъ, 1887 годъ.

Л. (Десли). „Иванъ Филипповичъ Вернегъ“. Современникъ 1847 г., т. I-й, стр. 172—173.

Лопаревъ Хрусанѣ. — „Описаніе рукописей импер. общ. любителей древней письменности“, ч. I, Спб. 1892 г. СXXXI, 15, 16, 17, 18, 21 и 22.

Лященко, А. „Къ исторіи Харьковскаго университета“. Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества, т. 8-й. Харьковъ, 1896 г.

Межовъ. Библиографическій указатель книгъ и статей по русской и по всеобщей исторіи, т.т. I-й, II-й, III-й и IV.

Жозефъ-де-Местръ. „Письма изъ Петербурга въ Италию“. Русскій Архивъ, 1871 г., стр. 135—138.

Миллеръ, Д. П. „Арестъ и ссылка В. Н. Каразина“. Историческій Вѣстникъ, 1900 г. — апрѣль.

Его-же. „В. Н. Каразинъ и кн. П. И. Трубецкой“. Историческій Вѣстникъ, 1900 г. — июнь.

Миллеръ, О. „Каразинъ и Карамзинъ“. Голось, 1871 г., № 18.

N, N. „Ст. о В. Н. Каразинѣ“. Голось, 1870 г., № 340, фельетонъ. (переписка съ Кочубеемъ и критич. записки К — на).

Петровъ, Н. И. „Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія“. Кіевъ, 1884 г.

Погодинъ, М. „Николай Михайловичъ Карамзинъ, по его сочиненіямъ, письмамъ и отзывамъ современниковъ“, ч. II. Москва, 1866 г.

Пыпинъ, А. Н. „Общественное движеніе въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I-го“. Изд. 3-е. Спб. 1900 г.

П. Е. Статья въ „Николаевскомъ Вѣстникѣ“ за 1873 г. № 13.

Рождественскій, С. В. „Историческій обзоръ дѣятельности Мин. Нар. Просв. 1802—1902“. Изд. Мин. Нар. Просв. Спб. 1902 г.,

Проф. Роммель. „Пять лѣтъ изъ исторіи Харьковскаго университета“. Харьковъ, 1868 г.

Сахаровъ, И. П. „Записки“, Русскій Архивъ, 1873 г., т. I-й.

Семевскій, В. И. „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка“, т. I-й. Спб., 1888 г.

Его-же. „Нѣсколько словъ о В. Н. Каразинѣ“. Вѣстникъ Европы, 1893 г.—февраль.

Семевскій, М. И. „О сооруженіи памятника В. Н. Каразину“. Русская Старина, 1873 г., т. 7, стр. 418.

Сербиновичъ, К. „Н. М. Карамзинъ и А. О. Воейковъ“. Русская Старина, 1872 г., т. 5.

Срезневскій, И. „Каразинъ Василій Назаровичъ“. Русскій біографическій словарь Половцева. Спб., 1897 г.

Проф. Сумцовъ, Н. Ѳ. „Три письма В. Н. Каразина“. Сборникъ Харьковскаго Историко-филолог. Общества, кн. III. Харьковъ, 1891 г.

Его-же. „Культурный уголокъ Харьковской губерніи (Поповская Академія)“. Харьковъ, 1888 г. Отд. оттискъ „Харьк. Сборн.“ за 1888 г.

Сухомлиновъ, М. „Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I-го. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, ч. СХХVIII, Спб. 1865 года и ч. СХХХII, Спб. 1866 годъ.

Сушковъ, Н. „Изъ записокъ о времени Александра I-го“. Вѣстникъ Европы, 1867 г., т. II-й.

С—ій. „Къ біографіи В. Н. Каразина“. День, 1865 г. № 16.

Тихонравовъ, Н. „Лѣтописи русской литературы и древностей“, т. III. Москва, 1861 г.

Tourgeneff, N. „La Russie et les Russes, t. I. Paris, 1847.

Трифилевъ, Е. „Бѣгство В. Н. Каразина за границу“. Записки Харьковскаго ун — та, 1901 г. кн. 2-я.

Тройницкій, А. Г. „Некрологъ“. Одесскій Вѣстникъ, 1842 г. № 95 (28 ноября). — Также „Одесскій Вѣстникъ“, 1873 г. № 23.

Толль, Ф. „Настольный Словарь“, т. II: „Каразинъ“. Изд. 1864 г.

Т. В. „Письмо къ Издателю“ Сынъ Отечества. Критики статьи В. Н. Каразина: „Чистая Правда“. Сынъ Отечества, 1819 г. ч. 57, № 44.

Фойгтъ, К. „Историко-статистическія записки о Харьковскомъ унив — тѣ“. Харьковъ, 1859 г.

Его же „Матеріалы для исторіи основанія Харьковскаго уни-та“. Харьковскія Губернскія Вѣдомости, 1878 г. №№ 9—47.

Фортунатовъ, Ѳ. „Памятныя записки Вологжанина“ Русскій Архивъ, 1867 г.

Х*** „О В. Н. Каразинѣ“ Харьков. Губернск. Вѣдомости, 1875 г. № 241.

Шашковъ, С. „Движеніе русской общественной мысли въ началѣ XIX вѣка“. Дѣло, № 6.

Шильдеръ, Н. К. „Императоръ Александръ Первый, его жизнь и царствованіе“, т. II, Спб. 1897 г.; т. IV Спб. 1898.

Его же „Имп. Ник. I-ый“, т. I-ый Спб. 1903. 523 стр.

Его же. „Два доноса въ 1831 г.“ Русская Старина, 1899 г. т. 97, стр. 294—5; 608—9.

Шмидъ, Е. „Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи“. Переводъ съ нѣмец. А. О. Нейлисова, Спб. 1878 г.

Шугуровъ, Н. „Илья Ѳедоровичъ Тимковскій. педагогъ прошлаго времени“. Кіевская Старина, 1891 г. т. 34.

Ярославскій, В. И. „Воспоминанія“. Харьковскій Сборникъ на 1887 г. Харьковъ, 1887 г.

Z. „Дополненіе къ „Запискѣ“ Каразина императору Александру I-му“. С.-Петербургскія Вѣдомости, 1871 г. № 9.

„В. Н. Каразинъ и господство надъ природой“. Рус. Арх. 1892 г. кн. 5.

„Данныя о сочиненіяхъ В. Н. Каразина“. Кіевская Старина, т. 38, стр. 180.

Записка губернатора Муратова о статскомъ совѣтникѣ Каразинѣ“. Русская Старина, 1900 г. т. 103, стр. 153.

„Чествованіе памяти В. Н. Каразина въ Харьковскомъ универ-тѣ по случаю 50-лѣтія со дня его кончины“. Кіевская Старина, 1892 г. декабрь.

Молодикъ, журналъ на 1844 г.; изд. И. Е. Бецкимъ. Спб. 1844, стр. 241—243.

Московскія Вѣдомости, 1842 г. № 101, стр. 766. То же: 1861 г. № 114 стр. 914.

Харьковскія Вѣдомости, 1869 г. № 1—51. То же, 1873 г. № 27 и № 140. То же, 1874 г. № 241. То же, 1880 г. № 155. То же, 1892 г. №№ 283, 287, 288, 290, 291.

Южный Край, 1889 г. № 2766 (отъ 17-го янв.) 1890 г. № 3108 (отъ 17-го янв.). То же, 1891 г. № 3793 (отъ 17-го янв.). То же, 1892 г. № 4066 (отъ 4 нояб.), № 4070 (отъ 8 нояб.) и № 4071 (отъ 9 нояб.).

„Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки“ за 1878 г. Спб. 1879, стр. 23—25.

„Сборникъ постановленій по Министерству Народнаго Просвѣщенія т. I (1802—1825 гг.). Спб. 1864 г.

„Сборникъ статей по славяновѣдѣнію“, изд. учениками В. И. Лощанскаго ¹⁾.

„Евгеніевскій Сборникъ“ XV—XVI ¹⁾.

„Собраніе мнѣній Н. Р. Мордвинова“, т. X. Отвѣтъ В. Н. Каразину о состояніи финансовъ въ Россіи отъ 28-го мая 1832 г. ¹⁾.

¹⁾ На эту книгу найдено лишь указаніе; ею мы не пользовались и указываемъ лишь въ интересахъ полноты литературы о В. Н. Каразинѣ.

„Труды Общества любителей російской словесности“ за 1819 г. тт. VIII и IX.

„Циркуляръ по Харьковскому Учебному Округу“, 1875 г., № 7.

Нѣкоторые матеріалы помѣщены также въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1863 г. стр. 461, 469; и за 1875 г. т. I-ый, стр. 352.

Рядъ статей изъ Энциклопедич. Слов. изд. Брокгауза и Ефрона.

Письма.

Н. Карамзина къ В. Н. Каразину отъ 25-го мая 1818 г. Русская Старина, 1900 г. апрѣль, стр. 138.

Н. М. Карамзина къ Каразину. Тамъ же, мартъ, стр. 684.

Н. М. Карамзина къ князю Вяземскому отъ 11-го сентября 1818 г. — „Старина и Новизна“. Историч. Сборникъ. изд. при Обществѣ ревнителей русскаго просвѣщенія имп. Александра III, Спб. 1897 г. стр. 61—62.

Тамъ же справки о В. Н. Каразинѣ, стр. 296.

„Письма Карамзина къ Дмитріеву“, изданныя Гротомъ и Пекарскимъ, Спб.

М. Н. Муравьева къ В. Н. Каразину. Русская Старина, 1900 г. т. 103, стр. 56.

Тамъ же отъ 28-го марта 1805 г. и „Дипломъ В. Н. Каразина на званіе почетнаго члена Московскаго ун-та. Русская Старина 1900 г. апрѣль, стр. 186.

Коновницына П. къ В. Н. Каразину отъ 26-го мая 1813 г. Тамъ же, т. 103, стр. 392.

О. Козодавлева къ В. Н. Каразину, по поводу устройства въ Москвѣ конторы Филотехническаго Общества. Русская Старина, 1901 г. стр. 200, июль, (отъ 17 апр. 1815 г.).

Прокоповича-Антонскаго: „Избраніе Василя Назаровича Каразина въ дѣйствительные члены Общества любителей російской словесности“. Тамъ же, февраль, стр. 470 (отъ 22-го апрѣля 1818 г.).

Кіевскаго митрополита Амвросія къ петербургскому митрополиту отъ 7-го марта 1804 г. Русская Старина, 1901 г. мартъ, стр. 742.

Гр. В. Кочубея къ В. Н. Каразину отъ 13-го февр. 1811 г. Русская Старина, 1900 г. июнь, 592.

Е. Константиновича В. Н. Каразину отъ 9-го іюля 1801 г. Русская Старина, 1900 г. октябрь, стр. 192.

Г. Р. Державина къ В. Н. Каразину, по поводу его рѣчи, произнесенной въ Филотехническомъ Обществѣ, отъ 5-го марта 1814 г. Русская Старина, 1900 г. ноябрь, 482.

Императора Александра I-го къ кн. Салтыкову. Русскій Архивъ 1876 г., № 1, стр. 59.

Три письма Сперанскаго къ Каразину 1801 г. Харьковскія Губерн. Вѣдомости 1875 г. № 241.

NN къ Каразину. Тамъ же.

Федора Манжаренки. Тамъ же.

А. А. Палицына къ В. Н. Каразину. Молодикъ на 1844 г. Харьковъ, 1843 г. стр. 204—205.

И. В. Васильчикова къ кн. А. С. Меншикову. Русскій Архивъ 1875 г. т. III, стр. 417—418.

И. В. Васильчикова къ императору Александру I-му отъ 26 ноября 1820 г. Тамъ же, т. II, стр. 925.

М. Погодина къ Шевыреву Русскій Архивъ 1894 г. I 561—572. 1882 г. кн. 5—6.

Митрополита Евгенія Болховитинова къ В. Г. Анастасевичу. Русскій Архивъ 1889 г. кн. 2-я.

„Письмо изъ С.-Петербурга къ автору рѣчи о важности лѣсоводства“. Украинскій Вѣстникъ, 1818 г. январь.

Переписка митр. Евгенія съ гр. Д. И. Хвостовымъ.

29 писемъ къ В. Н. Каразину разныхъ лицъ въ періодъ отъ 1801 по 1841 гг. напечатаны въ „Сѣверной Пчелѣ“ за 1860 г. № 92.

Матеріалы собраны до 1903 года включительно. Мелкія замѣтки въ Харьковскихъ газетахъ не указаны за незначительностью ихъ.

Кромѣ указанныхъ печатныхъ пособій, матеріаломъ для монографіи служили многочисленныя документы въ рукописяхъ, частью которыхъ далъ намъ воспользоваться проф. Д. И. Багалъй; другая часть найдена нами въ архивахъ Харьковск. И. Ун-та, Х. Дворянскаго Деп. Собранія, церкви села Крючика и рукописяхъ, хранящихся въ Фунд. Библ. Харьк. ун-та. Между прочимъ найдены и разсмотрѣны слѣдующія „Дѣла“ еще не опубликованныя:

„О внесеніи въ дворянскую родословную книгу Василя Назарьева сына Каразина 1799 года“ на 5 листахъ. По описи дѣлъ Сл. Укр. Деп. Двор. Собр. о внесеніи въ родосл. кн. № 8.

„Объ отправленіи Депутатовъ въ г. Москву для принесенія имп. Александру I вѣрноподд. благодарности за подтвержденныя грамоты дворянамъ, жалованными Екатериной Второю, и обзоръ для таковой поѣздки на содержаніе“, 1801 г. на 184 л. По описи дѣлъ Харьк. Деп. Собр. и Губ. Предв. Двор. 1783—1827 г. № 6.

„О разсылкѣ къ Уѣзднымъ Предводит. Двор. по 4 экземпляра Филотехническаго Общества правилъ“ 1811 г. на 15 л. По той же описи № 10.

„О внесеніи въ двор. родосл. кн. Каразина В. Н. ст. сов. жены его Александры и дѣтей Василя, Егора, Филадельфа, Александра, Николая, Валеріана и Пелагеи“ 1828 г. на 12 л. По описи дѣлъ Сл. Укр. Деп. Дв. Собр. о внес. въ родосл. кн. № 32.

„По отношенію гражд. губернатора о дополненіи формул. списка о службѣ ст. сов. Василя Каразина“ 1829 г. на 15 л. По описи дѣлъ Губ. Предв. Двор. 1828—1835 гг. № 22.

„Харьковскаго Губ. Предв. Дворянства о ст. сов. Василии Каразинѣ, кандидатѣ въ Предсѣдатели Палаты Уголовнаго Суда здѣшной губерніи и полковникѣ Веселовскомъ, избранномъ въ сіе званіе“ 1829—1830 гг. на 77 л. По той же описи за № 65.

„О предложенномъ отъ ст. сов. Каразина средствѣ употреблять исландскій мохъ въ неурожайное время года на хлѣбъ“ 1830 г. на 7 л. По той же описи за № 27.

„Дѣло о поступкѣ, сдѣланномъ ст. сов. Каразинымъ въ канцеляріи Правленія Харьк. ун-та 1835 г. на 8 л. Фунд. Библ. Харьк. ун-та, шкафъ рукописей ¹⁰/₃.

„Дѣло Правленія Имп. Харьк. ун-та о самоправномъ взятіи Каразинымъ аттестата“ 1835 г. Тамъ же ¹⁰/₂₄ на 9 л.

„Дѣло Правленія Имп. Харьк. ун-та о выдачѣ ст. сов. Каразину свидѣтельства о дворянскомъ происхожденіи сына его и проч.“ 1839 г. Тамъ же ¹⁰/₆.

„Дѣло Правленія Харьк. ун-та о сдѣланіи надлежащаго полиціи отношенія, въ разсужденіи свободнаго выѣзда въ деревню ст. сов. и кав. Каразина Крючекъ мастерамъ“ 1805 г. на 6 листахъ. По описи Правл. X. ун. за № 47.

„Дѣло Совѣта Харьк. ун-та объ учрежденіи нѣкоторыхъ лицъ въ званіи почетныхъ членовъ сего ун-та“ 1811 г. на 9 л. По описи дѣлъ совѣта X. ун. за № 5.

„Биографія В. Н. Каразина“, составленная въ рукописи помощн. бібліотекаря Харьковскаго ун — та Чириковымъ еще въ 70-хъ годахъ, также разсмотрѣна нами; (рукопись эта содержитъ свыше 400 страницъ (четвертушекъ) и заключаетъ въ себѣ цѣнныя данныя, гл. обр., по судебнымъ тяжбамъ В. Н. Каразина) находится она въ Архивѣ Историко-Филолог. Общ. при Харьк. ун — тѣ.

Въ архивѣ церкви с. Кручика (бывшаго имѣнія В. Н. Каразина) найдено нами нѣсколько писемъ В. Н. и церковныя прихода-расходныя книги имъ собственноручно веденныя. Эти матеріалы будутъ помѣщены въ собраніи сочиненій В. Н. Каразина, которое теперь печатается.

Кромѣ документовъ, при составленіи монографіи имѣлись въ виду показанія устныхъ лицъ, лично помнившихъ В. Н. Каразина, потомковъ лицъ, приходившихъ въ соприкосновеніе съ нимъ, рассказы родственниковъ Каразина, крестьянъ и жителей села Кручика, а также личныя наблюденія автора на мѣстѣ дѣятельности В. Н. Каразина (въ Кручикѣ).

Сочиненія В. Н. Каразина,

въ хронологическомъ порядкѣ (1798 -- 1842).

Письмо къ имп. Павлу I отъ „14 августа 1798 г. Ковно“, (помѣтка В. Н. Каразина). Письмо это въ пересказѣ по памяти „многіе годы

спустя послѣ 1798“ (Прим. М. И. Семевского). Русская Старина 1873 г. апрѣль стр. 567—568. .

Письмо къ имп. Павлу I отъ «30 августа, 1798 г. Г. Ковно». Подпись: Дворянинъ Слободско-Украинской Губерніи, Василій Каразинъ». Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Росс. 1866 г. т. III, Смѣсь, стр. 32—33.

Показаніе В. Н. Каразина, данное въ Петербургѣ «Октября 1-го, 1798 г.». Подпись: «Василій Назаріевъ сынъ Каразинъ». Тамъ же стр. 34 — 35. Этотъ и два приведенные выше документа напечатаны также въ Запискахъ Харьковск. ун — та за 1901 г., кн. II, стр. 171—179 — въ статьѣ Е. Трифильева: «Попытка В. Н. Каразина бѣжать за границу».

«Возлюбленному царю! одинъ изъ прямыхъ его подданныхъ». Письмо писанное имп. Александру I-му 12 — 22 марта 1801 года». Безъ подписи. Н. К. Шильдеръ, «Императоръ Александръ I». Томъ второй, Спб. 1897. Приложение Ш-е, стр. 324 — 330.

«Мысли относительно до присутственныхъ мѣсть». «15 мая, 1801 г.», въ сноскѣ къ заглавію значится: «Подано Д. П. Трошинскому». Подпись В. Каразинъ. «Чтенія» 1863 г. т. III, Смѣсь, стр. 115—122.

«О причинахъ постепеннаго упадка курса въ Россіи и о средствахъ поднять оный». «Списокъ съ бумаги, которая между прочими подана была Государю въ юнѣ 1801 года». Безъ подписи. Бумага эта (или копія съ нея) передана В. Н. Каразинымъ издателю „Молодика“ — Бецкому. „Чтенія“... 1861 г. т. III, Смѣсь, стр. 177 — 191. Подлинная бумага носила названіе: „Предначертаніе прожекта о одобреніи торговли, государственныхъ долговъ и пр.“. Сборн. Ист. Мат. канц. Е. В. вып. 11, стр. 14.

Письмо къ о. Василию Фотіеву отъ „2 мая 1802 года“ Первоначально въ Харьк. Губ. Вѣд. за 1860 г. № 35, часть неофф.; затѣмъ въ „Украинской Старинѣ“ Г. П. Данилевскаго Харьковъ, 1866 г. стр. 135—139 и во мног. друг. изд.

„Предначертаніе о Харьковскомъ университетѣ“, читанное собранію дворянъ 20 августа 1802 г. и

„Пояснительная записка къ предначертанію о Харьковскомъ университетѣ“, поданная кн. Чарторижскому и гр. Потоцкому. Русс. Стар. 1875 г. т. 13, стр. 66—71—76.

„Рѣчь, говоренная, августа 31-го дня 1802 года, въ собраніи Харьковскаго дворянства, депутатомъ его, коллежскимъ совѣтникомъ В. Н. Каразинымъ, испросившимъ Высочайшее соизволеніе на основаніе въ г. Харьковѣ университета“. „Молодикъ“ на 1844 г. Харьковъ 1843 г., стр. 245—250. Тоже самое помѣщено въ „Вѣстникъ Европы“ 1803 г. № 16. Смѣсь, стр. 235 — 242 и въ „Русской Старинѣ“ 1875 годъ т. XII, стр. 333 — 336.

Отчетъ о дѣятельности по устройенію Харьковскаго университета Н. Н. Новосильдову 10-го іюня 1803 года. Подпись: „Василій Назаріевъ сынъ Каразинъ“. Въ „Опытѣ Исторіи Харьковскаго университета“ проф. Д. И. Багалѣя. Т. I, гл. II, стр. 107—112.

Письмо къ князю Адаму Чарторыжскому: „21 Novembre 1804. Au Prince Czartoryskij“. Подпись: Basile Karasine. Оригиналъ по-французски.

„Supplement à me lettre du 21 Novembre (à son Altesse le Prince Czartoryskij) подпись: 27 de Novembre 1804. St.-Petersburg. V. Karasine. Тоже по-французски. Переводъ этихъ статей Фил. Вас. Каразина, съ приложеніемъ оригиналовъ помѣщенъ въ Русс. Стар. 1871 г. т. III, стр. 701—707—718. Переводъ помѣщенъ также въ газетѣ Погодина „Русскій“ 1868 г. № 15.

„Идея 1803 или 1804 годовъ, или 1801 еще, но написана, когда я занимался сербами въ 1804 году“, съ примѣчаніемъ за подписью В. К. Русс. Стар. 1871 г. т. III, стр. 718—719.

„Церковная запись“ Каразина: отъ 8 декабря 1805 года. Харьковскій Сборникъ 1887 г., стр. 54—55.

Описаніе снаряда для гонки вина изобрѣтеннаго ст. с. Каразинымъ. Съ приложеніемъ статьи: „Въ совѣтъ имп. моск. университета отъ почетнаго члена, Василя Каразина, покорнѣйшее представленіе, отъ 21-го февраля 1806 года“. Подпись: В. К. Въ „Повременномъ изданіи о полезныхъ изобрѣтеніяхъ въ искусствахъ, художествахъ и ремеслахъ и важнѣйшихъ предметахъ земледѣлія и торговли, издаваемой при московской губернской гимназіи“ № 12, 1807 г. стр. 72—78.

„Рѣчь, произнесенная въ публичномъ собраніи москов. общества испытателей природы, 18-го сентября сего (1807) года, членомъ общества, ст. сов. и кав. В. Н. Каразинымъ, по случаю представленія нѣсколькихъ окаменѣлостей, найденныхъ имъ въ окрестностяхъ Москвы“. Вѣстникъ Европы 1807 г. часть XXXV, октябрь, № 20; собственно рѣчь на стр. 241—247; къ рѣчи приложена „Записка представленныхъ окаменѣлостей и породъ“ на стр. 248—250.

„Омега. Послано чрезъ почту въ 1808-мъ году, предъ отъѣздомъ Его Величества въ Эрфуртъ, но получено по возвращеніи“. Собственноручная надпись В. Н. Каразина на оригиналѣ, хранящемся въ Имп. Публ. Библ. См. Отчетъ Императорской Публичн. Библ. за 1878 г. стр. 24—26. Къ подлиннику есть позднѣйшія собственноручныя приписки Каразина.

„Письмо къ императору Александру о невмѣшательствѣ въ дѣла Европы“. „1809 года, октября 4-го дня“; подпись: Василій Каразинъ. „Чтенія Общ. Ист.“ за 1863 г. т. III, Отд. Смѣси, стр. 123—130.

Письмо В. Н. Каразина къ Слободско-Украинскому губернатору Ивану Ивановичу Бахтину, отъ 30 января 1810 г., изъ Москвы. Подпись: Василій Каразинъ. Русская Старина 1871 г. т. III, стр. 335—336.

Mémoire lu à la Société Impériale des Naturalistes (de Moscou) dans la séance du 15 mars 1810, par le membre ordinaire V. N. Karasinn. Kharhov. 1812. 8° 10 p. Переводъ этой статьи напечатанъ въ „Сынѣ Отечества“ за 1817 г. № LII, ч. XLII, стр. 265—274, за подписью: Перев. П. Гвоздевъ, и называется: „Записка ординарнаго члена Имп. моск. общ.

естествоиспытателей, В. Н. Каразина“. Эта же записка, написанная на русском языкѣ въ 1812 году самимъ В. Н. Каразинымъ, помѣщена въ „Русс. Стар.“ за 1871 г. т. III, стр. 719—722 за подписью: В. Каразинъ и озаглавлена: „Записка, читанная въ императорскомъ моск. общ. естествоиспытателей дѣйствительнымъ членомъ онаго, В. Н. Каразинымъ, 15 марта 1810 года.

„Практическое защищеніе противъ иностранцевъ существующей нынѣ въ Россіи подчиненности поселянъ ихъ помѣщикамъ, или соглашеніе сей подчиненности со всеобщими началами монархическаго правленія и государственной полиціи, также и съ истиннымъ благосостояніемъ человѣчества“. Письмо одного помѣщика *** ской губерніи къ своему губернатору“. Безъ подписи. Помѣчено: „Москва, апрѣля 11-го дня 1810 года“. „Чтенія въ Общ. Ист.“ за 1861 годъ, т. III, Смѣсь, стр. 135—176.

Письмо къ доктору Реману 1810 года. (О постановкѣ просвѣщенія въ Россіи) „Русская Старина“ 1875 г., апр. стр. 750—758

„Мысли о учрежденіи въ полуденныхъ губерніяхъ російской имперіи общества, подъ названіемъ филотехническаго въ пользу домоводства сихъ губерній“. Харьковъ, въ универ. типографіи, 1811 г. 12°, 38 стр. Безъ подписи. Брошюра заключаетъ въ себѣ 1) „Мысли о учрежденіи филотехническаго общества“ (3—14 стр.). 2) „Предначертаніе правилъ филотехническаго общества“ (15—26 стр.) состоящ. изъ 24 §§ и въ приложеніи. 3) „Письмо помѣщика Слободско-Украинской губерніи дѣйст. ст. сов. и кав., Григ. Ром. Шидловскаго, къ г. губернскому предводителю“, за скрѣпою самого губ. предводителя А. Θ. Квитки.

„Извѣстіе о филотехническомъ обществѣ, составившемся въ Харьковѣ, 17 января и высочайше утвержденномъ 10-го марта сего 1811 года. Въ Харьковѣ, въ унив. типогр. (12° 36 стр.) 1811 г.“. Безъ подписи. (Одобр. ценз. 24 апр. 1811 г.). Въ брошюрѣ помѣщены 1) „Предувѣдомленіе“, 2) „Первоначальный актъ филотехническаго общества“ (отъ лица учредителей за подписью 35 членовъ), 3) „Правила филотехническаго общества“ 4) „Хозяйственныя распоряженія общества“, 5) „Высочайшій указъ“ объ утвержденіи общества и 6) „Примѣчанія“ Каразина.

„Извѣстіе о филотехническомъ обществѣ, изданное въ послѣднихъ числахъ апрѣля мѣсяца 1811 года продолженіе первое“. Въ Харьковѣ въ унив. типогр., 1811 года 12°. Стр. 40—89. Подпись: Василій Каразинъ. (Одобр. ценз. 24 сент. 1811). Въ брошюрѣ помѣщены: „Протоколъ засѣданія общества 10-го августа 1811 г.“ и приложенія: 1) „Слѣдствія опыта, учиненнаго надъ выпаривательнымъ снарядомъ селитры г. Каразина“, 2) „Отчетъ за май, іюнь и іюль 1811 г.“ Каразина, 3) „Продолженіе списка членовъ общества“, 4) Замѣтка о собраніи 16 августа и 5) Дополнительный списокъ членовъ Ф. Об.

„Рѣчь о пользѣ просвѣщенія въ домохозяйствѣ“, „говоренная въ Харьковѣ августа 18, 1811 г. въ публ. собр. фил. общ. Вас. Наз. Каразинымъ. Харьковъ 1811 г. 20 стр. На стр. 18—20 помѣщенъ отрывокъ

изъ рукописи: „Практическое защищеніе противу иностранцевъ установленной въ Россіи подчиненности поселянъ ихъ помѣщикамъ“. Та же рѣчь помѣщена въ „Вѣстникъ Европы“ за 1811 г. № 20, октябрь, стр. 259—290. На стр. 286—290—отрывокъ изъ „Практич. защищенія“.

„Изъ Харькова“. Исторія основанія и утвержденія филотехническаго общества. Затѣмъ помѣщены: 1) „Первоначальный Актъ фил. общ.“, 2) „Правила фил. общ.“, 3) „Хозяйственныя распоряженія фил. общ.“ и 4) „Указъ“ о утвержденіи общества. „Вѣстникъ Европы“ 1811 г. № 20, октябрь, стр. 318—329.

„О филотехническомъ обществѣ въ Харьковѣ“ „Извѣщеніе изъ протоколовъ онаго послѣднихъ засѣданій въ Крещенскій съѣздъ сего 1812 года генваря 15, 17 и 20“. Въ журналѣ „Улей“ за 1812 годъ, ч. III, мѣсяць апрѣль, № XVI, стр. 319—327.

Письмо къ имп. Александру I 22 марта 1801 г., воспроизведенное „по памяти“ съ примѣчаніями за подписью: Б. К. 1812 годъ. Въ концѣ приписка В. Н. Каразина: „Было послано А. С. Шипкину изъ Харькова, 14 июня 1812 г.“ „Русская Старина“ за 1874 г. т. IV, стр. 68—80.

„Рѣчь произнесенная въ печальномъ собраніи Харьковскаго университета послѣ погребенія экстраординарнаго профоссора Авраама Яковлевича Калкау, ст. сов. В. Н. Каразинымъ“. Брошюра „Рѣчей“ за 1812 годъ, говоренныхъ въ торжественныхъ собраніяхъ Харьк. ун-та. (По указанію Г. П. Данилевскаго [„Украинская Старина“ X. 1866, стр. 169], но въ указанной брошюрѣ рѣчи Каразина *нѣтъ*. Въ рукописяхъ проф. Рославскаго-Петровскаго объ этомъ сочиненіи значится такъ „Рѣчь, произнесенная *генваря въ 27 день* 1812 г. въ Печальномъ Собраніи И. Х. У. непосредственно послѣ погребенія экстраординарнаго профессора А. Я. Калкау. X. 812, с. 3—7. Рукописи Росл.-Петр. находятся въ Арх. Ист. Фил. Общ. при Харьк. ун-тѣ).

„Рѣчь о необходимости въ настоящихъ обстоятельствахъ усилить домоводство“ („произнесена въ Харьковѣ 13-го января 1813 г., въ собраніи фил. общ. В. Н. Каразинымъ). Въ „Вѣстникъ Европы“ 1813 г., № 1, янв. ч. LXVII стр. 1—35. И отд. брош. съ подписью: Харьковъ. 1812“, 4°, 20 стр. (О послѣднемъ см. „Укр. Стар.“ Г. П. Д-скаго стр. 154).

„Справочникъ филотехническаго общества, цѣнъ стоящихъ въ Москвѣ въ ноябрѣ 1813 года“, съ примѣчаніями за подписью: Василій Каразинъ. Въ „Сборникъ историческихъ матеріаловъ 1-го отдѣленія собственн. Его Имп. Вел. Канцелярій“ Спб. 1878 г. стр. 413—437.

„Объявленіе филотехническаго общества № 2-й; филотехническому обществу правителя его дѣль, Каразина, отчетъ за 1813 годъ, представленный 1-го января 1814 г., изъ столичнаго города Москвы“. Прибавленіе къ „Московскимъ Вѣдомостямъ“ 1814 г., № 8; въ 4°, стр. 1—22. Здѣсь кромѣ 1) „Отчета за 1813 г.“ помѣщены 2) „Правила фил. общ. съ переменами, по которому 17-го января 1812 г., на кои получено согласіе министра внутреннихъ дѣль, и 3) „Высочайшій указъ“ утвр-

дившій фил. общество. Въ примѣчаніи сказано: „Объясненіе № I-й издано въ Харьковѣ“. * „Копія съ отчета фил. обществу правителя его дѣль В. Н. Каразина посланнаго обществу изъ столичн. города Москвы 1-го января 1814 г.“ помѣщена въ „Сборникъ Ист. Мат. I-го Отд. Канц. Его Вел.“ Спб. 1878 г., стр. 446.

„Выписка изъ протокола собранія Филотехническаго Общества бывшаго въ Успенскій съѣздъ въ Харьковѣ, 19 августа 1814 года“. Подпись: Василій Каразинъ. „Сборн. ист. мат. извлеч. изъ архива Соб. Его Имп. Вел. канцеляріи“ издаваемый подъ редакціей Н. Дубровина. Выпускъ второй. Спб. 1889, стр. 446—450.

„Филотехническому обществу правителя его дѣль, Каразина, отчетъ о происходившемъ послѣ усенскаго съѣзда прошлаго 1814 года“ („Читано въ публичномъ собраніи въ Харьковѣ, въ крещенскій съѣздъ, 1-го января 1815 г.“). Въ „Сынъ Отечества“ за 1815 г. № XI—XII, ч. 20-я, стр. 177—198 и 225—241. Тоже помѣщено въ „Сборн. Ист. Мат.“ изд. подъ ред. Н. Дубровина, вып. второй, стр. 451—472; Спб. 1889 г.

„Копія съ протокола собранія Филотехническаго Общества 1815 года, генваря 16-го дня. Харьковѣ“. Подпись: Василій Каразинъ. Тамъ же, стр. 450—451.

„Копія съ протокола собранія Филотехническаго общества 1815 года генваря 19-го. Харьковѣ“. Подп. Василій Каразинъ. Тамъ же, стр. 473—475.

„Списокъ дѣйствительныхъ и почетныхъ членовъ, также и корреспондентовъ Филотехническаго общества, по старшинству ихъ вступленія и за исключеніемъ умершихъ, сдѣланный къ 16-му марта 1815 года“. Подпись: Василій Каразинъ. Тамъ же, стр. 476—489.

Письмо къ издателямъ—В. Каразина. Подъ письмомъ подпись: „юля 25-го, 1815 г. С.-Петербургъ“. Съ приложеніемъ протокола комитета, учрежденнаго для разсмотрѣнія предположеній филотехническаго общества касательно: „Облегченія продовольствія заграничныхъ войскъ и флота и объ умноженіи въ государствѣ селитры, посредствомъ новаго способа“. Самый протоколъ за скрѣпою В. Н. Каразина, имѣетъ заглавіе: „Управляющему военнымъ министерствомъ, г. генералу отъ инфантеріи и кавалеру, князю Горчакову I-му“. Въ „Сынъ Отечества“ 1815 г. ч. XXXII, стр. 221—241. Эти же документы напечатаны въ „Сборн. ист. мат. изв. изъ Арх. Е. И. В.“ выпускъ второй, стр. 493—503. Спб. 1889.

„Письмо къ графу А. А. А. (Аракчееву), относительно одного російскаго историческаго анекдота“ Помѣтка въ концѣ: „В. К.—12-го ноября, 1816 г. Село Кручику“.—Въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“ на 1816 годъ, декабрь. Отд. I. Науки и искусства. Стр. 265—279.

„Харьковскія записки филотехническаго общества, 1816 г. августа 21-го числа“. („Протоколы общества за послѣдній съѣздъ не доставленные прежде—, по болѣзни правителя дѣль“). Тамъ же, стр. 352—353.

„Изъ Кручика. Выписка изъ метеорологическихъ наблюдений“. Въ „Харьковскихъ Извѣстiяхъ“ 1817 г. до 43 №. Подъ первою выпиской: В. К.

„Ученое Извѣстiе“ (получено изъ Кручика). Подпись В. К. „Харьковскiя Извѣстiя“ 1817 г. № 15.

„Протоколъ послѣдняго собранiя филотехническаго общества“, 1817 г. января 16-го.—Послѣдняя подпись: „членъ и правитель дѣль Василiй Каразинъ“. Въ „Украинекомъ Вѣстникѣ“ 1817 г., ч. V, кн. I, ноябрь, стр. 122—127.

„Всеподданнѣйшiй рапортъ статскаго совѣтника Василiя Каразина“. „Сентября дня 1817 года. Харьковъ“. Съ приложенiемъ статьи: „О учрежденiи и успѣхахъ Филотехническаго общества“ („Записка для моего Государя“. Въ „Сборн. ист. мат. Собств. Е. И. В. канц.“ подъ редакц. Н. Дубровина. Выпускъ второй. Спб. 1839, стр. 504—507.

„Филотехническому Обществу Правленiя его дѣль Каразина Отчетъ за первые восемь мѣсяцевъ 1817 г.“, „Укр. Вѣстн.“ окт. стр. 75—93. Подпись: Василiй Каразинъ, сентября 23, село Кручикъ.

Объявленiе объ изданiи актовъ филотехническаго общества, В. Н. Каразина. Въ „Харьковскихъ Извѣстiяхъ“ за № 1817 г. № 38; „Сынъ Отечества“ 1817, ч. XLI, № 48, стр. 152, „Украинскомъ Вѣстникѣ“ на 1817 г., стр. 256 и „Вѣстникѣ Европы“ 1817 г. № 2-й, стр. 104.

„Рѣчь о важности лѣсоводства наипаче для Россiи“ „Василiя Каразина“. Въ „Духъ Журналовъ“ 1817 г. ч. XVIII, С.-Петербургъ, стр. 265—288. (Въ примѣчанiи: „Была назначена для торжественнаго собранiя филотехническаго общества, сентября 18-го, въ Харьковъ“... То же въ „Вѣстникѣ Европы“ 1817 г. ч. XCV, стр. 199—214, съ примѣчанiемъ: „Сiя рѣчь будетъ издана въ актахъ филотех. общества“... Съ тѣмъ же примѣчанiемъ въ „Сынъ Отечества“ 1817 г., № XLIV, стр. 201—222, и, наконецъ, въ „Казанскихъ Извѣстiяхъ“ 1817 г., ноябрь, № 89 и 90, стр. 386—389 и 390—393.

„Выписка изъ письма къ г. слободско-украинскому гражданскому губернатору В. Г. Муратову, отъ 3-го ноября 1817 года“. (Съ приложенiемъ письма къ „Издателю Сына Отечества“). Подпись: Василiй Каразинъ. „Сынъ Отечества“ 1817 г. № LI, стр. 215—227, ч. XLII. То же, самое (кромѣ письма къ издателю) помѣщено въ „Сборн. Ист. Мат.“ изд. подъ ред. Н. Дубровина, выпускъ второй, стр. 508—512, (въ формѣ письма В. Г. Муратова къ В. Р. Марченку).

„Одна глава изъ рукописи“. Подъ заглавiемъ—Примѣчанiе: „Сей отрывокъ принадлежитъ къ сочиненiю, которое въ концѣ истекшаго 1816 года поднесено В. Н. Каразинымъ слободско-украинскому дворянскому собранiю. Титуль его есть слѣдующiй: „Защищенiе противу иностранцевъ, существующей нынѣ въ Россiи, подчиненности поселянъ ихъ помѣщикамъ“. Въ „Вѣстникѣ Европы“ 1817 г. ч. XCI, № 2, стр. 104—134.

„Отвѣтъ на сiю рецензiю В. Каразина“. Въ „Украинекомъ Вѣстникѣ“ 1818 г. январь, стр. 20—35. (По поводу помѣщенной въ томъ же

выпускъ „Украинскаго Вѣстника“ статьи, безъ подписи: „Письмо изъ С.-Петербурга къ автору рѣчи о важности лѣсоводства наипаче для Россіи“.

„О возможности приложить электрическую силу верхнихъ слоевъ атмосферы къ потребностямъ человѣка“. „Февраля „ “ дня 1818 года. Членъ разныхъ ученыхъ обществъ и правитель дѣлъ филотехническаго Василій Каразинъ. Москва у кузнецкаго моста въ домѣ Бекерса“. (Оригиналъ записки въ Арх. М. Н. Пр. въ дѣлѣ подъ № 20,008, карт. № 296). Въ „Русс. Стар.“ 1873 г. февраль, стр. 228—234. Статья: В. Н. Каразинъ“.

„Письмо помѣщика Богодуховскаго уѣзда В. Н. К. объ обсаджѣ дорогъ деревьями“ „Мая 26-го 1818 г. Село Кручицъ“. Въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“ 1818 г. стр. 353—362.

Въ „Украинскомъ Вѣстникѣ 1818 г. май, отд. I, стр. 121—143 и июнь, стр. 246—253 напечатана „Записка о достопримѣчательностяхъ Москвы“ Н. М. Карамзина. Подъ заглавіемъ сноски: Писанная всеконечно Николаемъ Михайловичемъ Карамзинымъ, по случаю отбытія изъ С.-Петербурга въ сію столицу Ея Величества вдовствующей Государыни Императрицы. Я щастливо досталъ этотъ, можетъ быть, не совсемъ полный и исправный списокъ, и прошу гг. издателей и мѣстить оный въ своемъ журналѣ, буде угодно съ моею личностію. Василій Каразинъ“. Съ примѣчаніемъ въ текстѣ за подписью: В. К.

„Къ Издателю“. (Предложеніе по иниціативѣ правительства собирать историческіе докуметы и матеріалы со всей Россіи) съ приложеніемъ статьи: „Россійскій Анекдотъ“. Помѣтка: Село Кручицъ 26 октября 1818 В. Каразинъ. Въ „Благонамѣренномъ“ ч. IV, 1818 г. декабрь. От. „Смѣси“, стр. 324—328—329.

„О имени Славянъ“. Труды Общ. Люб. Росс. Слов. при Имп. Моск. Ун. часть двѣнадцатая, Москва 1818, стр. 79—86. В. Каразинъ.

„Чистая Правда, безъ малѣйшаго украшенія и увеличенія“ („Отрывокъ изъ дневной записки прѣзжаго украинца, которая, можетъ быть, будетъ напечатана“) въ „Сынѣ Отечества“ 1819 г., ч. LVI, стр. 286—288, подпись В. К.

„Статистика Харьковской Губерніи“. Москва, 1819 г. Указаніе на это сочиненіе находимъ въ біограф. словарь, изд. подъ редакціей А. Половцова. Мы не пользовались этимъ произведеніемъ и не провѣрили справедливость указанія; въ „Словарѣ“ есть ошибки; можетъ быть это есть ошибочно названное „Статистическое описаніе Слоб.-Укр. Губ.“ М. 1820 г.

О Китаѣ—Рукопись И. И. Голикова, доставлена Каразиннымъ издателю „Благонамѣреннаго“. Передъ статьей письмо къ издателю В. Н. Каразина. Заключительная NB (1½ страницы) и одно примѣчаніе за подписью В. К. Въ „Благонамѣренномъ“. Ч. V, 1819 г. мартъ, № VI, Отд. Прозы“, стр. 337—352.

„Опытъ сельскаго устава для помѣщичьяго имѣнія, состоящаго на оброкѣ. С.-Петербургъ, въ типогр. Греча 1819 г. Подпись подъ приложеніемъ.

дисловіемъ: Василій Каразинъ. Октября 29-го; 1819 г. С.-Петербургъ. Отдѣльная брошюра, въ 8-ю д., 16 стр. Въ брошюрѣ кромѣ „Предисловія“ помѣщенъ „Временный уставъ сельца Анашкина, съ деревнями“ изъ 22 статей. Эта же статья помѣщена въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“ за 1818 г. май „Смѣсь“, стр. 234—241 г. подъ названіемъ „Временный уставъ сельца Анашкина съ деревнями“. Подпись: В. К.

„Филотехническому обществу—правителя дѣлъ его, Каразина, отчетъ за послѣдніе четыре мѣсяца 1818 года“, Харьковъ, ун. тип. 1819 г., 40 стр. Подпись: Василій Назаріевъ сынъ Каразинъ. То же помѣщено въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“ за 1819 г. ч. XIV, стр. 3—38, гдѣ не помѣщено одно „заключеніе“, имѣющееся въ брошюрѣ.

„Языческій праздникъ въ Европѣ, въ XIX столѣтіи христіанскаго лѣтосчисленія“ въ сноскѣ къ заглавію: „Изъ записокъ Украинца“... Подпись В. К. Въ „Сынъ Отечества“ 1820 г. № 5, „Смѣсь“, стр. 238—240.

„Отрывокъ изъ дневной записки Украинца“. Подпись В. К. „Сынъ Отечества“ 1820 г. № 2, стр. 93—96. (Описаніе собранія Россійской Академіи).

О бывшихъ злоупотребленіяхъ въ продажѣ людей. Три собственноручн. записки В. Н. Каразина, представлен. гр. Кочубею въ январѣ 1820 г. Русская Старина 1903 г. августъ стр. 457—465.

„Докладная записка министру внутреннихъ дѣлъ гр. В. П. Кочубею, по поводу циркуляра попечителя Харьк. учебн. округа З. Я. Карнѣева отъ 25 янв. 1819 г. Подпись: „Апрѣля 16-го, 1820 года“. „Сборникъ Харьк. Ист. Фил. Общ.“ кн. 8, 1896 г., стр. 31—37.

„Объ ученыхъ обществахъ и періодическихъ сочиненіяхъ въ Россіи“. Разсужденіе читанное В. Н. Каразинымъ въ собраніи С.-Петербургскаго общества любителей Россійской словесности 1-го марта 1820 года. Подпись: Василій Каразинъ. „Русская Старина“ 1871 г. т. III, стр. 330—335. Это же сочиненіе было выпущено отдѣльной брошюрой подъ названіемъ: „О ученыхъ обществахъ и періодическихъ сочиненіяхъ въ Россіи“. Спб., марта 3-го, 1820 года въ 4 д. л., 10 стр. Подпись: В. Каразинъ, цѣна 5 рублей.

Письмо къ Императору Аександру Павловичу отъ 21 апрѣля 1820 года. Подпись: „Вашего имп. вел. вѣрноподд. В. Каразинъ“. „Русская Старина“ 1870 г. т. II, стр. 568—571.

Письмо къ министру вн. дѣлъ гр. В. П. Кочубею. Подпись: „Каразина“. Тамъ же, стр. 571—574.

Объяснительная записка В. Н. Каразина министру вн. дѣлъ графу Виктору Павловичу Кочубею 13 мая 1820 года.—Записка состоитъ изъ 7 тетрадей; примѣчанія подписаны: В. К. Первые четыре тетради помѣщены въ „Русс. Старинѣ“ 1870 г. т. II, стр. 575—590 и 3 послѣднія въ „Русс. Старинѣ“ 1871 г. т. III, стр. 16—38 за подписью: Василій Каразинъ. Записки составлялись съ апрѣля по ноябрь 1820 г.

Письмо графу В. П. Кочубею отъ 4-го іюня 1820 года по поводу либеральнаго и противоправительственнаго направленія русской литературы. Въ „Русской Старинѣ“ за 1899 г., май стр. 277—279.

„Подробная таблица обстоятельствъ народонаселенія Слободско-Украинской Губерніи на основаніи десятилѣтней сложности“ (1808—1817 гг.) на 7 листахъ (in folio), печатанныхъ въ Спб. въ типографіи Греча въ числѣ 600 экземпляровъ (какъ сказано внизу на послѣднемъ листѣ) съ помѣткою: мая 1-го дня, 1820. Цензоръ, Стат. Сов. и Кав. И. Тимковскій. Въ выноскѣ къ заглавію этой таблицы сказано: „Принадлежитъ Статистическому обозрѣнію сей Губерніи, которое въ 1817 году было поднесено Г. Г. Г—мъ одной высокой особѣ въ проѣздѣ ея черезъ Харьковъ“.

„Еще нѣкоторыя замѣчанія о слободско-украинской губерніи“. Въ примѣчаніи къ оглавленію: „отрывокъ составляющій заключение рукописнаго Статистическаго Обозрѣнія сей Губерніи, которое въ сентябрѣ 1817 года было поднесено Г. Г. Г—мъ одной высокой особѣ въ проѣздѣ ея черезъ Харьковъ, и очень милостиво Ею принято: что видно было изъ полученнаго по сему предмету отзыву изъ Москвы. В. К.“ Статья не подписана. Въ „Соревнователѣ Просвѣщенія и благотворенія“ 1820 г. № II, Спб. Отд. „Прозы“ стр. 129—141. Статья дѣлится на двѣ части: обзорніе губерніи 1) „Въ философскомъ отношеніи“ и 2) „Въ отношеніи политическомъ и нравственномъ“.

„Объясненіе подробной таблицы обстоятельствъ народонаселенія въ Слободско-Украинской Губерніи, сравненіе выводимыхъ изъ нея перечней („результатовъ“) и подобными имъ, извлеченными изъ таковыхъ же обстоятельствъ прочихъ Губерній Россійской Имперіи и другихъ земель Европы“: Подпись: „С.-Петербургъ 26 ноября 1820 года“, съ примѣчаніемъ подъ чертой (стр. 21): „Въ рукописи, которая была назначена для публичнаго чтенія, въ тотъ самый день, столько достопамятный въ моей жизни, въ печати не перемѣнилъ я не единого слова; даже очевидныя ошибки слова (по быстрому изложенію въ то время) не исправлены. Марта 20, 1829 года Москва. Василій Назарьевъ сынъ Каразинъ“. 21 стр. При „Объясненіи“ приложены 7 статистическихъ таблицъ изслѣд. Слободско-Украинской Губерніи, напечатанныхъ въ 1820 году въ тип. Греча. „Объясненіе“ съ „Таблицами“ помѣщены вмѣстѣ въ „Актахъ Филотехническаго Общества“ томъ VI. Москва, 1829 г. Въ Унив. Типогр.—На экземплярѣ, которымъ я пользовался (хранится въ Имп. Публ. Библ.), на 1-й страницѣ собственноручная надпись В. Н. Каразина: „Его Сіятельству Графу Виктору Павловичу Кочубею, которому извѣстны уже включенныя здѣсь таблицы, во время печатанія ихъ въ 1820-мъ году, хотя объясненіе къ нимъ тогда не успѣло быть изданнымъ, почтительнѣйше подноситъ издатель, всеусердно поздравляя Праздникомъ свѣтлаго воскресенія и—надѣясь, что удостоенъ бу-

детъ отзывомъ на письмо его отъ 13-го декабря прошедшаго года. Москва. За Арбатскими воротами, домъ Генераль-Маіора Базилевича. Апрѣля 12-го дня 1829 года“.

„Ога Богъ на латинскомъ языкѣ“ критическія замѣчанія Каразина. Передъ Р. С. Подпись: Василій Каразинъ. Въ „Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія“ 1820 г. № II, стр. 198—213, отд. „Смѣси“.

„О примѣчательнѣйшихъ новѣйшихъ открытіяхъ, сдѣланныхъ въ Россіи“. (Научныя новости по Географіи, Ботаникѣ, Химіи, Зоологіи и проч.) „Вступленіе“ подписано: В. К. такъ и примѣчанія. Съ приложеніемъ статей по техно-химіи члена-сотрудника филотехническаго общества Власова. Тамъ же, отд. „Ученыхъ Извѣстій“, стр. 214—223 (и статьи Власова стр. 224—238).

Письмо къ императору Николаю I. 18 сентября 1826 года съ примѣчаніями за подписью: В. К. „Русская Старина“ 1870 г. т. II, стр. 561—568.

„О древностяхъ Слободско-Украинской Губерніи“ въ скобкахъ: („списокъ съ письма Члена Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ В. Н. Каразина къ Г-ну Вице-Губернатору Слободско-Украинской Губерніи (управлявшему тогда оною) С. Ф. Паскевичу, декабря отъ 19-го 1827 года. Безъ подписи. „Историческій, Статистическій и Географическій журналъ или современная исторія свѣта“ на 1829 г. Часть вторая, книжка третья, мѣсяць іюнь. „Смѣсь“. Стр. 256—260.

„Нѣчто относительное къ метеорологіи“ Василя Каразина. Въ „Сынъ Отечества“ 1828 года, ч. СХVIII, стр. 177—187. Помѣтка: 1828 г., марта 7-го. Село Кручиць.

Проектъ изданія „Отечественнаго Архива“ (Письмо къ Погодину) 1828 г. Августъ. Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1893 г. т. I, стр. 97—98.

„О самомъ удобнѣйшемъ способѣ сохранять и на большія разстоянія перевозить питательныя, цѣлебныя и въ рукодѣляхъ употребляемая вещества изъ царствъ животныхъ и растений“. „Записка, которая назначена для помѣщенія въ журналѣ, а нынѣ напечатана только въ числѣ ста экземпляровъ“. Москва. Въ Типографіи Н. Степанова. 1829. Подпись: „С. С. и К. Василій Назаріевъ сынъ Каразинъ. Москва, дек. 17, 1828 года“. 18 стр. in 8°.

„О средствѣ употреблять исландскій мохъ въ неурожайное время на хлѣбъ“. Письмо къ Харьк. Гражд. Губернатору. Архивъ Харьк. Двор. Дея. Собр. По описи дѣлъ 1828—1835 г. за № 27, листы 2-й и 3-й.

Критика „Перипла Понта Евксинскаго“ Арріана. (Письмо къ А. Г. Тройницкому) „27 марта 1873 года“. Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1894 г. т. I, стр. 561—562.

„О вѣроятной причинѣ всеобщаго измѣненія температуры“. (Подпись: В. Каразинъ, Мая 8-го, 1837 г. Богодуховскій уѣздъ). Въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія“ 1837 г., ч. XVI, стр. 687—691.

„О заготовленіи дровъ“ „Василія Каразина“, 23-го января, 1838 г. № 6, стр. 55—57.

„О посадкѣ картофеля въ поляхъ“. В. К. 19-го февраля. Въ „Харьк. Губ. Вѣд.“ 1838 г. № 9, стр. 81—82.

„О приготовленіи дерева на столярную работу“ В. К. Въ „Харьк. Губ. Вѣд.“ 1838 г., № 10, стр. 93—94.

Частныя извѣщенія: о продажѣ акклиматизированныхъ растений у В. И. Кристера. В. К.—Въ „Харьк. Губ. Вѣд.“ 1838 г. № 15, стр. 148.

„О цѣлебной водѣ въ дачахъ надъ Орелью“. Василій Каразинъ. Въ Харьк. Г. Вѣд. 1838 г. № 38, стр. 337—338.

„О лѣсоводствѣ или лѣсоразведеніи“ „Василія Каразина“. Въ „Харьк. Г. Вѣд.“ 1838 г. № 48, стр. 413—416 и № 51 стр. 428—432.]

„О торгѣ за границу хлѣбными спиртами“. В. Каразина. Въ „Харьк. Г. Вѣд.“ 1838 г. № 50, стр. 421—425.

„Переходъ харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ—въ новое жилище“. В. Каразина. Въ „Харьковск. Губ. Вѣд.“ Прибавленія 1839 г. № 34, стр. 233—234.

„Объ открытіи палаты государственныхъ имуществъ“ В. К. Въ „Харьк. Губ. Вѣд.“ 1839 г. № 1, стр. 1-я.

„О предвѣстіяхъ погоды“. Василія Каразина. Въ „Харьк. Г. Вѣд.“ 1839 г., № 12, стр. 67—71.

„Польскій вопросъ въ 1839 году“. Харьковъ, 23-го февраля 1839 года. Подпись: Василій Каразинъ. Въ „Русской Старинѣ“ за 1870 г., т. II, стр. 591—596.

„Нѣчто о кадастрѣ“. В. Каразина. Въ „Харьк. Губ. Вѣд.“ 1839 г., № 45—стр. 295—296 и 47 № стр. 306—307.

„О химическихъ превращеніяхъ“. В. Каразинъ. № 4, стр. 38. „Харьк. Губ. Вѣд.“ 1840 г.

„О кончинѣ праведника“ (Мелетія, архіепископа харьковскаго и ахтырскаго). Василія Каразина. Въ „Харьк. Губ. Вѣд.“ 1840 г. № 9. Отдѣльное незанумерованное прибавленіе.

«Дополненіе къ статьѣ о нашихъ древностяхъ, напечатанной въ предвѣдущемъ №» (т. е. къ статьѣ Пассека: «О древностяхъ Харьковской Губерніи», помѣщенной въ 19 № X. Г. Вѣд.). Перепечатанная съ прибавленіями статья Каразина «О древностяхъ Слободско-Украинской Губерніи», напечатанная въ «Историч. Стат. Географ. журн.» на 1829 г. Помѣтка: Маія 21 дня 1839. Харьковъ. В. Каразинъ. Прибавленіе къ «Харьк. Губ. Вѣд.» за 1839 г., № 20, стр. 127—130.

«О содержаніи рѣкъ въ городахъ В. К. Въ «Харьк. Губ. Вѣд. 1840 г. № 12, стр. 113. Подпись: В. К.

«О университетскомъ музыкальномъ вечерѣ». В. К. Въ «Харьк. Г. Вѣд.» 1840, № 15, стр. 140—141.

«О значеніи Харькова для полуденной Россіи». В. Каразина. Въ «Харьк. Г. Вѣд.» 1840 г. № 39, стр. 339—345; № 40, стр. 351—353, № 41, стр. 363—365.

«О воспитаніи женскаго пола въ низшихъ состояніяхъ». Василія Каразина. Въ «Харьк. Г. Вѣд.» 1841 г. № 3, стр. 21—23.

„О сженіи угля съ разсчетомъ“. В. Каразина. Въ „Харьк. Г. Вѣд.“ 1841 г. № 8, стр. 66—69; № 9, стр. 74—77, № 10, стр. 82—84 и № 11 стр. 93—96.

„Способъ выгоднѣйшаго и безопаснѣйшаго отопленія зданій“ В. Каразина. Въ „Харьк. Губ. Вѣд.“ 1841 г., № 20, стр. 187—189.

„О посадкѣ картофеля въ поляхъ“. В. Каразина. Въ „Харьк. Губ. Вѣд.“ 1841 г. № 23, стр. 214—215.

Изъ Харькова. „О новомъ открытіи въ Англии, которое однако есть повтореніе російскаго изобрѣтенія 1809 года“. За подписью: Василій Каразинъ, Харьковъ 10-го апрѣля 1842 года. Въ „Москвитянинъ“ 1842 г. № 6. Ч. III, стр. 387—389.

„Арбузы“. В. К. Въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ 1842 г. № 68 Фельетонъ „О сахарѣ арбузнаго сока“.

„Нѣсколько предложеній добраго гражданина“. Одесса. 1842 г. Подпись: В. К. Посвященіе: „Благодѣтельному гражданину и умному любителю своего отечества Козьмѣ Никитичу Кузину, Одесса, въ концѣ августа 1842 года“. 8°, 20 стр.—Въ брошюрѣ помѣщены: 1) „Мысли объ отопленіи или нагрѣваніи комнатъ парами“ съ подписью: Василій Каразинъ. Января 5-го, 1838 года, г. Харьковъ. 2) „О заготовленіи дровъ“ его-же, съ подписью В. К. 23-го января 1838 года. Харьковъ. Напечатано въ Харьковской газетѣ № 6. 3) „О приготвленіи дерева на столярную работу“ изъ 11-го № Харьковскихъ Вѣдомостей 1838 года, съ подписью В. К. Передъ статьями „Предувѣдомленіе“. В. Каразина.

„Безпристрастный взглядъ на южный берегъ Тавриды и на его произведенія“. Помѣтка: „Магарачское казенное заведеніе. 28-го окт. 1842 г.“ Съ примѣчаніями помѣченными В. К. Въ „Русской Старинѣ“ 1872 г., апрѣль, стр. 661—669.

„Взглядъ на украинскую старину“. В. Каразина. Въ „Молодикъ“ на 1844 годъ. Харьковъ 1843 г. стр. 33—45. Подъ статьей помѣтка: Харьковъ 1842 г. Къ этой статьѣ тамъ же (стр. 225—229) приложены сообщенные въ редакцію В. Н. Каразинымъ 1) Рапортъ отъ 14 февраля 1732 года изъ харьковской полковой таможеннѣи въ бѣлгородскую канцелярію „Цѣны провіанту въ Харьковѣ въ 1732 году“ 2) „Условіе помѣщика съ учителемъ за 40 лѣтъ назадъ“ отъ 7 октября 1800 года. Въ томъ же выпускѣ „Молодика“ напечатаны: 1) „Подлинная бумага послѣдней половины XVII вѣка“ о поставкѣ двухъ „шпиталень или богадѣлень“ по указу Феодора Алексѣевича, —2) „Духовное завѣщаніе Ломѣковскаго“ отъ 1711 года, сообщенныя В. Н. Каразинымъ.

„Каталогъ славяно-русскихъ рукописей погибшихъ въ 1812 году профессора Баузе“. Подпись: В. Каразинъ. О. Бодянскій указываетъ, что каталогъ этотъ написанъ рукою Василя Назаровича. Даты нѣтъ. (См. „Чтенія въ Общ. Ист. и Древ. Росс.“ 1861 г. т. III, стр. 202—203—указанія О. Бодянскаго и К. Ф. Калайдовича). „Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Росс.“ 1862 г. т. III, стр. 45—79.

Въ пятомъ выпускѣ „Молодика“ И. Е. Бецкаго (не изданномъ) предполагалось помѣстить „Географическое, статистическое и топографическое обозрѣніе Харьковской губерніи, составленное по рукописямъ г. Шафонскаго и В. Н. Каразина“. См. о томъ „Молодикъ“ на 1844 г., Спб. Въ типогр. Жернакова, 1844 г. стр. 243.

Статья „Мнѣніе одного Украинскаго помѣщика выраженное послѣ бесѣды съ своими собратіями объ Указѣ 23-го мая, 1816 года, и объ Эстляндскихъ постановленіяхъ“, напечатана впервые въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Росс.“ 1860 года, томъ II, Смѣсь, стр. 218—227 за подписью: В. Каразинъ. Это же сочиненіе помѣщено въ „Сборн. Ист. Мат. извлеч. изъ арх. собств. канц. Его Имп. Вел. выпускъ седьмой, изд. подъ редакціей Н. Дубровина Спб. 1895 г. съ указаніемъ въ заголовкѣ на принадлежность его „В. Н. Каразину“. Принадлежность Каразину этого произведенія опровергнута О. Бодянскимъ (въ „Чтеніяхъ 1816 г. т. III, стр. 201—202), что подтверждается Г. П. Данилевскимъ („Украинская Старина“ Харьковъ, 1866 г. стр. 165—166). Содержаніе „Мнѣній объэстляндскихъ постановленіяхъ“, равно какъ и хронологическія данныя не соотвѣтствуютъ убѣжденіямъ и времени дѣятельности В. Н. Каразина.

Частная переписка В. Н. Каразина,

въ хронологическомъ порядкѣ (1798 -- 1842).

Къ кн. Вяземскому отъ 30-го августа 1798 года. Чтенія, 1866 г., смѣсь, стр. 31—32.

1801 г.

„Бумага къ 12-му декабря 1801 г.“, присланная изъ Москвы: „снovidѣніе“, въ которомъ Александръ Невскій представленъ бесѣдующимъ.

1802 г.

Къ Государю Александру I-му отъ 8 августа 1802 г. Русская Старина, 1875 г., т. 13, стр. 79.

Къ нему же. Тамъ же, стр. 79—80.

Къ нему же—отъ 28-го октября 1802 г. черезъ министра народнаго просвѣщенія—Завадовскаго. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1872 г., ч. CLIX, стр. 72—73.

Къ министру внутреннихъ дѣлъ, гр. Кочубею, отъ 4-го декабря 1802 г. Русская Старина, 1875 г., т. 14, стр. 186—188.

1803 г.

Къ императору Александру I-му. 1803 г. Русская Старина, 1875 г., т. 14, стр. 194—195.

Къ Кочубею, 1803 г., январь. Тамъ же, стр. 190.

Къ нему же, отъ 29-го января 1803 г. Тамъ же, стр. 191—193.

Къ императору Александру I-му, 1803 г. февраль. Тамъ же, стр. 196—198.

Къ И. Θ. Тимковскому, отъ 24-го марта 1803 г. Кіевская Старина, 1891 г., т. 34, стр. 233—236.

Къ губерн. предвод. дворянства—Донецъ-Захаржевскому, отъ 26-го марта 1803 г. Опытъ исторіи Харьковскаго ун—та проф. Д. И. Багалѣя, т. I, стр. 100—101, 103.

Къ Н. Н. Новосильцеву отъ 10 іюня 1803 г. „Опытъ ист. Харьк. унив—та“ проф. Багалѣя, т. I, гл. II, стр. 107—112.

Къ Кочубею, отъ 14-го іюня 1803 г. Русская Старина, 1875 г., т. 14, стр. 198—200.

Къ И. Θ. Тимковскому—отъ 2-го августа 1803 г. Кіевская Старина, 1891 г., т. 34, стр. 383—384.

Къ государю Александру I-му—отъ 16-го августа 1803 г. Русская Старина, 1875 г., т. 14, стр. 273—278.

Къ нему же—отъ 23-го августа 1803 г. Тамъ же, стр. 470—471.

Къ нему же—отъ 12-го сентября 1803 г. Тамъ же, стр. 278.

Къ нему же—отъ. . . 1803 г. Тамъ же, 474—476.

Къ И. Θ. Тимковскому—отъ 1-го октября 1803 г. Кіевская Старина, 1891 г., т. 34, стр. 384—387.

Къ Шишкину—отъ 14-го октября 1803 г. Журн. Мин. Нар. Просв. 1872 г., ч. CLIX, стр. 89.

1804 г.

Прошеніе Каразина, представленное кн. Чарторижскимъ императору Александру I-му въ ноябрѣ 1804 г. Русская Старина, 1903 годъ,—апрѣль, стр. 9—10, примѣчаніе (2)

1805 г.

Письмо въ Комитетъ Правленія Харьковскаго Ун—та, отъ 31-го марта 1805 г. Опытъ исторіи Харьков. унив—та проф. Д. И. Багалѣя, т. I, стр. 139—140.

1806 г.

Епископу Христофору Сулимѣ—отъ 29-го января 1806 г. Харьковскій Сборникъ 1887 г. стр. 59—60.

Митрополиту Амвросію—отъ 9-го февраля 1806 г. Тамъ же, стр. 57—58.

Епископу Христофору Сулимъ отъ 10-го іюня 1806 г. Тамъ же, стр. 56.

1807 г.

Къ священнику Иванову — отъ 31-го іюня 1807 г. с. Анашкино. Харьковскій Сборникъ, 1887 г., стр. 63.

1809 г.

Къ госуд. Александру I-му—отъ 4-го октября 1809 г. Ссылку на это письмо находимъ въ статьѣ „О невмѣстательствѣ въ дѣла Европы“. Чтеніе, 1863 г., т. III, стр. 123 и 126.

1810 г.

Къ М. М. Сперанскому—отъ 18-го апрѣля 1810 г. Москва. Русская Старина, 1872 г., январь, стр. 82—83. Сообщ. Ф. К. То же, т. 108, стр. 31.

1813 г.

Къ гр. А. А. Аракчееву, посланное черезъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 12-го декабря 1813 г. Москва. Сборникъ историч. матеріаловъ I-го отд. канцеляріи Его Величества, вып. I-й, 1878 г., стр. 410—412. Также: Москва. Иллюстр. Газета, 1892, № 307 (сообщ. Бочаровымъ) и Южный Край, 1892 г. № 4070—отъ 8-го ноября.

1814 г.

Къ гв. А. А. Аракчееву—отъ 12-го января 1814 г. Москва. Тамъ же (въ трехъ мѣстахъ). Послано черезъ министра внутрен. дѣлъ А. И. Горчакова.

Къ нему же—отъ 29 марта 1814 г. Тамъ же (въ трехъ мѣстахъ).²

Къ нему же—отъ 9 апрѣля 1814 г. Москва. Тамъ же (въ трехъ мѣстахъ).

1815 г.

Къ нему же—отъ 5 апрѣля 1815 г. С.-Петербургъ. Сборникъ историческ. матеріал. вып. II-й. Спб. 1889 г., стр. 489—491.

Къ князю Н. И. Салтыкову отъ... мая 1815 г. Русская Старина, 1900 г. ноябрь, стр. 259.

1816 г.

Къ гр. А. А. Аракчееву—отъ 14-го іюня 1816 г. Сборникъ историч. матер. вып. II-й. Спб. 1889, стр. 492—493.

1817 г.

Къ нему же—отъ 1-го января 1817 г. Н. Дубровинъ „Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе имп. Александра I-го, стр. 178. Спб. 1883 г.

1818 г.

Къ В. Р. Марченку—отъ 11-го февраля 1818 г. Москва. Сборникъ историч. матеріаловъ, вып. II-й, стр. 514.

1819 г.

Его Благородію П. И. Головачеву, Ахтырскому Г-ну землемѣру—отъ 6-го іюня 1819 г. Вольное. Сборникъ Харьковскаго Историко-Фило-техническаго Общества, кн. 3, стр. 311. Харьковъ. 1891 г. .

Собственноручное прошеніе статскаго совѣтника Василя Каразина въ С.-Петербургскую цензуру—отъ 29 октября 1819 г. Русская Старина, 1901 г., январь, стр. 244.

Къ Кочубею въ концѣ октября (1820 г.) Ист. Вѣстн. 1900 г. апрѣль, стр. 1049.

2 письма къ кн. Вяземскому отъ 2 іюня 1821 г. Тамъ же, стр. 1052—1053.

1827 г.

Письмо ст. совѣтника В. Каразина къ дѣйствительному статскому совѣтнику Василю Гавриловичу Муратову—отъ 3-го марта 1827 г. Съ примѣч. Кар—на. С. Кручикъ. Русская Старина, 1902 г. апрѣль, стр. 224.

1829 г.

Къ А. А. Долгорукому—отъ 6-го іюля 1829 г. Богодуховъ. Русская Старина, 1903 г. апрѣль стр. 7—8.

Къ нему же—отъ 8-го іюля 1829 г. Кручикъ. Тамъ же, стр. 9—11.

1830 г.

Къ М. Ш. Погодину—1830 г. (о средствахъ противъ холеры). Н. Барсуковъ. „Жизнь и труды Погодина“, кн. III, стр. 216.

1831 г.

Къ А. Х. Бенкендорфу—отъ 13-го ноября 1831 года Русская Старина, 1903 г. апрѣль, стр. 13.

Къ нему же—отъ 15-го ноября 1831 г. Тамъ же, стр. 13—14.

Объясненіе Каразинымъ своихъ дѣйствій по растратѣ университетскихъ суммъ (покупка коллекціи Аделунга)—отъ 20-го ноября 1831 г. Русская Старина, 1903 г. апрѣль, стр. 14—16.

Къ С. Н. Муханову—отъ 20 и 21 ноября 1831 г. Тамъ же, стр. 16—17.

Къ императору Николаю I-му—отъ 31 декабря 1831 г. Тамъ же, стр. 21—24.

1837 г.

Къ А. Г. Тройницкому—1837 года. Русскій Архивъ, 1894 г., т. I стр. 563.

1839 г.

Къ Бенкендорфу—отъ 15 іюля 1839 г.—для Великой княгини Маріи Николаевны. Русская Старина, 1903 г., апрѣль, стр. 24—25.

Къ нему же—отъ 26 сентября 1839 г. Тамъ же, стр. 25—26.

Къ нему же—отъ 15 ноября 1839 г. Тамъ же, стр. 26—27.

1842 г.

Къ Погодину (о Молодикѣ) 1842 г. Барсуковъ „Жизнь и труды Погодина“, кн. VII, стр. 136.

Къ нему же—1842 г. То же, кн. VI, Сиб. 1892 г., стр. 67—68.

Къ Е. И. Колтуновскому—отъ 15 апрѣля 1842 г. Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества, т. III, стр. 340. Харьковъ, 1891 года.

Къ нему же—отъ 28 апрѣля 1842 г. Тамъ же.

Къ нему же—безъ даты (послѣ 28 апрѣля). Тамъ же.

„Письмо къ издателю“ Молодика—Бецкому—отъ 2-го мая 1842 г. Харьковъ. Молодикъ на 1844 г., стр. 229—230. Харьковъ, 1843 г.

Къ М. П. Погодину—отъ 23 мая 1842 г. Впервые: Москвитянинъ, 1843 г. № 2, стр. 628—629, потомъ въ другихъ изданіяхъ.

Въ настоящемъ обзорѣ источниковъ и пособій отсутствуютъ указанія на неизданныя письма В. Н. Каразина, не имѣющія научнаго характера; соответствующія указанія на нихъ, равно какъ и на неизданные документы официального характера, сдѣланы подѣ текстомъ сочиненія.
